ВЕСТНИК
Казанского юридического института МВД России

№ 2 (20) 2015	Научно-теоретический журнал Учредитель и издатель – ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н. , профессор Миннханов Р.Н. (Казань, Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГУ)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России
Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе
Члены редакционной коллегии:
д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н. , профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
д.ю.н., доцент Андреев М.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Шалагин А.Е., начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.
Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Л.А. Ризванова

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)
Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35
Подписано в печать 15.06.2015 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Анкудинов А.Б., Нугуманова Д.Р.
Формирование и применение индексов транспарентности и качества корпоративного управления российских компаний 6

Безруков А.В.
Органы внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка в Российской Федерации 11

УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ

Артюшина О.В.
Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России 18

Богаткина Р.Ш., Садыкова И.В.
Актуальные проблемы расследования уголовных дел с участием иностранных граждан и лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом: теория и практика 23

Демидова-Петрова Е.В.
Особенности и показатели преступности несовершеннолетних в Республике Татарстан 29

Ефремова М.А.
Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков 35

Рогова Е.В.
Криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести 40

Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е.
Криминальная субкультура и ее предупреждение 46

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

Зиннуров Ф.К., Красильников В.И.
О судебно-психиатрической экспертизе лиц, совершивших общественно опасные действия (ст. 105 УК РФ) 53

Малков В.П., Хайдаров А.А.
Межрайонные суды в системе судов общей юрисдикции - новая судоустройственная категория 61

Иванов П.И., Сонин В.В.
Обеспечение защиты бюджетных средств в сфере реализации целевых программ от преступных посягательств 64

Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф.
Сущность и основные принципы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач 70

Шматов М.А., Шматов В.М.
Историко-правовые аспекты развития и трансформации теории оперативно-розыскной деятельности в науку 76

Кузнецова С.М.
Реформа предварительного расследования: перспективы развития 80

Хайдаров А.А.
Проблема личной ответственности за производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений в отечественном уголовном процессе 84
Шалагин А.Е., Шляхтин Е.П.
Проблемы предупреждения и противодействия организованной преступности 88

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Илиджев А.А.
Сущность и значение профессиональных компетенций по направлению «Юриспруденция» при проектировании компетентностно-ориентированного образовательного процесса в образовательных организациях МВД России 95
Сироткин Ю.Л.
Стигматизация как социокультурный феномен 100

ТРИБУНА МОЛОДЫМ

Музеев А.И., Толстая М.-В.Е.
Из истории нормативного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности 107
Иванов П.И., Кузнецов П.Г.
Об опыте проведения оперативно-профилактических мероприятий «Лесовоз - 2014» (по материалам УТ МВД России по ДФО) 110
Ефремова М.А., Борзиков А.А.
Обман потребителей в современном уголовном и административном праве: перспективы и проблемы криминализации 116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научно-практическая конференция адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов «Юридическая наука и практика: история и современность» 121
Итоговая конференция института «Социально-экономические и правовые аспекты обеспечения правоохранительной деятельности в Российской Федерации» 123

ABSTRACTS AND KEY WORDS 125
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 129
ДОГОВОР С АВТОРОМ 132
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 134

CONTENTS

CONTENTS 4

STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW

Ankudinov A.B., Nugumanova D.R.
Formation and application of codes of transparency and quality of corporate governance in Russian companies 6

Bezrukov A.V.
The internal Affairs bodies in the mechanism of law enforcement in the Russian Federation ... 11

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Artushina O.V.
Criminological characteristics of violent crime in contemporary Russia 18

Bogatkina R.Sh., Sadykova I.V.
Actual problems of investigation of criminal cases involving foreign citizens and persons with diplomatic immunity: Theory and Practice 23

Demidova-Petrova E.V.
Features and indicators of crime of minors in the Republic of Tatarstan 29

Ephraim M.A.
Criminal liability for forgery, manufacture or sale of counterfeit documents, state awards, stamps, seals, letterheads 35

Rogova E.V.
Criminological characteristics of persons who are guilty of committing misdemeanors 40

Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E.
Criminal subculture and its prevention 46

A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS

Zinnurov F.K., Krasil'nikov V.I.
About forensic psychiatric examination for persons committing dangerous public acts 53

Malkov V.P., Khaidarov A.A.
Inter-district courts are the system of courts of General jurisdiction - new judicial category ... 61

Ivanov P.I., Sonin V.V.
Securing budgetary resources in the sphere of the implementation of targeted programs from criminal attacks 64

Aliullov R.R., Saetgaraev V.F.
The essence and fundamental principles of cooperation of the police in the implementation of operational and service tasks 70

Shmatov M.A., Shmatov V.M.
Historic-Legal Aspects of Evolvement of Operational-Investigative Theory into Science 76

Kuznetsova S.M.
Reform of the preliminary investigation: prospects of development 80

Khaidarov A.A.
The problem of personal responsibility for the procedural actions and the adoption of procedural decisions in criminal procedure 84

Shalagin A.E., Shlyakhtin E.P.
The Problems of preventing and combating organized crime 88

HUMANITIES

Ilidzhev A.A.
The essence and significance of professional competence in «Jurisprudence» in designing competence-oriented educational process in educational organizations of the Interior of Russia 95

Sirotkin Y.L.
The stigmatization as a socio-cultural phenomenon 100

TRIBUNE for the YOUNG

Muzeev A.I., Tolstya M.-V.E.
The history of regulatory use of results operatively-search activity 107

Ivanov P.I., Kuznetsov P.G.
On the experience of carrying out preventive operations «Timber - 2014» (based on the MOI of Russia for the Far Eastern Federal District) 110

Efremova M.A., Borzicov A.A.
Consumer fraud in the modern criminal and administrative law: prospects and problems of criminalization 116

SCIENTIFIC LIFE

All-Russian scientific-practical conference adjuncts, graduate students, students and students «Legal science and practice: history and modernity» 121

The final conference of the Institute «Socio-economic and legal aspects of law enforcement in the Russian Federation» 123

ABSTRACTS AND KEY WORDS 125

INFORMATION FOR AUTHORS 129

CONTRACT WITH THE AUTHOR 132

NOTICE TO AUTHORS 134

УДК 35.083.1

А.Б. Анкудинов

Д.Р. Нугуманова

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ИНДЕКСОВ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ И КАЧЕСТВА КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Корпоративная транспарентность (раскрытие соответствующей финансовой и оперативной информации и внутренних процессов управленческого надзора и контроля) традиционно входит в число основных характеристик эффективного корпоративного управления как фактор, в немалой степени определяющий возможность осуществления и защиты прав акционеров. В рамках проведенного исследования выполнен анализ ряда отечественных индексов транспарентности и качества корпоративного управления и выявлена их роль в повышении инвестиционной привлекательности отечественных компаний.

Ключевые слова: транспарентность, индекс транспарентности, корпоративное управление, качество корпоративного управления, критерии прозрачности корпоративного управления.

В условиях экономической стагнации и дефицита инвестиционных ресурсов критически важным становится обеспечение неинфляционных источников финансирования капитальных инвестиций, в том числе необходимых для своевременного импортозамещения. Международные финансовые рынки, средства с которых прямо или косвенно (через банковскую систему) поступали в реальный сектор отечественной экономики, оказались в значительной степени недоступными вследствие санкционных ограничений. Более того, в условиях экономической неопределенности необходимо снижать зависимость от дорожающих заемных средств. Единственным рыночным источником финансирования в таких условиях могут выступить средства отечественных инвесторов, привлекаемые в форме вкладов в собственный капитал предприятий. Однако низкая информационная эффективность, нестабильность и непрозрачность российского фондового рынка обусловливают слабую привлекательность его инструментов для отечественных сберегателей.

Существенную роль в повышении инвестиционной привлекательности инструментов отечественного фондового рынка может сыграть улучшение информационной прозрачности (транспарентности) эмитентов, равно как и корпоративного управления в целом. Причем речь здесь должна идти не только об удовлетворении требований, установленных для публичных компаний законодательно, но и о раскрытии дополнительной информации, релевантной для инвесторов.

В настоящем исследовании представлено обоснование значимости информационной прозрачности как основополагающего элемента корпоративного управления для повышения инвестиционной привлекательности отечественных компаний, а также выполнен обзор сформированных к настоящему времени рейтингов.

Понятие и значимость корпоративной транспарентности

Растущее общественное понимание того, что создание стоимости для инвесторов всегда сопряжено с инвестициями в рисковые активы, что, в свою очередь, влечет из-

держки, далеко не всегда явные, породило весьма активную дискуссию относительно социально приемлемой системы распределения корпоративных рисков. Последнее требует существенного улучшения практики корпоративного управления, в частности, в плане недопущения злоупотребления информационной асимметрией со стороны инсайдеров. Действенным инструментом противодействия узурпации отдельными стейкхолдерами квазирент за счет неадекватного распределения рисков и выгод выступает корпоративная транспарентность (раскрытие информации, необходимой заинтересованным сторонам для принятия обоснованных инвестиционных решений).

Весьма авторитетный в области корпоративного управления Комитет Кэдбери определяет раскрытие информации как «механизм ответственности современных компаний. Высокое качество раскрываемой информации приводит к повышению транспарентности, которая, в свою очередь, является необходимым элементом здоровой практики корпоративного управления» [Cadbury, 1992].

По заключению ОЭСР, «…транспарентность снижает риски и неопределенность, стимулирует инвестиции, снижает возможности для мошенничества и коррупции, помогает раскрыть скрытые инвестиционные барьеры и проложить границу между истинными и ложными целями компании; помогает инвесторам «работать» с узкими правилами, препятствует возникновению конфликтных ситуаций между принимающей и материнской страной, способствует стабильному развитию» [OECD, 2005].

Индексы транспарентности и качества корпоративного управления российских компаний

В последнее десятилетие в России начался достаточно активный процесс формирования различных индексов качества корпоративного управления. Так, информационное агентство Интерфакс-ЭРА оценивает эколого-энергетическую прозрачность компаний. Эколого-энергетическая прозрачность компаний оценивается путем подсчета числа показателей, раскрытых компанией (опубликованных в нефинансовых отчетах). В оценке уровня прозрачности учтены сведения о выручке и численности персонала, сведения о воздействии деятельности компании на природную среду.

Для каждого предприятия подсчитывается число показателей, по которым имеются численные значения. Это значение делится на число запрошенных в анкете показателей за соответствующий период оценки и умножается на 100. По этому простому алгоритму выполнена количественная оценка прозрачности за 2000–2012 гг.

Для сравнения предприятий по прозрачности используются три критерия: первый оценивает полноту данных за любой год из включенных в анкету. Подсчитывается индекс раскрытия информации за каждый год, в расчете рейтинга участвует значение для того года, в который у предприятия зафиксирована максимальная прозрачность. Второй критерий оценивает полноту данных по показателям (независимо от года представления данных). Третий критерий оперирует общим за четыре года количеством заполненных ячеек анкеты. При этом каждое приведенное в анкете значение проверяется на предмет достоверности. Итоговая оценка прозрачности, на основании которой проводится ранжирование, определяется как среднее из трёх критериев.

Прозрачность эколого-энергетической отчетности характеризует ответственность руководства компании перед стейкхолдерами в части воздействия деятельности компании на окружающую среду. Лидеры эколого-энергетической прозрачности представлены в таблице 1.

Российский институт директоров осуществляет присвоение национального рейтинга корпоративного управления (далее НРКУ). Данный рейтинг служит индикатором качества корпоративного управления и позволяет соотнести уровень развития корпоративного управления и связанных с ним рисков в разных компаниях. Национальный рейтинг корпоративного управления по сути представляет собой авторитетное мнение экспертов о практике корпоративного управления в конкретной компании с точки зрения международной и российской передовой практики.

Таблица 1.

Лидеры эколого-энергетической прозрачности в Российской Федерации

Отрасль	Компания
Энергетика	ОАО «Сахалинэнерго», Филиал ОАО «Генерирующая компания», Нижнекамская ТЭЦ (ПТК-1), ОАО «Магаданэнерго»
Нефтедобыча	ОАО «Татнефтепром-Зюзеевнефть», ООО «Енисей», ОАО «Татнефть» им. В.Д. Шашина
Нефтепереработка	ОАО «Саратовский нефтеперерабатывающий завод», ОАО «РН-Комсомольский НПЗ», (ОАО «Саратовский НПЗ»), ОАО «РН-Комсомольский НПЗ», ООО «Производственное объединение «Киришнефтеоргсинтез» (ООО «КИНЕФ»)
Газовая	ОАО «Газпром добыча Оренбург», ООО «Газпром добыча Краснодар», ООО «Газпром добыча Надым»
Угольная	ОАО «Шахта «Нагорная», ЗАО «Амуруголь», ОАО «Распадская»
Черная металлургия	ОАО «Северсталь», ОАО «Сарановская шахта «Рудная», ОАО «Первоуральское рудоуправление» (ОАО «ПРУ»)
Цветная металлургия	ОАО «Химико-металлургический завод», ООО «Красноярский металлургический завод» (ООО «КраМЗ»), ОАО «Соликамский магниевый завод»
Химическая и нефтехимическая	ОАО «Балаковорезинотехника», ОАО «КуйбышевАзот», ОАО «Промсинтез»
Машиностроение	ОАО «Пензенский завод химического машиностроения» (ОАО «Пензхиммаш»), ОАО «Пензадизельмаш» (ОАО «ПДМ»), ОАО «НПО «Сатурн»
Пищевая	ОАО «Сарапульский ликеро-водочный завод», ОАО «Булочно-кондитерский комбинат» г. Казани, ЗАО «Сахаро-сыродельный комбинат «Ленинградский» (ЗАО «СКК «Ленинградский»)
Лесная и деревообрабатывающая	ОАО «Архангельский ЦБК», ОАО «Полотняно-Заводская бумажная фабрика» (ОАО «ПЗБФ»), Народное предприятие Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С.П. Титова (ЗАОр «НП НЧ КБК им. С.П. Титова»)
Прочая промышленность	ОАО «Кировский ордена Отечественной войны 1 степени комбинат искусственных кож» (ОАО «Искож»), ООО «Топкинский цемент», ОАО «Мелеузовский завод железобетонных конструкций»
Сельское хозяйство	ОАО «Рязанский тепличный комбинат «Солнечный», ОАО «Пермский свинокомплекс», ОАО «Птицефабрика «Казанская»
Строительство	ОАО «Домнаремонт», ОАО «Таштагольское дорожное ремонтно-строительное управление», ООО «Домостроительный комбинат»
Транспорт	ООО «СО «Тверьнефтепродукт», ОАО «Транссибирские магистральные нефтепроводы» (ОАО «Транссибнефть»), ООО «Газпром трансгаз Казань»
Коммунальное хозяйство	ОАО «Чувашавтодор», МУП «Производственное управление водопроводно-канализационного хозяйства» г. Иркутска (МУП ПУ ВКХ), МГУП «Мосводоканал»
Прочие отрасли	Ульяновский филиал ОАО «Ростелеком», ОАО «КО ВНИИМЕТМАШ», ООО «Северсталь-Проект»

Методика Национального рейтинга корпоративного управления основана на рекомендации международных передовых стандартов корпоративного управления, требованиях российского законодательства и рекомендациях российского Кодекса корпоративного поведения. До сентября 2011 г. рейтинги корпоративного управления присваивались только международным рейтинговым агентством Standard&Poor's.

НРКУ присваивается российским компаниям с 2004 г. Процесс присвоения НРКУ состоит из нескольких этапов и начинается с получения информации об исходном состоянии корпоративного управления в компании на основе специальной анкеты, внутренних документов и публичных источников. Далее проводится интервью с представителями компании с целью выявления особенностей корпоративного управления, осуществляется комплексный анализ всех компонентов системы корпоративного управления. На основе полученной информации компании присваивается рейтинговая оценка, менеджменту предоставляется аналитический отчет с описанием положительных моментов и недостатков в практике корпоративного управления компании. С момента присвоения рейтинга осуществляется годовой мониторинг практики корпоративного управления и информационная поддержка присвоенного индекса. НРКУ является оценкой рисков корпоративного управления конкретной компании – чем выше рейтинг, тем ниже, по мнению экспертов, риски корпоративного управления в оцениваемой компании.

НРКУ присваивается по шкале от НРКУ 1 (низкая оценка) до НРКУ 10 (высшая оценка). В рамках НРКУ анализируются права акционеров, деятельность органов управления и контроля, раскрытие информации, корпоративная социальная ответственность.

При исследовании раскрытия информации анализируются уровень раскрытия финансовой и нефинансовой информации, проводится оценка общей дисциплины раскрытия информации, оценивается равнодоступность информации для стейкхолдеров.

Уровень раскрытия нефинансовой информации оценивается по наличию внутреннего документа, отражающего информационную политику общества. Анализируется раскрытие обществом информации о структуре собственности, внимательному рассмотрению подвергается информация о членах совета

Таблица 2.

Результаты Национального рейтинга корпоративного управления

Компания	Рейтинг	Дата последнего обновления индекса
ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат»	8	31.07.2013
ОАО «АФК «Система»	8	08.10.2013
ОАО «ИК РУСС-ИНВЕСТ»	7+	08.08.2013
ОАО «МРСК Центра»	7+	20.08.2013
ОАО «Ростелеком»	7+	06.12.2013
ОАО «РусГидро»	7+	22.02.2013
ОАО «ТрансКонтейнер»	7+	23.07.2013
ОАО Банк ВТБ	7+	03.09.2013
ОАО «МРСК Волги»	7+	26.08.2013
ОАО «ФСК ЕЭС»	7+	27.02.2014
ОАО «МРСК Юга»	7	20.11.2013
ОАО «Аэрофлот-российские авиалинии»	6+	25.11.2013
ОАО «НГК «Славнефть»	6+	29.01.2014
ОАО «Сетевая компания»	6	02.09.2013

директоров и членах исполнительных органов общества, в т.ч. об их участии в акционерном капитале и уровне вознаграждения.

При оценке раскрытия финансовой информации учитываются следующие факторы – раскрытие финансовой отчетности по МСФО, раскрытие информации обо всех существенных сделках и сделках с заинтересованностью, раскрытие информации о вознаграждении аудитора и др.

Оценке подвергается также оперативность раскрытия финансовой отчетности по МСФО. Общество должно раскрывать в свободном доступе аудированную консолидированную финансовую отчётность до проведения годового общего собрания акционеров.

Результаты национального рейтинга корпоративного управления представлены в таблице 2.

Подводя итог краткому экскурсу в анализ некоторых отечественных рейтингов корпоративного управления, следует еще раз подчеркнуть, что корпоративное управление в России должно выступать в первую очередь средством повышения внутренней эффективности. При этом недостаточность необходимых правовых и экономических предпосылок для внедрения современных стандартов управления публичными компаниями, наряду с неприятием корпоративного управления и информационной прозрачности со стороны определенной части мажоритарных акционеров и менеджеров, ограничивают возможности российского бизнеса в привлечении долгосрочных финансовых ресурсов.

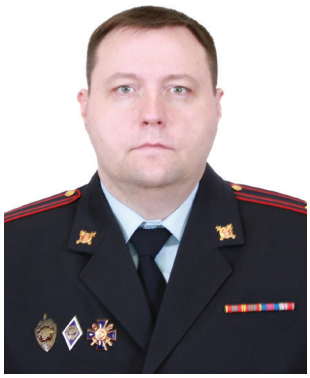
ЛИТЕРАТУРА

1. Cadbury A. Report of the Committee on the Financial Aspects on Corporate Governance / A. Cadbury. – Great Britain: Burgess Science Press, 1992.
2. OECD Principles of Corporate Governance, 2004. Режим доступа: http://www.sourceoecd.org
3. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [Электронный ресурс]: Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА». – URL: http://raexpert.ru

© Анкудинов А.Б., 2015
© Нугуманова Д.Р., 2015
Статья получена: 28.01.2015

УДК 351.74

А.В. Безруков



ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются организационно-правовая основа, полномочия и роль органов внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка. Обращается внимание на эффективность обеспечения правопорядка органами внутренних дел во взаимодействии с органами публичной власти, другими правоохранительными органами, общественными объединениями. Выявляется роль руководителей территориальных органов внутренних дел в обеспечении четкой организации такого взаимодействия, особенно при проведении публичных мероприятий и избирательных кампаний.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, обеспечение правопорядка, взаимодействие, правоохранительные органы, органы публичной власти.

Обеспечение правопорядка является важнейшей функцией и задачей государства: в механизме его обеспечения в той или иной мере участвуют все органы публичной власти, но основную нагрузку несут правоохранительные структуры, и в первую очередь, органы внутренних дел.

В доктрине правопорядок рассматривается как состояние общественных отношений, качественно характеризующее важнейшее направление правоохранительной функции государства, что позволяет его рассматривать как сложное социально-правовое, политическое и государственное явление в единстве институционального, функционального и социально-правового аспектов [1]. В институциональном – через систему правоохранительных органов. В функциональном – как целенаправленную управленческую деятельность органов публичной власти в направлении обеспечения правопорядка. В социально-правовом – посредством юридического оформления и организации взаимодействия правоохранительных органов с органами публичной власти, общественными объединениями, гражданами по реализации правоохранительной функции государства.

Правоохранительные органы занимают ключевое место в конституционно-правовом механизме обеспечения правопорядка, их особая роль (МВД, ФСБ, ФСКН и др.) проявляется в обеспечении правопорядка и безопасности в ситуациях чрезвычайного характера (террористические акты, аварии, катастрофы, массовые беспорядки), когда прямой угрозе подвергаются жизнь, здоровье, права и свободы граждан, что влечет необходимость правоохранительным органам компетентно и своевременно принимать меры по защите конституционных прав граждан и обеспечению правопорядка. Именно профессионально, качественно и согласованно выполненный комплекс мероприятий правоохранительными органами в различно складывающихся ситуациях позволит обеспечить реализацию положений Конституции РФ, гарантирующих соответствующие права и свободы личности, обеспечение законности и правопорядка в Российской Федерации.

Ключевое место в механизме обеспечения правопорядка занимают органы внутренних дел, которые посредством определенных форм и методов осуществляют различные виды деятельности (административная, оперативно-розыскная, предварительное следствие, дознание) как взаимосвязанные и взаимообусловленные направления деятельности, общая цель которых сводится к обеспечению правопорядка, конституционных прав и свобод граждан [2]. Поэтому весьма значимы фун-

даментальные исследования государственно-правовых и организационных аспектов функционирования МВД России как субъекта правоохранительной деятельности [3], выявление роли полиции в обеспечении правопорядка [4].

Органы внутренних дел – это один из важнейших инструментов государства, которому принадлежит особая роль в укреплении правопорядка. В современных условиях перед системой МВД России стоят сложнейшие проблемы в правоохранительной сфере, от их решения во многом зависит успех реализации планов социально-экономического развития России, построения демократического общества [5].

Особое место МВД России в правоохранительной системе и механизме обеспечения правопорядка обусловлено наличием исключительных сфер осуществляемой правоохранительной деятельности, многообразием функций, обширным объемом полномочий сотрудников органов внутренних дел, организационной территориальной структурой и определенным имиджем для населения, определяющих степень его доверия и общественной поддержки.

Правовой основой деятельности органов внутренних дел являются Федеральные законы «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др.

Важнейшим нормативным документом является Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248, согласно которому МВД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

В числе основных задач МВД России находится обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности.

Деятельность МВД России является открытой для общества и публичной в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации.

Структура Министерства включает центральный аппарат, который состоит из главных управлений, департаментов, управлений, центров, представительств МВД России в зарубежных странах. Однако основными подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации являются его территориальные органы, которыми являются:

а) на окружном уровне – Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу, управления на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам;

б) на межрегиональном уровне – оперативные бюро Министерства внутренних дел Российской Федерации, центры специального назначения Министерства внутренних дел Российской Федерации, линейные управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте;

в) на региональном уровне – министерства внутренних дел по республикам, главные управления, управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации;

г) на районном уровне – управления, отделы, отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, управления, отделы, отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации по закрытым административно-территориальным образованиям, на особо важных и режимных объектах, линейные отделы, отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, управление внутренних дел на Московском метрополитене Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации на комплексе "Байконур".

В числе полномочий МВД России в сфере обеспечения правопорядка находятся та-

кие, как формирование на основе анализа и прогнозирования состояния преступности, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел; разработка проектов нормативных правовых актов и осуществление мер по реализации государственной политики по обеспечению правопорядка и общественной безопасности; организация и проведение мероприятий по обеспечению безопасности граждан и правопорядка в общественных местах; обеспечение участия органов внутренних дел в мероприятиях по противодействию терроризму, в выполнении возложенных на них в соответствии с законодательством Российской Федерации обязанностей по обеспечению правопорядка при подготовке и проведении публичных манифестаций, избирательных кампаний, референдумов и др.

Функции органов внутренних дел по обеспечению правопорядка реализуются в продуктивном взаимодействии с другими правоохранительными органами. Действительно, важнейшим условием эффективного обеспечения правопорядка является слаженная и скоординированная работа всех правоохранительных органов, которые должны согласованно функционировать и взаимодействовать как между собой, так и с другими органами публичной власти. Правовой основой для этого является Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 года № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», который определил как примерный перечень правоохранительных органов (оставляя его открытым), так и основные направления координационной деятельности таких органов.

С учетом этого к основным направлениям взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами в сфере обеспечения правопорядка относят: совместный анализ динамики преступной деятельности, прогнозирование ее дальнейших тенденций; рассмотрение практической деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию, предупреждению преступных действий; совместная работа по выполнению региональных и федеральных программ по борьбе с преступностью; использование предыдущего положительного опыта взаимодействия и координационной деятельности правоохранительных органов; изучение международной практики по борьбе с преступностью и разработка новых предложений в данной сфере; рассмотрение практики применения законов, направленных на борьбу с преступностью, внесение новых предложений; поиск новых решений в области правового регулирования; подготовка и направление в необходимых случаях материалов по вопросам борьбы с преступной деятельностью Президенту РФ, Федеральному Собранию РФ и Правительству РФ, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органам местного самоуправления [6].

Реализация указанных направлений взаимодействия органов внутренних дел и других правоохранительных органов в сфере обеспечения правопорядка осуществляется в определенных формах. Различают процессуальную и организационно-тактическую формы их взаимодействия.

К *основным процессуальным формам* такого взаимодействия можно отнести: образование совместных следственных групп; проведение оперативно-розыскных мероприятий (опросы, наведение справок, наблюдение, проверочная закупка, оперативное внедрение и др.) [7]; сообщение следователю итогов проведения розыскных действий по установлению лица, подозреваемого в совершении преступления; действия следственного характера совместно с сотрудником органа, который осуществляет оперативно-розыскную деятельность; применение мер, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (защита потерпевших, свидетелей и др.) [8, с. 24–27].

К *основным организационно-тактическим формам взаимодействия* относятся: проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений и нарушений правопорядка, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;

повышение квалификации сотрудников, проведение совместных семинаров, конференций; издание совместных приказов, инструкций, указаний и иных организационно-распорядительных документов; выпуск совместных информационных изданий; разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности; направление совместных информационных писем, справок, обзоров; формирование статистических данных и дальнейшее использование их по усилению борьбы с преступностью, что в комплексе повышает качество работы правоохранительных органов в целом [8, с. 28–33; 9].

Если говорить о практическом воплощении таких форм взаимодействия полиции с другими силовыми структурами, то они используются неравномерно. Основными на практике являются обмен информацией, организация и проведение совместных мероприятий. Реже создаются совместные следственно-оперативные группы, издаются совместные указания и инструкции, проводятся курсы повышения квалификации.

На такой недостаточный в целом уровень взаимодействия влияет несколько факторов. В их числе - конкуренция между правоохранительными органами, невысокое доверие и незаинтересованность сотрудников в совместной работе. Все это приводит к тому, что их действия зачастую несогласованны и дублируются, вследствие того, что недостаточно внимания уделяется совместной координации и организации взаимодействия, что не обеспечивает слаженной работы правоохранительных органов и негативно отражается на общих результатах их работы.

Органы внутренних дел осуществляют свою деятельность также во взаимодействии с другими федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями. В свою очередь, территориальные органы внутренних дел осуществляют свою деятельность во взаимодействии с соответствующими органами государственной власти и местного самоуправления.

Анализ Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» позволяет выявить правовые нормы, регламентирующие вопросы взаимодействия полиции с органами государственной власти и местного самоуправления. Во-первых, в числе принципов деятельности полиции законодатель закрепляет принцип взаимодействия и сотрудничества (ст. 10 Закона), согласно которому полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдении законности и правопорядка, а также оказывает поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка (ч. 3 ст. 10). В свою очередь, государственные и муниципальные органы, общественные объединения и должностные лица должны оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей (ч. 4 ст. 10).

Во-вторых, на полицию возлагаются следующие обязанности (ст. 12 Закона), которые ее ориентируют на сотрудничество с государственными и муниципальными органами, а также институтами гражданского общества:

- оказывать содействие государственным и муниципальным органам, депутатам представительных органов субъектов РФ и муниципальных образований, кандидатам на выборные должности, должностным лицам, членам избирательных комиссий, комиссий референдума, представителям общественных объединений и организаций в осуществлении их законной деятельности, если им оказывается противодействие или угрожает опасность;

- принимать меры по пресечению в ходе избирательных кампаний противоречащей закону предвыборной агитации, информировать избирательные комиссии о фактах выявленных нарушений и принятых в связи с этим мерах; предоставлять по запросам избирательных комиссий, комиссий референдума сведения о наличии неснятой или непогашенной судимости у лиц, являющихся кандидатами на выборные должности; осуществлять охрану помещений, где хранятся бюллетени для голосования; участвовать в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в помещениях

для голосования и на территориях вокруг них; оказывать по запросам избирательных комиссий иное содействие в целях обеспечения беспрепятственного осуществления этими комиссиями полномочий, возложенных на них федеральным законом;

- информировать руководителей субъектов Российской Федерации и выборных должностных лиц местного самоуправления (глав муниципальных образований) о состоянии правопорядка на соответствующей территории;

- обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасность граждан и общественный порядок, оказывать в соответствии с законодательством содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий.

В-третьих, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления в соответствии с законодательством РФ вправе осуществлять по предметам совместного ведения федерации и ее субъектов расходы на реализацию возложенных на полицию обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Расходы бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов на указанные цели осуществляются в соответствии с бюджетным законодательством РФ (ст. 47).

Наукой и практикой выработаны основополагающие начала (принципы) взаимодействия, правильная реализация которых позволяет выстроить конструктивное сотрудничество территориальных органов внутренних дел с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными формированиями, объединять и согласовывать их усилия для достижения общих интересов, успешно преодолевать возникающие противоречия. Такие принципы группируют на принципы внутреннего взаимодействия (комплексное и целевое использование сил и средств; согласованности и компетентности участников; непрерывности и персональной ответственности) и внешнего взаимодействия (законности; направленности на достижение положительного результата; компетентности) [10, с. 133–134].

Понимая условность такой классификации, следует подчеркнуть, что принципы взаимодействия органов внутренних дел с другими органами публичной власти, общественностью могут различаться и совпадать.

При этом особую значимость приобретает значение слаженного взаимодействия полиции с исполнительными органами власти, избирательными комиссиями при обеспечении правопорядка в период проведения массовых мероприятий и избирательных кампаний. Сущность конструктивного взаимодействия при проведении таких мероприятий сводится к четкой организации сотрудничества, выраженного в согласованных действиях его участников и взаимопомощи при достижении общих целей.

В первом случае ключевая роль принадлежит организатору и координатору такого взаимодействия. Первый (организатор – руководитель органа внутренних дел или начальник штаба) выполняет организационно-управленческие функции (осуществляет руководство деятельностью комплексных сил, уточняет задачи, осуществляет планирование взаимодействия и осуществляет контроль за его реализацией). Роль второго (координатора) сводится к совместному анализу оперативной обстановки и к своевременному и качественному информационному обеспечению руководителя и субъектов взаимодействия. Функции организатора и координатора в определенных ситуациях могут совпадать, в таких случаях руководитель органа внутренних дел осуществляет непосредственное руководство деятельностью взаимодействующих субъектов по обеспечению общественной безопасности и правопорядка в пределах определенной территории или, соответственно, в рамках проведения конкретного публичного мероприятия.

Руководитель органа внутренних дел в целях организации эффективного взаимодействия решает ряд задач (определяет про-

блему, требующую комплексного решения, задачи, субъектов, направления, формы и методы взаимодействия, формирует механизм контроля за деятельностью группировки взаимодействия, критерии его эффективности и др.) [10, с. 132–134].

В период избирательных кампаний особую значимость приобретает эффективно выстроенный механизм взаимодействия органов внутренних дел и избирательных комиссий, которые осуществляют совместную организационно-правовую деятельность по созданию «оперативного штаба сил правопорядка», участию в мероприятиях по технической обеспеченности и антитеррористической защищенности зданий и помещений избирательных участков и комиссий [11, с. 13–14; 12]. При этом такое взаимодействие должно строиться на принципах невмешательства полиции в избирательный процесс; безвозмездности; приоритетности прав и свобод граждан; учета общегосударственных и местных особенностей; своевременности и оперативности реагирования на избирательные правонарушения; согласованности действий органов внутренних дел и избиркомов [11, с. 34–36].

Полицией применяются разные правовые и неправовые формы обеспечения правопорядка при организации и проведении выборов и референдума (охрана правопорядка на избирательных участках, обеспечение сохранности и безопасности при перевозке избирательных документов, привлечение специалистов и экспертов полиции к работе в составе КРС и рабочих групп избиркомов, участие в комиссиях по обследованию зданий и помещений участковых избиркомов, заключение соглашений с избиркомами, привлечение к юридической ответственности участников избирательного процесса за совершение правонарушений и др.) [11, с. 39–40].

Сотрудничество полиции и избирательных комиссий в направлении обеспечения правопорядка при проведении выборов, референдумов осуществляется и на региональном уровне. Взаимодействие между территориальными органами внутренних дел на региональном уровне и избирательными комиссиями субъектов РФ осуществляется в следующих основных организационно-правовых формах: заслушивание и совместное обсуждение информации руководителей органов внутренних дел, связанных с подготовкой и проведением выборов; работа в рамках контрольно-ревизионной службы; сотрудничество в составе рабочей группы по приему и проверке избирательных документов [13].

Следовательно, согласованная деятельность и конструктивное сотрудничество полиции с исполнительными органами публичной власти и избирательными комиссиями при проведении, соответственно, публичных манифестаций и избирательных компаний приобретает особое значение, способствует укреплению конституционного правопорядка и эффективной реализации правоохранительных функций полицией.

В целом значение такого сотрудничества нельзя принижать, деятельность органов внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка становится более продуктивной при качественно организованном взаимодействии с другими правоохранительными органами, органами публичной власти и общественными формированиями.

Таким образом, органы внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка играют первостепенную роль, реализуя одну из ключевых правоохранительных задач – обеспечение правопорядка и общественной безопасности. Эффективность функционирования и слаженность взаимодействия полиции с другими субъектами обеспечения правопорядка во многом предопределяют качественное состояние правопорядка и результативность его обеспечения органами публичной власти в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шинкарев А. В. Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Шинкарев. – М., 2006. – С. 15–16.
2. Виссаров А. В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Виссаров. – М., 2003. – С. 17–18.

3. Зубов И. Н. Государственно-правовые и организационные проблемы функционирования и развития системы МВД России: дис. ... докт. юрид. наук / И. Н. Зубов. – СПб., 1999. – С. 9–10.
4. Правовое положение полиции МВД России: учебник / под ред. Ф. П. Васильева. – М., 2014. – С. 258–268.
5. Шинкарев А. И. Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел: автореф. дис…. канд. юрид. наук / А. И. Шинкарев. – Н.Новгород, 2006. – С. 3.
6. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : Указ Президента РФ 18.04.96 № 567. – Доступ из СПС «Консультант плюс».
7. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. – Доступ из СПС «Консультант плюс».
8. Зуев С. В. Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) : монография / С. В. Зуев. – Челябинск , 2010.
9. Зуев С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами : автореф. дис. … докт. юрид. наук / С. В. Зуев. – М., 2010. – С. 20–21; Прокурорский надзор / под ред. Ю.Е. Винокурова. – М.: Высшее образование, 2005; URL : http:// uristinfo.net/prokurorskij-nadzor/207-prokurorskij-nadzor-pod-red-jue-vinokurova.html (дата обращения: 25.04.2015).
10. Тулеев В. О. О некоторых аспектах организации взаимодействия в деятельности начальника территориального органа МВД России на районном уровне / В. О. Тулеев // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД России (25 октября 2013 г.). – Ч. 2. – М., 2014.
11. Чистобородов И. Г. Административно-правовое обеспечение органами внутренних дел правопорядка и общественной безопасности в период подготовки и проведения избирательных кампаний: дис. … канд. юрид. наук / И. Г. Чистобородов. – М., 2013.
12. Красинский В. В. Правовое обеспечение защиты конституционного строя России в избирательном процессе: монография / В. В. Красинский. – М., 2010. – С. 161–162; Федотова Ю. Г. Контрольные полномочия избирательных комиссий в механизме обеспечения безопасности Российской Федерации / Ю. Г. Федотова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 2. – С. 34–36.
13. Цыганков А. Н. Организация взаимодействия территориальных органов МВД России с избирательными комиссиями субъектов РФ в период подготовки и проведения выборов (на примере Республики Хакасия) / А. Н. Цыганков // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД России (25 октября 2013 г.). – Ч. 2. – М., 2014. – С. 159–162.

© Безруков А.В., 2015
Статья получена: 31.05.2015

УДК 343.61

О.В. Артюшина

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье исследуются состояние, уровень (коэффициент), удельный вес, латентность, география, структура, характер и динамика насильственных преступлений по состоянию на 2014 год.

Ключевые слова: насильственная преступность, преступления против личности, показатели преступности.

Насильственная преступность является традиционным объектом криминологического изучения. Еще в начале развития социально-правовых знаний по признаку мотивации были выделены первые два вида преступности: корыстная и насильственная.

В настоящее время за рубежом сформировалась самостоятельная криминологическая теория – виолентология / вайленсиология (от лат. *violentia*, от англ. *violence* – насилие) [1, с. 5; 2]. Её развитие актуализируется и в отечественной литературе, подобно привычной криминальной виктимологии и заявившими о себе на рубеже XX–XXI века криминофамилистике, криминопенологии, криминотеологии [3; 4; 5; 6].

В России изучению насилия посвящены работы таких известных учёных, как, например, Ю.М. Антонян, Я.И. Гилинский, Д.А. Шестаков и многие другие авторы. В связи обилием фундаментальных исследований насилия Я.И. Гилинский называет виолентологию «наукой» [1, с. 5].

Исследование насильственной преступности актуально во все времена, поскольку такие преступления характеризуются высокой общественной опасностью. Они наносят ущерб наиболее важным в цивилизованном обществе ценностям – жизни, здоровью, неприкосновенности человека, и поэтому они наиболее опасны с точки зрения права и общечеловеческой морали.

Под насильственной преступностью понимается совокупность преступлений, совершенных с применением физической силы либо с угрозой применения таковой, имеющих основной непосредственной целью лишение человека жизни либо причинение вреда его здоровью, физической свободе, телесной (в том числе половой) неприкосновенности против его воли, а также совокупность лиц, совершивших насильственные преступления за определенный период на определенной территории.

Основным признаком насильственных преступлений является физическое или психическое насилие над личностью или угроза его применения. При этом насилие является элементом мотивации, а не средством достижения криминальной цели. На этом основании в число таких преступлений не включаются насильственный грабеж, разбой, вымогательство, террористический акт, диверсия и ряд других деяний, где проявляется так называемое инструментальное насилие, используемое исключительно как средство достижения иной преступной цели – корыстной, политической и т.п.

Круг насильственных преступлений весьма разнообразен. Но обычно внимание акцентируется на преступлениях против личности. Как указывается в сборнике о состоянии преступности [7, с. 29], к ним относятся: убийство и покушение на убийство; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление;

причинение смерти по неосторожности; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; истязание; изнасилование и покушение на изнасилование.

В юридической науке под криминологической характеристикой понимается научное описание значимых явлений, процессов, их особенных черт в целях раскрытия закономерностей и выработки соответствующих рекомендаций. Она основывается на анализе статистических данных о совершенных преступлениях и выражается в количественных и качественных показателях. К ним относятся состояние и уровень; структура, удельный вес, характер, география, латентность и социальные последствия; а также динамика, отражающая количественные и качественные изменения преступности во времени (например, динамика состояния, динамика удельного веса) [8; 9].

Состояние насильственной преступности в Российской Федерации определяется общим количеством зарегистрированных преступлений, а также числом лиц, их совершивших на данной территории за календарный год. Так, в официальных источниках указывается, что в 2014 году было зарегистрировано 93 009 преступлений против личности, в том числе без Крымского федерального округа (далее – КФО) – 91 763 [10; 11]. В 2013 году их было зарегистрировано всего 94 652 [7, с. 30].

Общий уровень (коэффициент) преступлений против личности в 2014 году по нашим подсчетам составляет 63,5 преступления на 100 тыс. населения России [12]. В 2013 году этот показатель был равен 66,0, а индекс криминальной активности – 77,7 преступлений в расчете на 100 тыс. криминально активного населения (то есть лиц в возрасте от 14 лет и старше) [13].

Удельный вес (С) исследуемых преступлений последние годы составляет 4,3% от всех зарегистрированных преступлений [7, с. 31–32].

Латентность насильственной преступности вызывает тревогу у ведущих отечественных криминалистов [14]. Традиционно считалось, что в большинстве случаев в силу характера насильственных деяний и их трудно скрываемых последствий уровень латентности насильственных преступлений невысок. Однако специалистами отмечается рост латентности некоторых преступлений. Например, высоко латентными стали убийства [15]. Об этом свидетельствуют несколько факторов. Резко возросло число обнаруженных трупов с неустановленной причиной смерти, неопознанных трупов, а также лиц, пропавших без вести, скрывшихся от следствия и суда и не обнаруженных. При разделах бизнеса крайне редко заявляют о совершенных в отношении них насильственных преступлениях. Не всегда правоохранительные органы ставятся в известность о случаях обращения в медицинские учреждения лиц с повреждениями насильственного характера. Высока латентность так называемого «домашнего» насилия над женщинами и детьми [16; 17].

А.И. Долгова пишет, что среди числа лиц, пропавших без вести, по оценкам экспертов, обычно до половины убитых [18] Во-вторых, ежегодно по 3,5–4% из всех исследованных трупов причину смерти установить не удается по причине гнилостных изменений, скелетирования, озоления и расчленения. В.В. Лунеев объясняет высокую латентность убийств тем, что в России (как и в СССР) учет убийств осуществляется по фактам, а не по жертвам, как, в частности, в США [15]. При таком подходе, по его мнению, например, в 1990 году к общему числу умышленных убийств необходимо было бы прибавить еще около тысячи деяний, так как за это время было совершено свыше 700 умышленных убийств двух и более человек. К тому же он обращает внимание на то, что умышленные убийства в Вооруженных силах РФ не включаются в общую статистику.

География (территориальное распределение). По официальным данным о коэффициенте преступлений против личности в регионах России видно, что наибольшие показатели отмечаются в Республике Тыва – 366,6 преступлений на 100 тыс. населения; Чукотском АО – 286,5; Республике Алтай – 245,2; Забайкальском и Пермском крае – 212,8

и 195,2 соответственно; Кемеровской области – 184,6; Республике Саха (Якутия) – 182,6; Магаданской области – 155,5 [13, с. 31–32].

Структура насильственной преступности характеризуется следующим образом:

1) убийство и покушение на убийство (ст. 105–107 УК РФ) – 13,1%;

2) убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление – 0,3%;

3) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 36,8%;

4) умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – 38,2%;

5) изнасилование и покушение на изнасилование – 4,5%;

6) иные – 7,1%.

Утяжеляется *характер насильственной преступности*, в первую очередь, за счет возросшего числа преступлений, осуществленных с применением холодного и огнестрельного оружия. Это вызвано тремя группами обстоятельств: большей доступностью оружия и расширением торговли им; активностью организованной преступности; военными конфликтами на территории России и стран СНГ, в том числе на Украине [19; 20; 21; 22]. Кроме этого, нельзя не отметить высокий процент совершения тяжких насильственных преступлений – 80% (убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью) – в состоянии алкогольного опьянения.

Социальные последствия преступности в целом представляют собой реальный вред, причиняемый преступлениями общественным отношениям, выражающийся в совокупности негативных для социальных ценностей последствий в результате совершения преступлений, а также в экономических и иных издержках общества, связанных с правоохранительной деятельностью [23].

Насильственные преступления характеризуются максимальным ущербом для личности и общества. По степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий они во многом превосходят другие криминальные проявления. Утрата жизни, а во многих случаях и здоровья – невосполнима. Ежегодно в России отмечаются около 30 тыс. погибших в результате совершенных преступлений. При этом по уровню смертности от убийств на 100 тысяч жителей Россия превосходит большинство стран с показателем 16, в то время как в Германии, Японии, Автралии, Австрии, Норвегии он составляет около 1, во Франции, Дании, Швейцарии, Польше, Канаде, Италии, Венгрии – около 2, в США – 6. Лишь в Колумбии этот показатель явно превосходит российский – 37 [1, с. 56]. Непосредственно потерпевшими от них ежегодно выступают сотни тысяч людей, в том числе около 40 тыс. лиц причиняется тяжкий вред здоровью. Велики затраты общества на расследование данных дел, доведение до суда, содержание виновных в местах лишения свободы.

Динамика преступлений против личности может быть выражена следующим образом (см. таблицы 1 и 2 [1, с. 53; 7, с. 62, 67, 69, 79; 10, с. 5]).

Так, в последние годы в России наблюдается стабильное снижение числа зарегистрированных преступлений против лично-

Таблица 1.

Динамика состояния и удельного веса преступлений против личности в России (2009–2014 годы)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	118266	107220	102324	99456	94652	93 009 (в т.ч. без КФО – 91763)
Абс. рост (снижение):						
1) к предыдущему году		-11 046	-4 896	-2 686	-4 804	-1 643
2) к 2009 году	-	-11 046	-15 942	-18 810	-23614	-25 257
Удельный вес в общем числе, в %	3,9	4,1	4,3	4,3	4,3	4,2

Таблица 2.

Динамика тяжкой насильственной преступности в России (1997–2014 годы)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	
	Состояние (абс. число)	Уровень (на 100 тыс. населения)	Состояние (абс. число)	Уровень (на 100 тыс. населения)
1997	28 285	19,9	46 131	31,4
1998	29 551	20,1	45 170	30,8
1999	31 140	21,3	47 669	32,6
2000	31 829	21,9	49 784	34,2
2001	33 583	23,1	55 739	38,4
2002	32 285	22,5	58 469	40,7
2003	31630	22,1	57087	39,9
2004	31553	21,9	57352	39,8
2005	30849	21,5	57863	40,3
2006	27039	19,2	51429	36,0
2007	21895	15,6	47348	33,3
2008	19740	13,9	45436	32,0
2009	17681	12,5	43112	30,4
2010	15563	11	39745	28,0
2011	14305	10,0	38512	27,1
2012	13 265	9,3	37 091	25,9
2013	12 361	8,6	34 786	24,3
2014	11 933	8,2*	32 899	22,5**

***** Расчет по вышеуказанной формуле уровня: 11 933*100 000 / 146 270 033 = 8,1582.

****** Расчет также по вышеуказанной формуле: 32 899 * 100 000 / 146 270 033 = 22, 49196.

сти. При этом удельный вес исследуемых преступлений в целом остается на прежнем уровне (с небольшим снижением в 2014 г.), является достаточно стабильным.

Интересными также представляются подробные данные о тяжкой насильственной преступности.

Динамика тяжкой насильственной преступности также свидетельствует об устойчивой тенденции снижения. Так, за последние десять лет (по сравнению с 2004 годом) в России состояние и уровень зарегистрированных убийств с покушениями сократились в 2,6 раз, а показатели умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – в 1,7 раз.

Представляется, что снижение насильственной преступности в России является результатом произошедших в последние годы существенных изменений, позитивно отразившихся на состоянии общества. Если 90-е годы XX века оказались тяжелыми для россиян, что выразилось в массовой нищете, безработице, безысходности, кризисе духовно-нравственной сферы жизни, массовых тревожных, депрессивных состояниях [24; 25; 26], приведших к экскалации насилия, агрессии и жестокости, то начало XXI века ознаменовало себя целым рядом положительных нововведений. Можно констатировать, что приход молодых энергичных сил к руководству страны стабилизировал ее внутреннюю и внешнюю политическую жизнь, поддержал экономику, социальную сферу, возродив тем самым уверенность граждан в завтрашнем дне.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Гилинский Я. И. Социальное насилие : монография / Я. И. Гилинский. – СПб. : Алеф-Пресс, 2013. – 185 с.

2. Исаев Н. А. Вайоленсиология как трансдисциплинарная область исследования / Н. А. Исаев // Известия Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Ахриева. – 2013. – № 2

(2). – С. 102–107.
3. Ривман Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
4. Шестаков Д. А. Семейная криминология. Криминофамилистика / Д. А. Шестаков. – 2-е изд. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 389 с.
5. Старков О. В. Криминопенология / О. В. Старков. – М. : Экзамен, 2004. – 480 с.
6. Старков О. В. Криминотеология: религиозная преступность / О. В. Старков, Л. Д. Башкатов; под об. ред. О. В. Старкова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 386 с.
7. См.: Преступность и правонарушения (2009–2013): статистический сборник. Министерство внутренних дел Российской Федерации, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, Департамент надзорной деятельности и профилактической работы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – М., 2014.
8. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г. А. Аванесова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – С. 204.
9. Уголовное право России. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Ф. Р. Сундурова. – Казань, 2003. – С. 118.
10. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года. – М. : ФКУ: «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2015. – С. 5–6.
11. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года. – URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/
12. Уровень = абс. число исследуемых зарегистрированных преступлений за 2014 г. * 100 тыс.населения / общ. численность населения России в 2014 г. = 93 009 * 100 000 / 146 270 033 =63,58719.
13. Коэффициенты преступлений против личности по регионам России // Преступность и правонарушения (2009–2013): статистический сборник. Министерство внутренних дел Российской Федерации, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, Департамент надзорной деятельности и профилактической работы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – М., 2014. – С. 32.
14. Иващенко А. В. Нераскрытая насильственная преступность / А. В. Иващенко, А. В. Ревягин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
15. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – С. 408–409.
16. Шестаков Д. А. Семейная криминология / Д. А. Шестаков. – СПб., 2007. – С. 134.
17. Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ / Л. В. Сердюк. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
18. Преступность в России / под ред. А. И. Долговой. – М., 2001. – С. 8–13.
19. Сидоренко Э. Л. Вооруженное насилие: уголовно-правовая и криминологическая оценка : монография / Э. Л. Сидоренко, М. И. Катмамбетов. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 288 с.
20. Максимов С. В. Концепция борьбы с организованной преступностью в России : монография / С. В. Максимов, В. Е. Эминов. – М. : Норма, Инфра-М, 2015. – 80 с.
21. Ванакина Ю. С. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых на Дальнем Востоке / Ю. С. Ванакина, В. Д. Ларичев. – М. : Юрлитинформ, 2015. –152 с.
22. Олькова О. А. Сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский период (1960–2013 годы) / О. А. Олькова. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 224 с.
23. См.: Цена преступности (методология ее определения) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2014. –216 с.
24. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества / В. Н. Кудрявцев. – М., 2002. – С. 89–96.
25. Трунцевский Ю. В. Права ребенка и секс-индустрия (подрастающее поколение России нуждается в государственной защите от разлагающего влияния безнравственной продукции) / Ю. В. Трунцевский, А. В. Сумачев // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 97–103.
26. Холмогорова А. Б. Культура, эмоции и психическое здоровье / А. Б. Холмогорова // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 61–74.

© Артюшина О.В., 2015
Статья получена: 28.04.2015

УДК 343.33

Р.Ш. Богаткина

И.В. Садыкова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ИММУНИТЕТОМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В настоящей статье рассматриваются особенности участия иностранных граждан и лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, в качестве субъекта уголовного судопроизводства. Авторами исследуется процессуальный порядок производства допроса, возбуждения уголовного дела и проверки сообщения о преступлении с участием иностранных граждан.

Ключевые слова: иностранный гражданин, иммунитет дипломатического представителя, допрос как следственное действие, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении.

В соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранным гражданином является физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства [1].

Изучение материалов уголовных дел с участием иностранных граждан, и лиц без гражданства позволило нам сформулировать ряд теоретических и практических проблем, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, а также представить собственный взгляд на их решение:

Допрашиваемые иностранные граждане, особенно туристы, в большинстве случаев не владеют русским языком, на котором осуществляется уголовное судопроизводство. В данном случае необходимость осуществления перевода с иностранного языка требует от должностного лица решения ряда дополнительных вопросов организационного, процессуального и тактического характера: выбора и приглашения переводчика; процессуального оформления его участия; подготовки и сообщения переводчику перечня вопросов, подлежащих выяснению; составления протокола с учетом его перевода на иностранный язык; оценки переведенных ответов допрашиваемого.

Соблюдение требований закона об участии переводчика при возбуждении уголовного дела имеет не только процессуальное, но и тактическое значение. В процессе предварительного расследования иностранные граждане могут попытаться изменить первоначальные показания, ссылаясь на то, что плохо владеют русским языком и не в полной мере понимали существо задаваемых им ранее вопросов. Таким образом, необходимо привлечь переводчика первоначально при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование, необходимо также учитывать особенности психологического состояния иностранного гражданина, вовлеченного в уголовный процесс. В чужой стране, с учетом стрессовой ситуа-

ции, он может не совсем адекватно воспринимать происходящие события, ошибочно оценивать их, преувеличивать возникшие негативные последствия, а значит, представить неточные или искаженные показания.

Кратковременность пребывания большинства иностранных граждан – участников процесса в населенном пункте, в котором осуществляется производство по уголовному делу, их обязанность соблюдать правила передвижения по территории страны пребывания вынуждают следователя безотлагательно и в кратчайшие сроки выполнить все следственные действия с участием таких граждан (допросы, предъявление для опознания, очные ставки, осмотры принадлежащих им вещей, транспортных средств, назначение судебно-медицинских, товароведческих экспертиз и т.д.). При этом необходимо предъявлять повышенные требования к полноте и объективности таких следственных действий, поскольку повторное их производство будет связано с выездом иностранного гражданина, что может быть затруднительно или невозможно.

Необходимо учитывать, что во многих ситуациях по делам данной категории успешное расследование определяется тесным взаимодействием следственных органов двух или более государств, особенно при выезде иностранного гражданина с территории РФ до момента окончания предварительного расследования.

Значительная часть уголовных дел о преступлениях против личности и имущества иностранцев возбуждается по их устным обращениям в органы внутренних дел. Как показывает изучение практики, при оформлении таких обращений нередко допускаются ошибки процессуального характера. Это связано с тем, что письменные заявления составляются иностранными гражданами на родном языке без помощи переводчика. Безусловно, это противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Так, при устном обращении иностранца о совершенном или готовящемся преступлении его заявление должно быть занесено в протокол, составленный лицом, принимающим заявление. Иностранец может изложить свое заявление письменно и собственноручно, но только в том случае, если сам желает или согласен сделать это. Такое письменное заявление носит дополнительный или вспомогательный характер, так как оно не заменяет, а только дополняет то устное заявление, которое уже зафиксировано в протоколе, составленном соответствующими должностными лицами органа предварительного расследования. Недопустимыми также являются случаи, когда бланк устного заявления вручается иностранному гражданину, а ему предлагается заполнить этот бланк собственноручно. Подобные действия противоречат закону, в соответствии с которым протокол об устном сообщении (заявлении) должен составляться уполномоченным должностным лицом [2].

Таким образом, при оформлении заявления от иностранного гражданина о совершенном в отношении него преступлении обязательно участие переводчика. Составляя протокол заявления иностранного гражданина, следует тщательно и максимально полно выяснить и зафиксировать сведения о его личности. Помимо общих сведений, протокол устного заявления иностранного гражданина должен содержать и некоторые дополнительные сведения, а именно:

- национальность и гражданство заявителя;
- постоянное место жительства за границей и временное – в Российской Федерации;
- срок действия визы;
- постоянное место работы и должность за границей; временное место работы и должность (если таковые имеются в РФ).

В заявлении в обязательном порядке должны содержаться сведения о документах, которые удостоверяют личность иностранного гражданина, сведения о предполагаемом сроке его пребывания в России, а если заявитель – иностранный турист – сведения о маршруте поездки. Перечисленные данные необходимы для того, чтобы впоследствии иметь возможность пригласить иностранного гражданина для участия в следственных действиях, если он продолжит деловую или туристскую поездку по территории Российской Федерации; для разрешения вопросов, требующих обра-

щения в соответствующие учреждения и организации (государственные органы, дипломатические и консульские представительства и т.д.); для возможных обращений в судебно-следственные органы зарубежных государств в соответствии с договорами о правовой помощи и т.д.

Когда с заявлением обращается лично иностранный гражданин, обладающий правом дипломатической неприкосновенности (иммунитетом), в протоколе устного заявления должны быть отражены его просьба или согласие на производство процессуальных действий с его участием. При получении устного заявления от таких лиц они не могут предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Вместе с тем, исходя из конкретных обстоятельств дела, им могут быть разъяснены противоправность и наказуемость такого деяния по Уголовному кодексу Российской Федерации [3].

При возбуждении уголовного дела о преступлении, совершенном иностранцем или в отношении иностранца, помимо обычных вопросов, необходимо выяснить и ряд специфических:

- каковы правовые основания пребывания иностранца в России;
- каков его правовой статус (обладает ли иммунитетом);
- есть ли необходимость в информировании соответствующих органов и учреждений о факте возбуждения уголовного дела и если да, то как и кем это будет сделано;
- каким должно быть участие представителя МИД России или дипломатического или консульского представителя, переводчика и других лиц в этой стадии уголовного процесса.

О факте возбуждения уголовного дела с участием иностранца, а тем более в отношении иностранного гражданина необходимо уведомить соответствующее посольство и целесообразно сообщить прокурору. Проверка оснований и решение вопроса о возбуждении уголовного дела должны осуществляться в максимально сжатые сроки – как правило, в течение 3 суток.

Рассмотрим особенности производства следственных действий с участием иностранного гражданина на примере допроса.

Допросу иностранного гражданина также должны предшествовать тщательная подготовка, ее итогом должен стать письменный план допроса, содержащий следующие сведения:

- подлежащие выяснению в ходе допроса обстоятельства;
- источник получения информации о них (протоколы следственных действий – осмотра, обыска, следственного эксперимента, заключения экспертиз и т.д.);
- вопросы, которые следует задать допрашиваемому;
- дополняющие, уточняющие, напоминающие, контрольные и изобличающие вопросы;
- тактические приемы допроса (предъявление доказательств, демонстрация возможностей следствия и т.д.).

Наиболее существенные вопросы необходимо заранее перевести на тот язык, на котором будут даваться показания.

Если в ходе допроса планируется в тактических целях предъявление ему для ознакомления тех или иных документов (протоколов следственных действий и т.п.), указанные документы также могут быть предварительно переведены.

Аналогичное требование и к вещественным доказательствам: целесообразно заранее осуществить перевод их наименований и обозначений, фрагментов протоколов осмотра и обыска, в ходе производства которых они были обнаружены.

В настоящее время лица, проживающие в странах бывшего СССР, могут не владеть языком своего места проживания. Это характерно для русскоязычного населения этих стран. В подобных случаях они выражают желание давать показания на русском языке, что должно быть отражено в протоколе допроса. При этом в начале допроса необходимо выяснить, какой вуз заканчивал иностранец (многие иностранцы либо учились в Советском Союзе, когда русский язык был общегосударственным, либо сдавали русский язык в качестве одного из предметов) и приложить копию диплома и выписку из него.

В случае, если следователь владеет языком, на котором желает давать показания иностранец, то нужно иметь в виду, что за-

кон не запрещает вести допрос на этом языке, если следователь владеет им свободно. Это, безусловно, значительно упрощает общение следователя с допрашиваемым, способствует установлению психологического контакта, доверительных отношений. Вместе с тем рекомендуется составлять на этом же языке протокол допроса, а впоследствии с помощью приглашенного переводчика перевести протокол на язык судопроизводства и приобщить независимый перевод к делу.

При допросе иностранца, не владеющего языком, на котором ведется судопроизводство, необходимо учитывать, что переводчик не всегда может дословно передать показания допрашиваемого в виде свободного рассказа, поэтому целесообразно использовать форму «вопрос-ответ». Это обуславливает необходимость в тщательной подготовке содержания и последовательности вопросов к подозреваемому, обвиняемому.

Для установления психологического контакта с допрашиваемым следователю целесообразно иметь общее представление о правовой системе страны, гражданином которой является подозреваемый, обвиняемый, чтобы разъяснить иностранцу специфику его правового статуса. Кроме того, в ходе допроса иностранного гражданина недопустимо применение тактических приемов, основанных на незнании им российского законодательства, порядка судопроизводства, своего процессуального положения, принадлежащих ему прав.

При первом допросе обвиняемого-иностранца следователь разъясняет ему его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ [4]. Представляется целесообразным на первом же допросе вручить памятку о его процессуальных правах. В дальнейшем это исключит возможные конфликтные ситуации, вызванные незнанием иностранцем уголовного судопроизводства, своих прав.

В ходе допроса обвиняемого-иностранца, помимо уже упоминавшихся, подлежат выяснению следующие обстоятельства:

- установочные данные допрашиваемого лица, включая сведения о возрасте, гражданстве, семейном и имущественном положении, месте работы (учебы), а также условия его жизни и воспитания (если обвиняемый несовершеннолетний);
- цель и срок пребывания иностранца на территории России;
- круг его знакомых и близких;
- поддерживает ли контакты с соответствующим национальным сообществом (диаспорой) в Российской Федерации;
- если преступление совершалось в группе – национальный состав группы, роль каждого участника группы, характер их действий во время совершения преступления, наличие у группы межрегиональных преступных связей;
- мотив совершения преступления, наличие обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, и иные существенные обстоятельства.

Ситуация, когда обвиняемый иностранец полностью признает себя виновным в совершении инкриминируемого ему преступления и дает полные показания по существу содеянного, является наиболее благоприятной. Вместе с тем такая ситуация таит в себе опасность тактической ошибки, связанной с переоценкой значения «признательных» показаний обвиняемого, а потому также предполагает проведение следственных действий, которые помогли бы оценить их достоверность.

Следует иметь в виду, что сами по себе показания обвиняемого, не подтвержденные совокупностью других доказательств, собранных по делу, не могут рассматриваться как достаточное доказательство совершения этим лицом инкриминируемого ему преступления или преступлений.

Следователю необходимо максимально конкретизировать показания обвиняемого иностранца, акцентируя внимание на фактах и обстоятельствах, поддающихся проверке с помощью проведения комплекса соответствующих следственных действий, таких, как допрос потерпевшего, свидетелей, других обвиняемых, назначение судебных экспертиз, проведение осмотров, обысков, выемок, следственного эксперимента, предъявления для опознания, проверки показания на месте, а также проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий (например, по установлению лиц, располагающих инте-

ресующей следователя информацией).

При возникновении противоречий показаний обвиняемого той картине произошедшего, которая представляется следователю на основании имеющейся процессуальной и непроцессуальной информации, необходимо принять меры к их устранению. В этих целях, если следователем может быть запланировано проведение проверки показаний на месте сознающегося в совершении преступления обвиняемого, допрос его на месте происшествия.

Если указанными мерами существенные противоречия не были устранены, возможно производство очных ставок между обвиняемым и свидетелем, потерпевшим, другим соучастником преступления, дающим иные показания.

В случае расследования преступлений, совершенных группой с участием иностранца (иностранцев), ситуация может быть осложнена признанием вины одним обвиняемым, который при этом отказывается давать показания о роли других соучастников в совершенных преступлениях, о других лицах, в том числе организаторах, пособниках, других исполнителях, причастных к расследуемому преступлению, участвовавших в его подготовке и совершении, но до настоящего времени не установленных следствием.

Ситуация осложняется тем, что общение с иностранцем, не владеющим языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, протекает через переводчика, что затрудняет применение следователем ряда тактических приемов, например, основанных на использовании фактора внезапности. Вместе с тем необходимая внезапность, к примеру, при предъявлении письменных и вещественных доказательств на допросе, в этой ситуации может быть обеспечена при условии надлежащей предварительной подготовки (перевода соответствующей части письменного доказательства на язык, которым владеет иностранец).

Следователем должен быть тактически правильно решен вопрос о месте производства допроса. Необходимо учитывать, что в отношении лиц, обладающих иммунитетом от уголовной юрисдикции Российской Федерации, международным правом могут быть предусмотрены специальные условия о месте производства допроса.

Допрос явившегося по повестке (вызову) иностранного гражданина производится по правилам, установленным УПК, за некоторыми исключениями. В частности, свидетели, потерпевшие и эксперты, вызванные в порядке, предусмотренном ст. 9 Минской конвенции, не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний либо за дачу заведомо ложного заключения.

Допрос и иные процессуальные действия в отношении иностранных граждан, обладающих иммунитетом от российской юрисдикции, проводятся только по их просьбе или с их согласия, которое предварительно испрашивается через Министерство иностранных дел Российской Федерации. Привлечение их в качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу и производство в отношении них дальнейших процессуальных действий возможно лишь при лишении иммунитета органами государства, представителями которого они являются. На практике это встречается крайне редко. Допрос подозреваемого, обвиняемого иностранца целесообразно фиксировать с помощью технических средств: аудио- или видеозаписи.

Таким образом, иностранные граждане на территории РФ пользуются в уголовном судопроизводстве процессуальными правами наравне в гражданами РФ и подлежат уголовной ответственности на общих основаниях с ними. Особое правовое положение имеют иностранные граждане, пользующиеся дипломатическим иммунитетом от юрисдикции РФ. Дипломатический иммунитет включает в себя неприкосновенность и защиту личности, служебного и жилого помещений, транспортных средств, а также неподсудность лиц дипломатического корпуса суду страны пребывания. В частности, данные лица не могут быть подвергнуты задержанию или аресту, а также не обязаны давать показания в качестве свидетелей. Данные особенности необходимо учитывать при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, а также при производстве следственных действий.

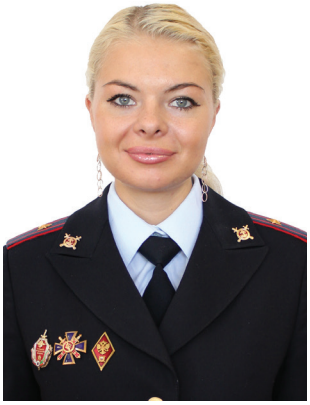
ЛИТЕРАТУРА

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 31 июня. – № 140.
2. Сизов А. А. Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами: монография / А. А. Сизов. – Курск : Изд-во МУП «Курская городская тип.», 2007. – С. 67.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.03.2015) // Российская газета. – 2001. – № 249.

© Богаткина Р.Ш., 2015
© Садыкова И.В., 2015
Статья получена: 20.05.2015

УДК 343.915

Е.В. Демидова-Петрова



ОСОБЕННОСТИ И ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В настоящей статье продемонстрированы статистические показатели преступности несовершеннолетних в России и Республике Татарстан. Автор указывает, что в последние годы Республика Татарстан входит в число регионов страны, характеризующихся стабильной социальной обстановкой, что во многом обусловлено и эффективной работой органов внутренних дел.

В статье приводятся таблицы, в которых предлагается характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в Российской Федерации, динамика преступности среди несовершеннолетних и примененных к ним мер наказания в Республике Татарстан, а также характеристика несовершеннолетних осужденных в Республике Татарстан.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность, молодежь, преступность несовершеннолетних, показатели преступности, семья, беспризорность.

В 2014 году Министерством внутренних дел по Республике Татарстан в полном объеме реализован запланированный комплекс мероприятий по реализации государственной политики в сфере обеспечения и защиты прав и основных свобод человека и гражданина, правопорядка и обеспечения общественной безопасности, повышению эффективности использования имеющихся сил и средств по противодействию преступности. Одним из приоритетных направлений являлось противодействие преступности несовершеннолетних.

Приятно отметить, что в последние годы Республика Татарстан входит в число регионов страны, характеризующихся стабильной социальной обстановкой, что во многом обусловлено, в том числе, эффективной работой органов внутренних дел [1] .Данный вывод подтверждается значениями основных показателей состояния преступности на территории республики, в первую очередь, ее уровня в расчете на 100 тысяч населения, а также результатами ежегодно проводимых независимых исследований общественного мнения по данному вопросу. Надо сказать, что в ходе проведенного в конце 2014 года социологического исследования «Отношение населения Республики Татарстан к органам внутренних дел Республики Татарстан» подавляющее большинство респондентов (88%) ответило утвердительно на вопрос, чувствуют ли они себя в безопасности на улицах и в общественных местах; 92% опрошенных обратятся в органы внутренних дел в случае, если их жизни, здоровью или благополучию будет угрожать опасность; 82% из числа обратившихся за помощью в органы внутренних дел удовлетворены принятыми мерами.

Уместно отметить, что в 2014 году МВД по Республике Татарстан проделан значительный объем работы по обеспечению экономической безопасности республики, противодействию коррупции.

Коррупцией причиняется серьезный многообразный ущерб, возникают угрозы национальной и глобальной безопасности. Коррупция явно подрывает и общественную безопасность, так как вследствие ее распространения покрываются многие преступления, преступники и преступные группировки [2].

По итогам 2014 года уровень преступности в Республике Татарстан в расчете на 100 тыс. населения составил 1 167 преступле-

Таблица 1.

Динамика зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними в Российской Федерации и Республике Татарстан в 1995–2014 гг. [3]

Годы	Число зарегистрированных преступлений (фактов) в России	Число зарегистрированных преступлений (фактов) в Республике Татарстан
1995	209 777	3 687
1996	202 935	3 432
1997	182 798	3 134
1998	189 293	3 123
1999	208 313	4 201
2000	195 426	4 056
2001	185 379	4 205
2002	139 681	3 504
2003	145 368	3 328
2004	154 414	3 484
2005	154 734	3 538
2006	150 264	3 675
2007	139 099	3 132
2008	116 090	2 388
2009	94 720	2 100
2010	78 548	1 655
2011	71 910	1 594
2012	59 461	1 376
2013	60 761	1 314
2014	59 549	1 127

Таблица 2.

Характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления, в Российской Федерации

	Число выявленных лиц, совершивших преступления				
	2009	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Всего	85 452	72 692	65 963	59 461	60 761
из них по возрасту, лет:					
14-15 лет	23 657	21 456	20 473	18 510	19 718
16-17 лет	61 795	51 236	45 490	40 951	41 043
по социальной принадлежности:					
учащихся, студентов	54 643	50 127	45 659	41 084	43 003

ний, существенно меньше, чем в среднем по Российской Федерации и Приволжскому федеральному округу (РФ – 1 500; ПФО – 1 351) (см. таблицы 1, 2).

Нельзя оставить без внимания, что в России в 2013 году увеличилось на 4,6% количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (всего 67,2 тыс.). Рост преступности несовершеннолетних наблюдается в 49 субъектах федерации. На эту категорию лиц приходится 5,4% раскрытых преступлений. Наибольший удельный вес преступности несовершеннолетних отмечается в Архангельской области (10,5%), Забайкальском крае (9,8%), а также в Республике Карелия (9,4%).

В 2013 году в Российской Федерации среди выявленных лиц, совершивших преступления, каждое шестнадцатое (6,0%) является несовершеннолетним. Каждый четвертый из пяти несовершеннолетних (83,4%) привлечен к ответственности за совершение преступлений против собственности. Несовершеннолетним является каждое пятое (18,8%) лицо, совершившее неправомерное завладение автомобилем

Таблица 3.

Динамика преступности среди несовершеннолетних и примененных к ним мер наказания в Республике Татарстан [5]

Годы	2011	2012	2013
Всего осуждено	19 955	17 090	16 601
Кол-во осужденных несовершеннолетних	951	765	677
%	**4,8**	**4,5**	**4,1**
Из них к условной мере	492	296	276
%	**51,7**	**38,7**	**40,3**
Из них к лишению свободы	103	96	100
%	**10,8**	**12,5**	**14,8**
Из них ранее судимы	200	180	132
%	**21,0**	**23,5**	**19,5**

Таблица 4.

Динамика преступности среди несовершеннолетних и примененных к ним мер наказания в Республике Татарстан [6]

Годы	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего осуждено	20 190	21 106	23 164	23 428	24 073	23 733	22 401
Кол-во осужденных несовершеннолетних	2 115	2 126	2 101	1 865	1 496	1 332	1 075
%	**10,5**	**10,0**	**9,0**	**8,0**	**6,2**	**5,6**	**4,8**
Из них к условной мере	1 533	1 496	1 435	1 113	845	702	561
%	**72,5**	**70,4**	**68,3**	**59,7**	**56,5**	**52,7**	**52,2**
Из них к лишению свободы	421	441	384	349	261	187	144
%	**20,0**	**20,7**	**18,3**	**18,7**	**17,4**	**14**	**13,4**
Из них ранее судимы	353	414	388	327	275	301	209
%	**16,7**	**19,5**	**18,5**	**17,5**	**18,4**	**22,6**	**19,4**

или иным транспортным средством без цели хищения, каждое шестое (15,1%) вымогательство, каждые восьмые грабеж (12,6%) и кражу (12,2%) [4].

В Республике Татарстан по сравнению с 2009 годом в 2013 году почти в два раза сократилось количество осужденных несовершеннолетних. Более половины осужденных подростков в 2013 году воспитывались в полной семье – 54,2%. 69,6% от общего числа несовершеннолетних – учащиеся. Доля подростков, осужденных за преступления, совершенные в группе, за последние пять лет сократилась в два раза. Значительно уменьшилось (в 2 раза) количество несовершеннолетних, которые в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения (см. таблицы 3, 4).

Наибольшее количество несовершеннолетних преступников было приговорено, как и в 2012 году, к следующим мерам наказания:

- условное осуждение к лишению свободы – 273 человека, или 40,3% от общего числа несовершеннолетних осужденных, что на 3,2% меньше, чем в 2012 году;

- лишение свободы на определенный срок – 100 человек, или 14,8% от общего числа несовершеннолетних осужденных, что на 4,2% больше, чем в 2012 году.

Качественные показатели свидетельствуют о том, что и в 2012, и в 2013 году наибольшее число несовершеннолетних осуждено за преступления, отнесенные к категориям средней тяжести и тяжким преступлениям. Так, удельный вес подростков, совершивших в 2013 году тяжкие преступления, составляет 40,2%, удельный же вес подростков, совершивших преступления средней тяжести, – 34,9%.

Исследования показали, что средний возраст несовершеннолетнего преступника – неполных 16 лет; 94,3% правонарушителей

Таблица 5.

Характеристика несовершеннолетних осужденных в Республике Татарстан [7]

Годы	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Пол							
мужчины	1 970	1 981	1 939	1 828	1 380	1 209	982
женщины	145	145	162	137	116	123	93
Социальное положение							
учащиеся	1 247	1 236	1 330	1 187	1 030	950	775
работающие	203	158	136	100	74	52	32
трудоспособные, неработающие и не учащиеся	647	709	613	561	389	328	252
нетрудоспособные	40	52	42	18	13	10	7
Воспитание							
полная семья	1 150	1 144	1 135	1 183	1 035	907	635
семья с одним родителем	832	855	804	562	400	368	380
вне семьи (детский дом, интернат)	133	127	162	83	61	57	60
Совершили преступления:							
в группе лиц	1 283	1 190	1 094	962	656	591	472
с участием взрослых	512	450	362	458	268	275	200
в состоянии алкогольного опьянения	486	392	367	283	209	152	127
в состоянии наркотического или иного опьянения	10	7	14	7	5	3	0

Таблица 6.

Характеристика несовершеннолетних осужденных в Республике Татарстан [8]

Годы	2011	2012	2013
Пол			
мужчины	871	685	619
женщины	80	80	58
Социальное положение			
Учащиеся	709	556	471
работающие	28	18	19
трудоспособные, неработающие и неучащиеся	204	188	187
нетрудоспособные	3	6	3
Воспитание			
полная семья	532	408	367
семья с одним родителем	351	308	267
вне семьи (детский дом, интернат)	68	49	43
Совершили преступления:			
в группе лиц	407	320	293
с участием взрослых	169	129	123
в состоянии алкогольного опьянения	98	64	76
в состоянии наркотического или иного (не алкогольного) опьянения	2	1	1

– лица мужского пола. По статистике, более половины несовершеннолетних преступников – иногородние. Приток беспризорных в Республику Татарстан наблюдается из Украины, Молдовы, Московской области, из иных субъектов Российской Федерации, а также из Средней Азии.

Ряд данных, характеризующих личность несовершеннолетних преступников, приведен в таблицах (таблицы 5, 6).

В 2013 году в Республике Татарстан расследованы 1 314 преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием (2012 г. – 1 376), их удельный

вес от общего числа расследованных преступлений составил 5,4% (2012 г. – 5,7%). В структуре подростковой преступности в 2013 г. наибольшую долю составили кражи – 719 преступлений (54,7%) и грабежи – 136 (10,4%). С участием подростков совершены 4 убийства, 24 умышленных причинения тяжкого вреда здоровью, 30 разбоев и 136 грабежей. К административной ответственности за мелкое хулиганство привлечены 354 подростка; за распитие алкогольных напитков, нахождение в общественных местах в состоянии опьянения – 4 148. [9]

За злостное неисполнение обязанностей по воспитанию детей к административной ответственности привлечены 14 215 родителей. По инициативе сотрудников полиции за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей 524 человека лишены родительских прав.

В 2014 году прослеживается снижение уровня преступности несовершеннолетних. Так, было расследовано 1 127 преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, их удельный вес от общего числа расследованных преступлений составил 4,9%. В структуре данного вида преступности наибольшую долю составили с кражи – 635 преступлений (56,3%), угоны автотранспорта – 108 (9,6%), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков – 101 (9%) и грабежи – 78 (6,9%). Также при участии подростков совершено 9 убийств, 14 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 37 разбоев, 17 вымогательств, 10 мошенничеств, 3 изнасилования [10]. За прошедший год к административной ответственности за мелкое хулиганство привлечено 227 подростков, за распитие алкогольных напитков, нахождение в общественных местах в состоянии опьянения – 2 126, а также 14 576 родителей – за злостное неисполнение обязанностей по воспитанию детей.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что по инициативе сотрудников полиции за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, обучению и воспитанию несовершеннолетних детей 460 человек лишены родительских прав.

Одной из эффективных мер профилактического воздействия на стадии ранней подростковой преступности является направление несовершеннолетних правонарушителей в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. В 2013 году в такие учреждения направлены 58 подростков-правонарушителей, из них 34 – в специальное училище, 24 – в специальную школу. В Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) МВД по Республике Татарстан помещены 364 подростка. [11] В 2014 году в подобные учреждения направлены 49 подростков-правонарушителей, из них 25 – в специальное училище, 24 – в специальную школу. На сегодняшний день в ЦВСНП МВД по Республике Татарстан помещено 300 неблагополучных подростков [12].

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что как в преступности несовершеннолетних, так и в преступности в целом прослеживается динамика снижения. Явные тому доказательства –статистические данные Министерства внутренних дел по Республике Татарстан. Полагаем, что снижение преступности несовершеннолетних возможно только при скоординированной, комплексной работе правоохранительных органов и иных государственных органов, осуществляющих деятельность по данному направлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2014 года. – Казань, 2015. – С. 3.

2. Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. проф. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014.

3. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. – СПб., 2006; Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – М., 2003; Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – М., 1997; Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – М., 2002; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан

(по итогам 6 месяцев 2006 года). – Казань, 2006; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2006 года). – Казань, 2007; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2007 года). – Казань, 2008; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2008 года). – Казань, 2009; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2009 года). – Казань, 2010; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (за 2010 год). – Казань, 2011; Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2010 года. – Казань, 2011; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2011 года). – Казань, 2012; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2012 года). – Казань, 2013; Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2013 года). – Казань, 2014; Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2014 года. – Казань, 2015.

4. Преступность и правонарушения (2009–2013): статистический сборник. – М., 2014.

5. Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2011 г. – Казань, 2012; Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2012 г. – Казань, 2013; Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2013 г. – Казань, 2014. – С. 42.

6. Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. – Казань, 2007. – С. 19; Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. – Казань, 2009. – С. 31; Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2010 г. – Казань, 2011. – С. 34; Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2011 г. – Казань, 2012.

7. Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. – Казань, 2009. – С. 32. Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2010 г. – Казань, 2011. – С. 34.

8. Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. – Казань, 2011; Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2011 г. – Казань, 2012; Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2012 г. – Казань, 2013; Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2013 г. – Казань, 2014. – С. 43.

9. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2013 года. – Казань, 2014. – С. 28.

10. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2014 года. – Казань, 2015. – С. 28.

11. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2013 года. – Казань, 2014. – С. 28.

12. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2014 года. – Казань, 2015. – С. 28.

© Демидова-Петрова Е.В., 2015

Статья получена: 13.04.2015

УДК 343.35

М.А. Ефремова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДДЕЛКУ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЛИ СБЫТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД, ШТАМПОВ, ПЕЧАТЕЙ, БЛАНКОВ

В статье исследуются положения уголовного закона, предусматривающие ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, рассматриваются особенности предметов данного преступления, предлагаются возможные пути совершенствования анализируемой нормы.

Ключевые слова: документ, официальный документ, удостоверение, подделка, уголовное право, уголовная ответственность.

С развитием информационного общества в Российской Федерации особую значимость приобрели информация и информационные ресурсы. Они стали фундаментом и движущей силой общественного развития. Следует отметить, что эти две категории попали в «поле зрения» уголовного закона достаточно давно. Так, в УК РФ есть глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», а также целый ряд статей, где предметом посягательства выступает тот или иной информационный ресурс. Среди таковых следует выделить статью 327 УК РФ, которая предусматривает ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков. Официальный документ, будучи разновидностью информационного ресурса, охраняется посредством норм данной статьи наряду с государственными наградами, штампами, печатями и бланками. В связи с этим представляется необходимым исследование положений ст. 327 УК РФ с целью уяснить, насколько они отвечают требованиям современного динамично развивающегося информационного общества.

Ч. 1 ст. 327 УК РФ в качестве преступления предусматривает подделку удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа, а равно изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков.

Законодательное определение документа содержится в Федеральном законе от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов». Документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения. Вышеупомянутый закон трактует официальные документы как документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер. И хотя формулировка, изложенная в законе, не совсем соотносится с положениями УК РФ, важно отметить, что документ может иметь не только «традиционную» письменную форму, которая, в свою очередь, может быть выполнена рукописно или печатным образом, но аудиовизуальную форму, электронную или комбинированную форму. В перечисленных случаях документ также должен иметь реквизиты, позволяющие его идентифицировать.

Р.Б. Семенов полагает, что существенным содержательным признаком в опреде-

лении документа является понятие «информация» [1, с. 61]. Официальный документ, по его мнению, это документ, созданный юридическим или физическим лицом, оформленный и удостоверенный в установленном порядке.

А.В. Наумов применительно к теории уголовного права определяет документ как деловую бумагу, которая подтверждает какой-либо факт или какое-либо право. Применительно к рассматриваемому составу официальный характер документа означает, что он предоставляет какие-либо права или освобождает от обязанностей [2, с. 541].

Л.А. Букалерова к охраняемым официальным документам относит документ, который: удостоверяет факты, имеющие юридическое значение; создан уполномоченными на то государством юридическими или физическими лицами; имеет установленную законом форму; подпадает под действие системы регистрации, строгой отчетности и контроля за обращением [3, с. 77].

По мнению П.Ю. Летникова, под официальным документом необходимо понимать информацию, закрепленную посредством письменных знаков в электронном виде или на материальном носителе, исходящую от государственных органов власти или управления, юридических, а также частных лиц (но находящуюся в обращении государственных органов власти или управления, либо удостоверенную должностными лицами или нотариусом), подтверждающую события или факты, имеющие юридическое значение [4, с. 79].

А.В. Бриллиантов отмечает, что нынешние социально-экономические отношения диктуют необходимость широкого подхода к понятию официального документа исходя из источника его возникновения. По его мнению, официальный документ может быть создан в государственном, муниципальном, коммерческом, общественном секторе, а также физическими лицами. Иными словами, источник происхождения документа не должен иметь значения для уголовно-правовой оценки. Главным критерием отнесения документа к числу официальных является наличие у него свойства воздействовать на правоотношения: на их порождение, изменение или прекращение. Помимо предоставления прав или освобождения от обязанностей, официальные документы удостоверяют события или факты, имеющие юридическое значение и влекущие юридические последствия [5].

Думается, что едва ли документ, исходящий от физического лица, может носить характер официального, за исключением случаев, если этот документ исходит от индивидуального предпринимателя или удостоверен в установленном законом порядке (например, нотариусом, должностным лицом и т.д.). В связи с этим П.Ю. Летников справедливо замечает, что документ, созданный физическим лицом, является официальным не с момента издания, а лишь в силу определенных обстоятельств, например, поступления в органы государственной власти или управления. Такие документы приобретают ряд дополнительных реквизитов (оттисков печатей и штампов с датой, входящим номером, наименованием властного органа), свидетельствующих об их включении в официальный документооборот и придании документам соответствующего статуса [4, с. 46].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК выступает не всякий официальный документ, а лишь тот, который предоставляет права или освобождает от обязанностей, а также удостоверение. Весьма удачное определение удостоверения сформулировано А.В. Бриллиантовым, который таковым называет документ, которым подтверждается личность физического лица и (или) его статус или право. Удостоверение выдается уполномоченным на то органом, заверяется надлежащим лицом, может также заверяться и печатью (например, водительские права, охотничий билет, удостоверение сотрудника полиции, военный билет и т.д.) [6].

К числу документов, предоставляющих права А.В. Наумов относит дипломы и другие свидетельства о получении образования, водительские права, пенсионное удостоверение, лицензии на ведение предпринимательской деятельности и др. Доку-

ментами, освобождающими от обязанностей, являются различного рода справки, освобождающие от уплаты коммунальных платежей и др. [2, с. 542]

Так как законодательно перечень документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, не определен, то в настоящее время отнесение того или иного документа к этой категории остается на усмотрении суда. П.Ю. Летников отмечает, что предоставление прав или освобождение от обязанностей возможно только при наличии удостоверенного юридического факта, поэтому ученый считает, что есть все основания для признания предоставления прав или освобождения от обязанностей необходимым свойством официального документа [4, с. 76].

Нет единства мнений среди ученых относительно определения бланка. Так, Л.А. Букалерова определяет бланк как зафиксированную на материальном носителе совокупность официальных реквизитов, предназначенную для создания официального документа [3, с. 108]. А.В. Наумов полагает, что бланк – это чистый лист бумаги с оттиском печати, штампа, других реквизитов организации, учреждения, предназначенный для составления документов [2, с. 547]. Представляется, что не всегда на бланке имеется оттиск печати или штампа, более того, бланк – это не всегда и лист бумаги. Например, в ст. 474 УПК РФ говорится, что «процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. В случае отсутствия бланков процессуальных документов, выполненных типографским, электронным или иным способом, они могут быть написаны от руки». В то же время бланк – это реквизит официального документа, но вовсе не обязательный. Как отмечает Р.Б. Семенов, бланк отличается от документа отсутствием текста, содержащего основную мысль, основные сведения. Ввиду этого подделка бланка не может рассматриваться как подлог документов и квалифицироваться по ст. 292 или 327 УК РФ [1, с. 73]. В тоже время, по мнению автора, если речь идет о таком виде бланков, как бланк строгой отчетности, то они могут выступать предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ [1, с. 74].

Наряду с перечисленными выше предметом анализируемого состава преступления выступают государственные награды, которые являются высшей формой поощрения граждан Российской Федерации за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством [7]. В Российской Федерации установлены следующие виды государственных наград: а) высшие звания Российской Федерации; б) ордена Российской Федерации; в) знаки отличия Российской Федерации; г) медали Российской Федерации; д) почетные звания Российской Федерации.

Объективная сторона преступления может быть выполнена совершением трех видов альтернативных действий: 1) подделка удостоверения либо иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей; 2) сбыт названных предметов; 3) изготовление или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков. Подделка официального документа означает изготовление поддельного, фальшивого документа либо внесение изменений в подлинный документ любым способом. В теории уголовного права существует дискуссия о соотношении понятий «подделка» и «подлог». Уголовная ответственность за подлог предусмотрена ст. 292 УК РФ, в соответствии с которой служебным подлогом следует считать внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. Подлог принято классифицировать на интеллектуальный и материальный. В первом случае речь идет о составлении изначально подложного доку-

мента, в который включается недостоверная информация. Во втором же случае изменения, искажающие информацию, вносятся в уже существующий документ. Р.Б. Семенов, детально исследовавший проблему подлога документов, предложил классифицировать подлог документа по способу. Так, он выделяет контактный подлог (переделку) и бесконтактный подлог (фабрикацию). Фабрикация, в свою очередь, как полное изготовление изначально подложного документа, может быть выражена в подделке и фальсификации [1, с. 8–9]. А.Н. Ильяшенко и О.В. Чесноков, критикуя приведенную выше классификацию, полагают, что слова «подлог», «подделка» и «фальсификация» являются синонимами, так как обладают идентичной филологической природой [8]. Л.А. Букалерова, исходя из того, что подлог и подделка обозначают одно и то же понятие, предлагает деяние, предусмотренное ст. 327 УК РФ, именовать подлогом и внести соответствующие изменения в диспозицию этой статьи [3, с. 233]. Данное предложение, безусловно, заслуживает поддержки, так как, во-первых, это будет способствовать терминологическому единству в Особенной части УК РФ, а во-вторых, поставит точку в развернувшейся дискуссии.

Еще одним признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является сбыт. Сбыт имеет место в случае отчуждения предмета преступления третьему лицу.

Субъективная сторона, помимо вины в форме прямого умысла, характеризуется и специальной целью – использования поддельного официального документа.

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Ч. 2 ст. 327 УК РФ предусматривает ответственность за те же деяния, совершенные с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. А ч. 3 – за использование заведомо подложного документа. Использование подложного документа означает его предъявление, представление. Так, например, С. был осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ за то, что совершил использование заведомо подложного документа – справки о доходах формы № 2–НДФЛ, а именно в офисе одного из банков с целью получения кредита на неотложные нужды умышленно предъявил ведущему специалисту банка указанную справку на его имя, изготовленную на специальном бланке, заверенную печатью, удостоверяющую ложные сведения о его доходах [9].

Таким образом, в рассмотренных выше статье УК РФ предметом преступления могут выступать:

• официальные документы;

• государственные награды Российской Федерации, РСФСР, СССР;

• штампы, печати, бланки.

Мы уже отмечали выше, что штампы, печати и бланки являются реквизитами официальных документов, то есть обязательным элементом документа, но это еще не документ. Незаконные действия со штампами, печатями, бланками, по нашему мнению, всегда являются промежуточным звеном в целой цепи преступных действий. Например, они могут быть похищены с целью создания подложного официального документы, либо затем быть уничтожены. Поэтому мы полагаем целесообразным дифференцировать ответственность за посягательства на уже существующие официальные документы и на их реквизиты – штампы, печати и бланки. Посягательства на официальный документ характеризуются большей степенью общественной опасности. В то же время отличаются по степени общественной опасности их похищение, уничтожение, повреждение, сокрытие и подделка. Большей степенью общественной опасности обладает подделка, это прямо вытекает из анализа санкций ст. 325 и 327 УК РФ. Исходя из изложенного, представляется необходимым выделить в УК РФ отдельную статью, посвященную уголовно-правовой охране штампов, печатей и бланков. При этом наиболее строгое наказание должна влечь их подделка. Аналогичный подход, на наш взгляд, логически обоснован и в отношении государственных наград, которые документами не являются (лишь ордена и медали вручаются вместе с соответствующим удостоверением), не являются они и реквизитами официальных документов, поэтому не

совсем понятно, почему законодатель поставил их в один ряд с документами. Посягательства на них также надлежит выделить в отдельную статью УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Р. Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов: дис. … канд. юрид. наук / Р. Б. Семенов. – М., 2005.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3-х т. / А. В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – Т. 3.
3. Букалерова Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационно оборота / Л. А. Букалерова. – М.: Юрлитинформ, 2006.
4. Летников П. Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: дис. … канд. юрид. наук / П. Ю. Летников. – Красноярск, 2009.
5. Бриллиантов А. В. Критерии официального документа / А. В. Бриллиантов // Уголовное право. – № 5. –2010. – С. 5–7.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под. ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».
7. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации (вместе с "Положением о государственных наградах Российской Федерации", "Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаках отличия Российской Федерации, медалях Российской Федерации, почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации") : Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 : ред. от 16.03.2015. – Доступ из СПС «Консультант Плюс»
8. Ильяшенко А. Н. Объективная сторона служебного подлога / А. Н. Ильяшенко, О. В. Чесноков // Общество и право. – 2011. – №. 3(35). – С. 169.
9. Приговор мирового судьи по судебному участку № 42 г. Якутска Республики Саха (Якутия) по делу № 1-24/42-12 (27879) от 23 марта 2012 года. – URL: https://rospravosudie.com/court-yakutskij-sudebnyj-uchastok-42-s/act-212709823/

© Ефремова М.А., 2015
Статья получена: 08.06.2015

УДК 343.91

Е.В. Рогова

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, ВИНОВНЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕБОЛЬШОЙ ТЯЖЕСТИ

В статье анализируется криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести, в целях обоснования законодательного закрепления категории уголовных проступков. Изучение криминологической характеристики указанных лиц необходимо и для выяснения эффективности существующих мер уголовно-правового характера, применяемых к ним. Проведение криминологических исследований в данной области обусловлено и необходимостью совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовный проступок, криминологическая характеристика личности, преступления небольшой тяжести.

С целью обоснования предложения по переводу части преступлений небольшой тяжести в уголовные проступки автору представляется целесообразным дать криминологическую характеристику лицам, совершившим преступления исследуемой категории, опираясь прежде всего на сведения, полученные в ходе изучения правоприменительной практики, поскольку существующие в настоящее время формы статистической отчетности ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации не дают полного представления как о самих преступлениях небольшой тяжести, так и о лицах, виновных в их совершении.

Преступность – это изменчивое явление, она качественно неоднородна, что обусловливает различный подход к осуществлению борьбы с отдельными ее видами. Анализ структуры преступности показал, что 75 % от общего количества зарегистрированных преступлений составляют преступления небольшой и средней тяжести, остальные – это тяжкие и особо тяжкие преступления. На протяжении последних лет, как показало исследование, около ¾ всего количества регистрируемых преступлений приходится на долю преступлений небольшой и средней тяжести, причем последние два года преступления небольшой тяжести в этом массиве стабильно доминируют.

Одной из причин такого положения, на наш взгляд, являются изменения, внесенные в уголовный закон в декабре 2011 г. [1], в отношении преступлений небольшой тяжести, к которым стали относиться умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (ранее – двух лет выделено Е.Р.). Кроме того, тогда же была введена ч. 6 ст. 15 УК РФ, предоставляющая право суду при наличии определенных обстоятельств, указанных в норме, изменить категорию преступления на менее тяжкую.

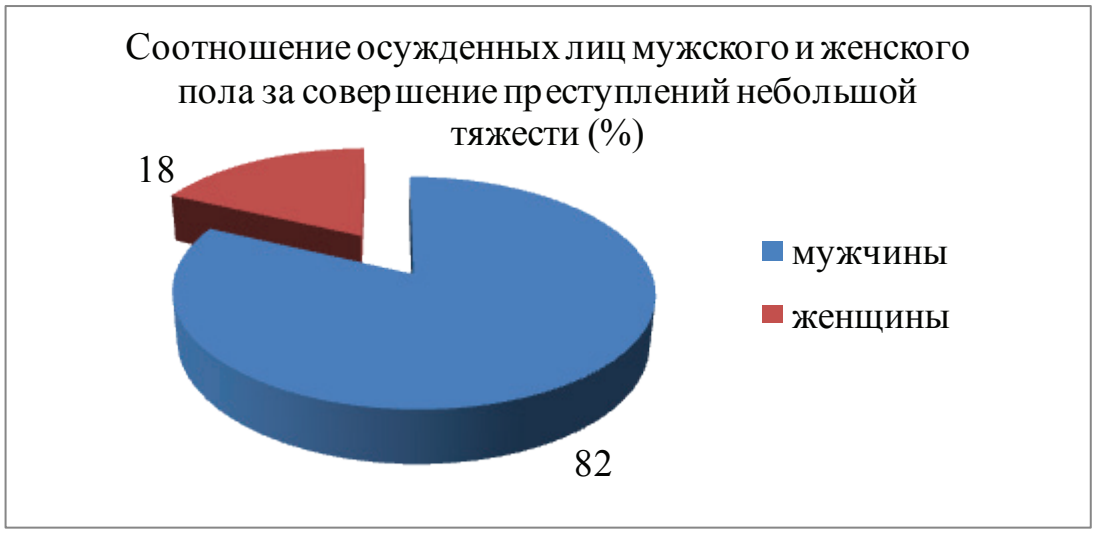
Очевидно, что требуют кардинальных решений проблемы борьбы с данным видом преступлений, должны разрабатываться дифференцированные меры ответственности и, как отмечают некоторые исследователи, данное обстоятельство, связанное с увеличением количества преступлений небольшой тяжести, должно привлекать повышенное внимание государства и общества к этим видам преступлений в части их всестороннего учета и характеристики по различным параметрам.[2]

Одной из составляющих криминологической характеристики являются социально-демографические признаки. Автор при этом исходит из того, что сами по себе социально-демографические признаки не-

криминогенны. Они связаны с условиями формирования личности, ее жизнедеятельностью, взаимодействуют с потребностями, мотивацией, социальными ролями личности, поэтому эти свойства представляют существенный компонент обобщенного представления о личности преступника.

В числе составляющих такого анализа и то обстоятельство, что состояние, структура и динамика преступности среди *мужчин и женщин* неодинаковы. Их существенное различие отмечается в правовой литературе, научных источниках, в анализах переписей осужденных [3]. Лица, осужденные за совершение преступлений небольшой тяжести, в этом отношении не являются исключением (диаграмма 1).

Диаграмма 1.



Важным демографическим признаком личности является возраст. С достижением определенного возраста связаны увлечения, интересы, жизненные ориентации лица. Среди лиц, совершающих преступления изучаемой группы, более половины (52,1 процента) составляют лица в возрасте 30–49 лет (таблица 1).

Рассматривая такую категорию преступников, как *несовершеннолетние*, следует отметить, что существующая ныне статистика дает искаженную картину об участии подростков в свершении преступлений небольшой тяжести. Число несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести, в четыре раза ниже уровня их участия в совершении других более опасных преступлений. Это объясняется главным образом тем, что преступления небольшой тяжести, совершаемые несовершеннолетними, обладают высоким уровнем латентности [4]. Одной из причин латентности является то, что такие преступления совершаются в среде своих сверстников или в отношении лиц младшего возраста, которые, как правило, не сообщают родителям и не заявляют в правоохранительные органы.

Таблица 1.

Возраст лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести (%)

Возраст	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Итого
Число лиц	1,3	17,7	19,0	52,1	9,9	100

Образование – важнейший элемент характеристики личности человека. Высокий уровень образования расценивается как антикриминогенный фактор, а после отбытия наказания облегчает социальную адаптацию осужденных. Проведенное исследование показало, что уровень образо-

вания преступников свидетельствует о том, что данные противоправные деяния совершаются в основном лицами со средним и средним специальным образованием (72,8 процента). Доля лиц, имеющих высшее и неоконченное высшее образование, не превышает 8 процентов (таблица 2).

Таблица 2.

Образовательный уровень лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести (%)

Образовательный уровень	Число лиц
Высшее и неоконченное высшее	8,0
Среднее специальное	33,7
Среднее общее	39,1
Неполное среднее, начальное или нет образования	19,3
Итого	100

ния, свидетельствует о том, что более половины из них (54 процента) состояли в браке.

Одним из основных связующих звеньев между отдельной личностью и обществом является *трудовая деятельность*, занятость общественно полезным трудом, в процессе которой человек ощущает на себе воздействие соответствующей социальной среды и сам, в свою очередь, влияет на нее. Занятие трудовой деятельностью характеризует степень и качество социализации личности. Среди рассматриваемой категории лиц 35,1 процента имеют определенный род занятий. Соответственно, остальные лица (64,9 процента) нигде не работают и не учатся (таблица 3). Для лиц без определенного рода занятий характерно совершение преступлений против собственности, например, кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), мошенничество (ч. 1 ст. 159 УК РФ).

Неоспоримо значение *семейных связей* для любого человека, а для осужденного семья играет важную роль в сохранении его позитивных социальных связей, в облегчении адаптации после освобождения. Исследование показало, что семейное положение лиц, совершивших изучаемые преступле-

Таблица 3.

Род занятий лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести (%)

Род занятий	Число лиц
Рабочие	24
Рабочие сельского хозяйства	0,7
Государственные и муниципальные служащие	0,4
Служащие коммерческой или иной организации	3,0
Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в предпринимательской деятельности	1,4
в том числе индивидуальные предприниматели	1,0
Учащиеся и студенты	2,0
Отбывающие лишение свободы или имеющие неисполненный приговор к лишению свободы (реально)	0,4
Военнослужащие по призыву и по контракту	0,5
Прокуроры, следователи, иные сотрудники правоохранительных органов	0,1
Лица прочих занятий	2,0
Нетрудоспособные (не работающие)	3,8
Трудоспособные без определенных занятий	60,7
в том числе безработные	1,0
Итого	100

Таблица 4.

Неснятые или непогашенные судимости лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести (%)

Категория преступления	Число лиц
Преступления небольшой тяжести	31,7
Преступления средней тяжести	30,8
Тяжкие преступления	24,0
Особо тяжкие преступления	5,5
Итого	100

Поведение по месту жительства и работы лиц, совершающих данные преступления, характеризуется в основном как отрицательное (40 процентов). Проявляется оно в аморальном, а иногда и противоправном поведении еще до факта совершения преступления. Среди лиц с отрицательным поведением многие страдают алкоголизмом (около 48 процентов), более половины подвергались мерам административного воздействия (52 процента). В состоянии алкогольного опьянения преступления небольшой тяжести совершают в среднем 18 процентов лиц.

Характерной чертой рассматриваемой категории граждан является неразвитость их интересов и, как следствие, бесцельное времяпрепровождение.

Важным является и изучение ***уголовно-правовой характеристики*** этой категории лиц, особенность которой заключается в том, что данные преступления совершаются в одиночку, для них не характерно совершение их *в соучастии.* Как правило, одному деянию соответствует один исполнитель. Менее 2 процентов преступлений небольшой тяжести совершается в составе группы.

Отметим также, что среди лиц, виновных в совершении данной категории преступлений, 31,7 процента от общего числа осужденных лиц за совершение преступлений небольшой тяжести имеют *неснятую или непогашенную судимость* на момент судебного рассмотрения, из которых 29,5 процента имеют судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [5] (таблица 4).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, из числа лиц, осужденных за преступления небольшой и средней тяжести, около 4 процентов осуждены за неосторожные преступления, рассредоточенные в настоящее время по этим двум категориям преступлений.

Анализ судебной практики применения наказаний к лицам, виновным в совершении преступлений небольшой тяжести, показал, что одну треть наказаний составляет штраф и одну треть – условное осуждение к лишению свободы (таблица 5). Практика назначения судами штрафа лицам, виновным в совершении данных преступлений, стабильна и находится на одном уровне. Можно заметить некоторую тенденцию к снижению применения условного осуждения к лишению свободы. С момента вступления УК РФ в законную силу к 2013 г. назначение условного осуждения к лишению свободы сократилось в два раза и составило 13,8 процента от общего числа лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести. Представляется, что это имело место за счет более широкого назначения обязательных работ, применение которых за период с начала их действия по настоящее время возросло почти в шесть раз. Кроме того, это снижение произошло и за счет назначения судами наказания в виде исправительных работ.

Применение такого наказания, как исправительные работы, несколько снизилось к 2010 году, к данному виду наказания было осуждено в тот период 10 процентов лиц от общего числа признанных виновными в совершении преступлений небольшой тяжести. Однако к 2013 году оно возросло в два раза и составило 19,4 процента, что связано с изменениями, внесенными в норму, регулирующую порядок применения исправительных работ (ст. 50 УК РФ). Были

восстановлены исправительные работы, применяемые к лицам, имеющим основное место работы.

На основании предложенной характеристики можно выделить следующие типы лиц, совершающих исследуемые преступления:

1) случайные преступники – лица, впервые совершившие преступление при общей положительной характеристике их личности и поведения;

2) ситуативные преступники – лица, совершившие преступление под воздействием сложившейся определенной ситуации. Для них характерно наличие позитивных жизненных целей и ценностей. Вместе с тем они допускали аморальные проявления или незначительные правонарушения;

3) неустойчивые преступники – лица с ослабленными социальными связями, деформациями в системе ценностных ориентаций, наличием низкого уровня правосознания. Они уже ранее совершали преступления небольшой тяжести.

Таким образом, с учетом изложенных фактов, отметим, что криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести, позволяет сделать вывод о том, что значительную часть данных преступлений можно выделить в группу уголовных проступков. В пользу перевода преступлений небольшой тяжести, которые составляют значительную часть преступлений в действующем УК РФ, свидетельствует то, что вряд ли приведенная характеристика лиц, их совершивших, позволяет назвать таких людей преступниками.

Криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести, которые предполагается перевести в категорию уголовных проступков, способствует выработке некоторых предложений относительно их уголовно-правовой оценки. Так, например, можно предложить, что за совершение уголовных проступков следует назначать наказания, не связанные с лишением свободы, такие как исправительные работы, обязательные работы. Только в исключительных случаях возможно применение наказания в виде ареста. В некоторой степени следует поддержать предложения тех ученых, которые предлагают перевести преступления небольшой и средней тяжести в уголовные проступки, за совершение которых выработать самостоятельную систему наказаний [6].

Таблица 5.

Виды наказаний и мер уголовно-правового характера, назначаемых судами за совершение преступлений небольшой тяжести

Виды наказания и мер уголовно-правового характера	Число осужденных (в % от общего числа осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести)
Лишение свободы	9,6
в том числе сроком до 1 года	4,7
от 1 года до 2 лет	3,4
от 2 до 3 лет	1,5
Исправительные работы	12,7
Условное осуждение к лишению свободы	26,9
Условное осуждение к иным мерам	5,7
Штраф	27,9
Обязательные работы (с 2004 г. по настоящее время)	13,1
Ограничение свободы (с 2010 г. по настоящее время)	4,1

Кроме того, совершение уголовного проступка:

• не должно учитываться при признании рецидива;

• не должно влечь ответственности за покушение на них.

Также привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не должно влечь за собой судимости. Виновные в совершении уголовных проступков освобождаются от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим, деятельном раскаянии, по истечении срока давности в два года.

Изложенное позволяет нам сформулировать вывод о том, что разделение существующих сегодня в УК РФ общественно опасных деяний на преступления и уголовные проступки будет отражать криминологические реалии. Еще большую важность приобретает это решение в условиях развивающегося демократического общества, где социально-правовая и моральная оценки поведения человека имеют большое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50, ст. 7362.

2. Звечаровский И. Э. Криминологическая характеристика преступлений небольшой тяжести/ И. Э. Звечаровский, А. Л. Иванов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 14.

3. Организация воспитательно-профилактической работы с осужденными, отбывающими наказания, не связанные с лишением свободы / Б. Б. Козак и др.; под общ. ред. С. Н. Пономарева. – Рязань, 2002. – С. 78.

4. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова. – М., 2011.

5. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 23.04.14).

6. Ишигеев В. С. Современная система наказаний в России и пути повышения их эффективности/ В. С. Ишигеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 18.

© Рогова Е.В., 2015

Статья получена: 03.04.2015

УДК 343.97

Ф.Р. Хисамутдинов **А.Е. Шалагин**

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В статье дается определение криминальной субкультуре, показана ее общественная опасность. Проанализированы виды и элементы криминальной субкультуры. Особое внимание обращено на стратификацию (иерархию) преступников, уголовный жаргон, невербальные способы общения, тюремный фольклор. Авторами статьи сделан акцент на противостоянии криминальной субкультуре в современных условиях и минимизации ее влияния.

Ключевые слова: криминальная субкультура, обычаи и традиции преступного мира, криминальный статус, иерархия преступников, уголовный жаргон, криминальный фольклор, тюремные игры.

Еще в 1901 г. Г.Н. Брейтман в своей работе указывал, что вся сила профессиональных преступников заключается в их сплоченности, правильной организации, знании воровских традиций [1, с. 19]. Другой выдающийся ученый А.И. Гуров отмечал, что для профессиональных преступников свойственна криминальная специализация и квалификация, соблюдение обычаев и правил уголовной среды, совершенствование приемов и способов преступной деятельности [2, с. 24].

Криминальная субкультура – это обработанная преступным миром под себя система искаженных человеческих ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, способствующих организованности (управляемости) преступными группами и сообществами. О.П. Дубягина говорит о преступной субкультуре как о способе поведения людей, образе жизни, принятой в уголовной среде [3, с. 10]. В.Ф. Пирожков под криминальной субкультурой понимает определенный уровень развития преступных групп (сообществ), выраженный в типах и формах их организации, деятельности членов данных формирований, а также в насаждаемых ими правилах и нормах поведения [4, с. 47]. Д.А. Корецкий, В.В. Тулегенов криминальную субкультуру определяют как совокупность асоциальных ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на наиболее рациональную организацию жизнедеятельности лиц с противоправным (криминальным) прошлым или настоящим, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от уголовной ответственности [5, с. 17].

Криминальная субкультура отражает качественные характеристики преступного существования и передает аморальные нормы и правила поведения от лидеров и авторитетов преступного мира к рядовым участникам организованных преступных формирований. Она представляет собой объективное социально-негативное явление, находящееся в сложной взаимосвязи с культурой общества, социальными процессами, происходящими в нашей стране. На распространение криминальной субкультуры непосредственное влияние оказывает состояние, динамика, уровень преступности, ее характер и структура, а также изменение

иных показателей преступности [6, с. 11].

По мнению О.В. Старкова, общественная опасность криминальной субкультуры состоит в том, что она:

- искажает общественное правосознание, расшатывает добропорядочность граждан;

- сохраняет и передает из поколения в поколение преступников криминальный опыт и профессионализм;

- способствует негативной трансформации нравственных, культурных, идеологических, эстетических ценностей современного общества;

- усложняет, а в некоторых случаях блокирует процесс социализации подростков и молодежи, прививая им превдокультурные установки и асоциальные нормы;

- создает позитивный образ некоторых категорий преступников и осуждает содействие населения правоохранительным органам в любых формах [7, с. 22];

- формирует общественное мнение о недоверии государству, провоцирует граждан на нарушение правовых норм и запретов, совершение административных правонарушений и уголовно-наказуемых деяний;

- культивирует в обществе правовой нигилизм, легкомысленное или небрежное отношение к трудовым и гражданским обязанностям, пренебрежительное или безразличное отношение к памятникам истории и культуры.

К типологии (видам) криминальной субкультуры следует отнести:

а) тюремную субкультуру;

б) субкультуру рецидивистов, «профессионалов» преступного мира, лиц, входящих в организованные преступные группы и сообщества;

в) субкультуру несовершеннолетних и молодежи;

г) субкультуру экстремистов, анархистов, радикалистов и т.п.;

д) субкультуру деструктивных (тоталитарных) религиозных организаций (сект);

е) субкультуру лиц, страдающих химическими аддикциями (алкоголики, наркоманы, токсикоманы);

ж) субкультуру маргинальных слоев населения (бродяги, попрошайки, вокзальные проститутки и проч.).

По мнению С.Я. Лебедева, общими чертами традиций и обычаев уголовной (преступной) среды являются: 1) уклонение от общественно полезного труда и выполнения гражданских обязанностей; 2) повышение преступной квалификации и оттачивание преступного мастерства; 3) обеспечение конспирации и маскировки преступного образа жизни, устранение причин и условий, затрудняющих совершение преступлений; 4) соблюдение криминальной иерархии и субординации, беспрекословное подчинение лидерам и авторитетам преступных организаций; 5) привлечение молодежи к совершению правонарушений, пропаганда насилия и криминального образа жизни; 6) оказание материальной и моральной поддержки лиц, оказавшихся под следствием и попавшим в места лишения свободы; 7) подрыв авторитета правоохранительных органов, исключение контактов с ними, отыскание в своей среде предателей и «стукачей»; 8) ведение праздного, разгульного образа жизни, непринятие норм общественной морали; 9) участие в азартных играх, владение уголовным жаргоном и др. [8, с. 34-35].

Необходимо учитывать, что современная криминальная субкультура существенно видоизменилась. Сегодня преступники стараются раствориться (спрятаться) в обществе, многие из них приобрели вид удачливых бизнесменов, банкиров, состоявшихся людей. Мало кто из них наносит татуировки, вышли из моды малиновые пиджаки, широкие брюки, кепарики. На смену Мишке «Япончику», Леньке Пантелееву (по кличке Фартовый), Яньке Кошелькову, Соньке «Золотой ручке» пришли Сергей Мавроди, Салман Радуев, Ринат Фархутдинов «Ринтик» (киллер ОПФ «Хади Такташ»), банда «Цапки» и др. Преступность обогатилась современными техническими средствами и новыми способами совершения преступлений [9, с. 52].

Криминальная субкультура отчетливо проявляется в подростковой и молодежной среде. Отсутствие идеологических и нравственных установок, особенности психики несовершеннолетнего, слабое знание правовых норм, желание противостоять влиянию взрослых приводит к подмене об-

щепризнанных моральных (культурных) ценностей на антиобщественные. Без преувеличения можно отметить, что криминальная субкультура – это основной механизм вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и криминализация молодежной среды.

Подросток, стараясь убежать от своих комплексов, свалившихся на него трудностей и проблем, ищет поддержки и защиты в молодежных группах, в некоторых случаях асоциальной направленности. Представители таких групп умело апеллируют такими категориями, как: 1) романтизм; 2) взаимоподдержка; 3) защита слабого; 4) отсутствие запретов; 5) одобрение расовой, национальной или религиозной ненависти.

Для подросткового возраста характерен высокий уровень конформизма, готовности к принятию групповых норм, изменению поведения или убеждений в соответствии с мнением наиболее авторитетных сверстников или взрослых лиц. В современной социокультурной ситуации позиция и мнение группы является определяющим фактором для формирования установок и мировоззрения подростка. *Так, подросток решает попробовать наркотик, чтобы заслужить расположение или избежать отчуждения со стороны группы, в которой употребление наркотических средств является нормой* [10, с. 97].

Несовершеннолетним свойственна имитация и подражание – стремление воспроизводить (копировать) наблюдаемые формы поведения сверстников и взрослых, начиная от манер общаться, одеваться до отношения к алкоголю, психоактивным веществам и азартным играм [11, с. 103-104].

Стоит отметить, что тюремная субкультура существенно отличается от криминальной субкультуры лиц, находящихся на свободе. При этом оба этих явления взаимодополняют друг друга, корректируют и видоизменяют. Для мест лишения свободы характерны следующие элементы криминальной субкультуры:

- жесткая стратификация осужденных (определение статуса и роли);

- психологическая и физическая изоляция нижних каст «шнырей», «отверженных»;

- наличие кличек, распространение уголовного жаргона;

- противостояние требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения;

- распространение тюремного фольклора (песен, стихов, пословиц и поговорок);

- противостояние одних асоциальных группировок осужденных другим;

- невербальные способы общения осужденных (жесты, знаки, сигналы), зашифровка информации и т.д.;

- насаждение тюремных традиций и норм поведения, жестокое наказание за их неисполнение [12, с. 26–27].

Преступная иерархия (стратификация) осужденных, содержащихся в местах лишения свободы и представителей преступного мира, находящихся на свободе, существенно различаются. *Так, на верху преступной иерархии в местах лишения свободы размещаются «воры в законе», «положенцы», «смотрящие», «паханы». В этой же касте выделяются «стремящиеся», «бойцы», «быки», «фраера». Довольно обособленная от остальных категория осужденных - «мужики» занимает нейтральное положение. Ее представители трудятся на производстве, не вмешиваются в конфликты между администрацией уголовно-исправительного учреждения и злостными нарушителями режима. «Красные», или «активисты», целенаправленно поддерживают администрацию, нередко назначаются на должности завхоза, заведующего клубом, библиотекаря, коменданта, входят в состав самодеятельных организаций, творческих коллективов. Последнюю касту образуют изгои зоны – «отверженные» (постоянно унижаемые и эксплуатируемые осужденные).*

В свою очередь иерархия городской ОПФ (ОПС) может выглядеть следующим образом:

- лидер;
- авторитет;
- бригадир;
- активный участник;
- участник.

Лидер преступной группы (сообщества) – это профессиональный преступник, поль-

зующийся большим авторитетом, активный идеолог уголовной среды. Среди социально-психологических характеристик, присущих таким лицам, отмечаются:

- организаторские способности;
- негативное отношение к законопослушному поведению;
- коммуникабельность;
- преступный профессионализм;
- хорошее знание обычаев и традиций преступного мира;
- умение объединить лиц с криминальной направленностью и подчинить их определенной идее;
- управление преступным сообществом и способность противостоять правоохранительным органам [13, с. 24–25].

В преступной группе авторитеты делятся в зависимости от возложенной на них криминальной роли. Одному поручается сохранность воровской кассы «общака», другому решение экономических вопросов в группировке, третьему – силовое прикрытие, четвертому – оказание юридической помощи и т.д.

Причем самые многочисленные группы, как правило, составляют несовершеннолетние или молодежь. Они делятся по возрастному признаку на молодых, средних (суперов), старших. У каждого возраста есть свой «смотрящий», который подчиняется более влиятельному члену преступной организации.

Клички – зачастую довольно меткие прозвища, в которых нередко проявляются особенности личности, а также характер межличностных отношений в преступной среде. Клички выполняют ряд взаимосвязанных функций:

- заменяют фамилию, имя, отчество;
- служат средством стигматизации (клеймения);
- закрепляют статус личности в преступной иерархии;
- отражают особенности внешнего вида, привычек, самовыражения личности;
- в отдельных случаях служат средством конспирации.

Любая организация, в том числе и преступная, не может существовать без материальной (финансовой) основы, в нашем случае это *воровской общак*. Он пополняется за счет доходов, получаемых от легального бизнеса, а также незаконных операций с наркотиками, торговлей оружием, организации азартных игр, проституции, распространения порнографии. В местах лишения свободы *общак* преимущественно формируется за счет поступления материальных средств от друзей, бывших сокамерников и подельников.

Еще Владимир Даль ***уголовный жаргон назвал*** «блатной музыкой». По его мнению, это язык карманников и мошенников, конокрадов и барышников. По одной из версий, он берет свое начало у бродячих торговцев (коробейников), которых называли «офенями», по другой – этим языком пользовались волжские разбойники еще в XVII–XVIII веках.

Наиболее развитым (насыщенным) оказался жаргон взломщиков сейфов, карманных и квартирных воров, карточных шулеров, бродяг и скупщиков краденного. В настоящее время, по некоторым данным, в уголовном жаргоне насчитывается свыше 25 000 слов и 7 000 выражений [14, с. 72].

Язык преступного мира передавался из поколения в поколение нарушителей закона. На «фене» не просто общались, а использовали ее для зашифровки устной или письменной информации. Вначале на каторге, затем в тюрьмах воровская речь постоянно дополнялась новыми словами. При этом каждый регион и находящиеся в нем исправительные учреждения отличаются собственным языковым диалектом.

Тюремные игры также имеют богатую историю. В местах лишения свободы от каждого уважающего себя вора требовалось умение играть в карты. В среде осужденных наиболее популярными были: бура, очко, рамс, третями, тринька, тэрс (тэрц) и др. *Байбут* – азартная игра в кости. В зависимости от сочетания выпавших цифр определялся выигрыш или проигрыш. *Тюремный козел* – камерная игра со спичечным коробком, который щелчком пальца подбрасывается в воздух. Если коробок упал этикеткой вверх, игроку начисляется 2 очка, на ребро – 5, стоя – 10 очков, тыльной стороной – 0

очков. Выигрывает тот, кто первым наберет 50 очков. Игра может вестись на деньги, продукты питания, сигареты и т.п. В среде осужденных пользуются популярностью нарды, шашки и шахматы.

Некоторые игры преследуют цель издевательства и глумления над заключенными. Такие игры ставят проигравшего в зависимость, делают его объектом насмешек и унижений. К их числу можно отнести: «Двадцать бумажек», «Белая береза», «В баню», «Шмен», «Проверка зрения», «Три товарища», «Самосвал» или «Велосипед», «Посчитай звезды» и др. [15, с. 193–194]

Симуляцию болезни или камерное членовредительство осужденные в местах лишения свободы называют «мостырками». Их перечень достаточно разнообразен. Если кипяток лить на ногу через тряпку, впоследствие обваренная нога напоминает своей припухлостью и равномерной краснотой гангрену. Острое кишечное отравление и дизентерию осужденные имитируют, съедая несколько кусков мыла. Желающие повысить свою температуру вводят под кожу керосин, в результате чего не только поднимается температура, но и появляются фурункулы, которые можно отнести к тому или иному заболеванию.

Обильное потребление нефильтрованной воды может привести к кишечным расстройствам, учащенное сердцебиение вызывает настой из табака, заглатывание твердых предметов (гвоздей, ручек, зубных щеток) на долгое время обеспечивает симулянта больничной койкой. Растерев грифель химического карандаша, некоторые арестанты засыпали его в глаза, что приводило к сильному конъюнктивиту и даже временной слепоте [16, с. 37].

Тюремный фольклор, или камерная лирика, – это песни, стихи, пословицы и поговорки, рассказы и др. *Например, пословицы и поговорки, наиболее часто употребляемые осужденными*: Солнце встало выше ели, время спать, а мы не ели; Береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет; Втыкай глубже, бери больше, кидай дальше, пока летит – отдыхай; Жалко парня, а как подумаешь, так и черт с ним; Закон – тайга, черпак – норма, медведь – прокурор; Мы работы не боимся, но работать не пойдем; От тюрьмы тюрьмой не пахнет».

Авторов арестантских стихов установить, как правило, невозможно, поэтому они воспринимаются как «народное творчество». В тюремной лирике проявляется отношение осужденного к происходящим событиям, тяжелым жизненным условиям, особый акцент делается на отношениях с матерью, друзьями, женщинами. Часто осужденные пытаются оправдать свои преступления непреодолимыми обстоятельствами, вызвать к себе жалось и сочувствие.

Специфичное направление в современной музыке занимает «Шансон». Песни и музыкальные композиции о преступности, преступниках, их жертвах и взаимоотношениях в криминальной среде транслируются по радиостанциям, продаются отдельными музыкальными сборниками. К числу наиболее известных исполнителей стоит отнести Катю Огонек, Виктора Петлюру, Александра Новикова, Михаила и Ирину Круг, Евгения Кемеровского, Вили Токарева, Михаила Шуфутинского, музыкальные группы «Бутырка», «Воровайки», «Запретка», «Лесоповал» и др. Следует отметить, что происходит постепенное угасание общественного интереса к этому музыкальному направлению.

Отдельное место в тюремной субкультуре занимает ***прописка, клятвы, приколы***, которые выражаются в форме розыгрышей, испытаний, шантажа, загадок и т.п. *Прописка* – процедура принятия новичка в свои ряды. По результатам такой процедуры осужденный попадает в ту или иную группу (страту), определяется его тюремный статус. Прописка наиболее характерна для следственных изоляторов, воспитательных колоний для несовершеннолетних. Например, новичку задается вопрос «Мать продашь или пацанов сдашь?». Правильный ответ отрицает любой выбор или демонстрирует знание криминальных традиций и обычаев. Отвечать нужно примерно так: «Мать – это святое, а братва не продается».

Кроме вышеперечисленного, к традициям и обычаям преступного мира относятся

невербальные средства коммуникации ***(жесты, мимика, позы)***. Преступники постоянно совершенствуют способы зашифровки и передачи информации ***(криптография)***. За нарушение криминальных устоев предусмотрены ***санкции (наказания)*** – от денежного «штрафа» до лишения жизни. В некоторых преступных группах поощряется отказ от наркотиков и алкоголя. В других, наоборот, систематически употребляют психоактивные и сильнодействующие вещества.

Профилактика криминальной субкультуры не может рассматривать в отрыве от предупреждения и противодействия преступности. Оздоровление российской экономики, проведение политических преобразований, защита моральных и культурных ценностей благотворно скажутся на минимизации этого асоциального явления. Особое внимание следует обратить на охрану (защиту) исторических, этических и нравственных ценностей. Инструментарием в такой непростой задаче, может выступить патриотизм, дружба народов, уважение к женщине и пожилым людям, осуждение вседозволенности и распущенности, пропаганда здорового образа жизни [17, с. 116], уважение к труду и негативное отношение к паразитическому существованию, борьба с социально-негативными явлениями, связанными с преступностью (алкоголизмом, наркоманией, проституцией, бродяжничеством, попрошайничеством, безнадзорностью несовершеннолетних).

По нашему мнению, в вузах МВД России необходимо предусмотреть изучение спецкурса «Криминальная субкультура и ее предупреждение». При разработке рабочих программ, лекций, учебных пособий необходимо опираться на труды Ю.М. Антоняна, О.В. Старкова, А.И. Гурова, И.М. Мацкевича, Д.А. Корецкого, В.М. Анисимкова, С.Я. Лебедева, А.И. Долговой и других известных ученых, занимающихся данной проблемой.

Минимизация преступных традиций должна быть связана с воздействием на причины и условия их существования, привлечением к ответственности лидеров и авторитетов уголовной среды. Этому будет способствовать дальнейшая наработка следственной и судебной практики привлечения виновных к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Брейтман Г. Н. Преступный мир / Г. Н. Брейтман. – СПб., 2005. – 192 с.
2. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров. – М., 1990. – 304 с.
3. Дубягина О. П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды : монография / О. П. Дубягина. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 204 с.
4. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В. Ф. Пирожков. – Тверь : Приз, 1994. – 323 с.
5. Корецкий Д. А. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 243 с.
6. Мацкевич И. М. Мифы преступного мира / И. М. Мацкевич. – М.: Проспект, 2015. – 368 с.
7. Старков О. В. Криминальная субкультура: спецкурс / О. В. Старков. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 240 с.
8. Лебедев С. Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: учебное пособие / С. Я. Лебедев. – Омск : ВШМ МВД СССР, 1989. – 72 с.
9. Хисамутдинов Ф. Р. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) / Ф. Р. Хисамутдинов, А. Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 4 (18). – С. 50–55.
10. Шалагин А. Е. Предупреждение органами внутренних дел деятельности молодежных объединений асоциальной направленности / А. Е. Шалагин // Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в современных условиях: сборник материалов межведом-

ственного круглого стола (г. Казань, 30 ноября 2012 года). – Казань : КЮИ МВД России, 2013. – С. 96–101.
11. Косарецкая С. В. Неформальные объединения молодежи: профилактика асоциального поведения / С. В. Косарецкая, С. Г. Косарецкий, Н. Ю. Синягина. – СПб. : КАРО, 2006. – 400 с.
12. Мацкевич И. М. Портреты знаменитых преступников / И. М. Мацкевич. – М.: ПолиграфОпт, 2005. – 415 с.
13. Метелев А. В. Криминальная субкультура : учебно-методическое пособие / А. В. Метелев. – Ижевск : Ижевский филиал Нижегородской академии МВД России, 2009. – 70 с.
14. Шакирьянов М. М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними : монография / М. М. Шакирьянов. – Казань : КЮИ МВД России, 2005. – 137 с.
15. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В. М. Анисимков. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 204 с.
16. Кучинский А. В. Преступники и преступления. Законы преступного мира (обычаи, язык, татуировки) / А. В. Кучинский. – Донецк : Сталкер, 1997. – 448 с.
17. Криминология : учебное пособие / под ред. С. М. Иншакова, А. В. Симоненко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 215 с.

© Хисамутдинов Ф.Р., 2015
© Шалагин А.Е., 2015
Статья получена: 02.04.2015

УДК 340.6

Ф.К. Зиннуров

В.И. Красильников

О СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (СТ. 105 УК РФ)

Исследование проведено на базе Республиканской клинической больницы Минздрава Республики Татарстан, а также государственного автономного учреждения здравоохранения «Республиканская клиническая психиатрическая больница им. акад. В.М. Бехтерева». Осуществлен мониторинг характера экспертных решений в отношении лиц, совершивших опасные общественные действия (ООД) (ст.105 УК РФ) за три года 2012–2014 гг.

Ключевые слова: убийства, насилие, судебно-психиатрическая экспертиза, опасные общественные действия, психические отклонения.

Нами было проведено оригинальное (на стыке – криминалистики и медицины) научное исследование, посвященное природе, проявлениям и медико-экспертным аналитическо-криминалистическим подходам к предупреждению наиболее тяжких проявлений социальной агрессии – убийств (ст. 105 УК РФ). Учитывая неоднозначность и сложность проблем, вопросы социальной агрессии не могут быть отнесены к сфере интересов отдельно взятой профессии, их решение лежит в междисциплинарной плоскости. В данной работе были рассмотрены актуальные подходы к пониманию, раскрытию, предупреждению и профилактике самых тяжких форм криминального насилия.

Актуальность исследуемой темы неоспорима, так как насилие и его наиболее тяжкое проявление – убийство – относится к числу наиболее глобальных для человечества проблем, которое охватывает все сферы жизни, и его проявления чрезвычайно разнообразны – от одинарных до массовых убийств и мировых войн. Это оказывает тлетворное влияние на нравственную и правовую атмосферу в обществе, духовную жизнь людей, каждодневные отношения между ними и их ценностные ориентации, воспитание подрастающего поколения, своевременную профилактику девиантного поведения подростков, политику и принятие решений, экономическую, производственную и финансовую деятельность, возможность обеспечения правопорядка. Основной целью исследования выносится постулат, что крайняя степень преступного насилия – лишь верхушка айсберга. Данная проблема не является только криминалистической и юридической. Это сложный многомерный конгломерат философии, этики, социологии, психологии, культурологии, этнологии, политологии, теологии, психиатрии, экономики и права. Проблема насилия диалектически связана с этикой насилия, из которой необходимо черпать контраргументы, контрмеры против насилия. Основной задачей исследования является определение глубочайших составляющих, корнями уходящих в многочисленные пласты сознания и подсознания, представляющих собой социологические, социально-психологические, культурологические и иные факторы механизмов выработки и усвоения норм насилия различными социальными группами, народами и нациями, каналов и способов их пе-

редачи отдельным индивидам и последующим поколениям, что указывает на крайнюю необходимость ранней профилактики девиантного поведения детей и подростков [1].

К сожалению, насилие довольно прочно закреплено в многовековом опыте человечества, и его проявления не всегда сознательно регулируются как на уровне отдельного человека или группы (в том числе возрастной), так и общества в целом. Следовательно, крайне необходимо исследовать истоки и историю насилия, все его разнообразные формы и масштабы. Можно выделить мифологический аспект познания и архетипические способы сохранения информации о насилии как способе разрешения конфликтов (особенно подростками, склонными к девиантному поведению). Все это вместе взятое привело к огрублению и ожесточению нравов, формируя недоверчиво-тревожное и настороженное отношение, и, как следствие, к упреждающему нападению как способу защиты [2].

Преступное насилие – одна из главных проблем России. В последние годы насильственная преступность опережала ненасильственные ее виды; увеличилось число самых опасных видов насилия, в том числе совершаемого с особой жестокостью и с применением огнестрельного оружия; появились новые виды преступного насилия – заказные убийства, терроризм, захват заложников, похищение людей. Насилие распространилось там, где оно прежде не было заметно – в экономике, коммерческой, финансовой деятельности, и часто совершается преступными организациями, особенно в сфере наркобизнеса и незаконной торговли оружием. Чаще чем в прошлом, насильственные преступления совершались подростками [3].

Рост преступного насилия и негативные изменения в его структуре обусловлены неблагоприятными социальными, экономическими, психологическими, демографическими явлениями и процессами. Неожиданно произошло резкое социальное расслоение общества, приведшее к обнищанию и дезаптации отдельных групп людей, которые в условиях социальной дезорганизации ради сохранения прежнего или приобретения желаемого статуса, получения материальных благ и обеспечения социального продвижения готовы использовать крайние формы насилия. Был облегчен доступ к огнестрельному оружию, имеет место алкоголизация и наркотизация населения, которая не проходит бесследно, что приводит к росту насильственных преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Психиатрическая помощь населению становится недостаточной, хотя среди насильственных преступников доля с психическими отклонениями составляла до 30,0% и более. Криминогенные факторы, персонифицируясь, порождают насильственные преступления. Мотивы насильственных преступлений (на индивидуальном уровне) могут носить как осознанный, так и неосознанный характер. Последние тесно связаны с представлением потенциального преступника о самом себе, самовосприятием и самооценкой, потребностью самоутверждения и снятия внутриличностных психотравмирующих проблем. Эти проблемы, как показали конкретные исследования, порождались невспоминаемыми переживаниями прошлого и особенно девиантного детства, отношениями с отцом и в первую очередь с матерью [4].

Совершение насильственных преступлений стимулируется потребностью защиты своего «Я» и своего тела от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть, но она ощущается как мнимая реальность. В целом это и попытка снижения собственной тревожности и неуверенности путем «защитной» по смыслу агрессии. Наивысший уровень тревожности, достигающий страха смерти, характерен для лиц с психическими аномалиями. Последствия переживаний такого страха могут быть весьма разрушительными (убийство нескольких или многих людей, убийство с особой жестокостью и т.д.). Это связано, как правило, со стремлением получить материальные блага, значимость которых, особенно для тревожных личностей, довольно велика и выступает в качестве некоего гаранта жизни; необходимостью в самоутверждении путем полного доминирования над жертвой вплоть до ее уничтожения; желанием утвердиться в глазах ближайшего окружения, что

типично для насильственного преступного поведения молодых людей с девиантным поведением, актуальной сексуальной потребностью, но такие потребности далеко не всегда играют доминирующую роль в насилии. Борьба с насильственной преступностью должна вытекать из порождающих ее причин, и задача может заключаться в своевременной коррекции и профилактике девиантного поведения подростков [5].

Непосредственная судебно-психиатрическая оценка большинства преступлений и их квалификация в суде, как правило, ранее основывалась на УК РСФСР и, соответственно, на наличии всего двух альтернативных вариантов экспертного заключения – вменяемость/невменяемость. Это упрощало обоснование заключения при формальном к нему подходе и резко затрудняло его при углубленном психолого-психиатрическом структурно-динамическом анализе и решении вопросов применения мер медицинского характера, а также медико-реабилитационной профилактики рецидивов подобных преступлений.

Эти трудности объясняются своеобразной диссоциацией психологического критерия невменяемости, интеллектуальный элемент которого, на первый взгляд, отличался достаточной сохранностью. Последнее заключалось в способности преступника осознавать фактический характер своих действий, их общественную опасность, адекватно оценивать ситуацию и ее изменение в ходе преступления, прогнозировать развитие событий и их осложнения. Основным же деформациям подвергалась волевая сфера, что может быть объяснено возникновением патологии произвольной деятельности в форме обессивного, компульсивного или импульсивного деяния [6].

На период действия УК РСФСР экспертные заключения в такого рода случаях основывались на разработках школы В.В. Шостаковича, проведенных в 1990–1996 годах. В соответствии с ними компульсивность и импульсивность оценивались как неспособность руководить своими действиями и являлись основанием для признания подсудимого невменяемым. При таком подходе остальные подэкспертные признавались вменяемыми. И это несмотря на то, что практически у всех обнаруживались психические расстройства непсихотического уровня, как правило, связанные с различными вариантами органического поражения мозга. Признание их вменяемыми исключало участие психиатра, что порой влекло за собой рецидивы [7].

В настоящее время при сохранении той же оценки импульсивности и компульсивности в УК РФ введена статья об ограниченной вменяемости (ст. 22), что создало предпосылки для более адекватной судебно-психитатрической оценки лиц, совершивших подобные преступления. Основанием для этого служит клиническая характеристика аномального криминального поведения. Признавая его обсессивное психопатологическое происхождение, эксперт тем самым признает присущую обсессивному влечению борьбу мотивов на протяжении всего патологического волевого акта, возможность ситуационно перестраивать уже начавшееся преступление, вплоть до его прерывания. Данные факты свидетельствуют о способности подэкспертного осознавать характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, но эти способности ограничены, волевые качества ослаблены, что существенно влияет на преступное поведение. Признание таких лиц ограниченно вменяемыми имеет не только и не столько правовую, гуманистическую и теоретическую значимость, сколько чисто прагматическую, так как предполагает назначение принудительных мер медицинского характера в форме амбулаторного наблюдения и лечения, что может стать серьезным фактором предупреждения рецидивов [8].

Всего за последние три года было проведено 878 экспертиз: в 2012 году – 306 экспертиз, в 2013 году – 294, в 2014 году – 278 экспертиз, что свидетельствует о некотором снижении числа проведенных судебно-психиатрических экспертиз за период проведения исследования (таблица 1).

Из числа прошедших экспертизу признано психически здоровыми в 2012 году 116 человек, в 2013 году – 121, в 2014 году

Таблица 1.

Характер экспертных решений в отношении лиц, совершивших опасные общественные действия (ООД) (ст.105 УК РФ).
Всего проведено экспертиз

Годы	2012	2013	2014	Всего за 3 года
проведено экспертиз	306	294	278	878
Соотношение по годам в %	34,9%	33,4%	31,7%	100,0%

– 105, всего психически здоровыми были признаны за три года 342 человека.

Из всех проведенных экспертиз психически здоровыми были признаны в 2012 году 37,9±2,8%, в 2013 году 41,2±2,9%, в 2014 году 37,8±2,9% и, соответственно, за 2012–1014 гг. 38,9±1,6%.

Удельный вес признанных психически здоровыми за исследуемый трехлетний период (2012–2014 годы) составлял в 2012 году – 33,9±2,7%, в 2013 году 35,4±2,8%, в 2014 году 30,7±2,8%.

На рис. 1, 2 представлены экспертные решения в отношении лиц, совершивших опасные общественные действия.

Из числа прошедших экспертизу лиц было признано с психическими расстройствами в 2012 году 70 человек, в 2013 году – 69 человек, в 2014 году – 67 человек, всего за три года было выявлено 206 лиц с психическими расстройствами. Из них удельный вес по годам составлял в 2012 году 34,0±2,7%, в 2013 году – 33,5±2,8%, в 2014 году – 32,5±2,8%, что свидетельствовало о незначительном снижении доли лиц с психическими расстройствами, выявленных при освидетельствовании за исследуемый период. Однако удельный вес лиц с психическими расстройствами в числе всех прошедших экспертизу составлял в 2012 году 22,8±2,4%, в 2013 году 23,4±2,5%, в 2014 году 24,1±2,6%, что говорило о незначительном росте, который составлял за исследуемый период до 23,5±1,4%, от числа освидетельствованных судебно-психиатрической экспертизой.

Из числа лиц, прошедших экспертизу, было признано вменяемыми в 2012 году 239 освидетельствованных, в 2013 году – 234, в 2014 году, соответственно, 216. Всего за три года было признано вменяемыми 689 лиц, прошедших экспертизу, что, соответственно, составляло в 2012 году 78,1±2,4%, в 2013 году – 79,6±2,4%, в 2014 году – 77,7±2,5% и в 2012–2014 годах в среднем 78,5±1,4% от числа лиц, прошедших экспертизу. Удельный вес по годам в числе всех признанных вменяемыми из числа прошедших экспертизу составлял, со-

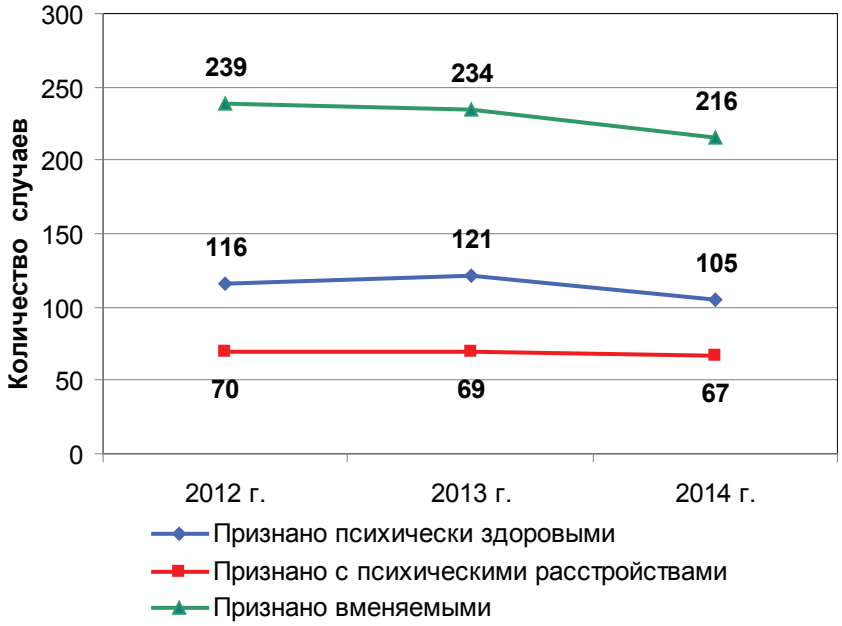


Рис. 1. Категории контингента, прошедшего экспертизу

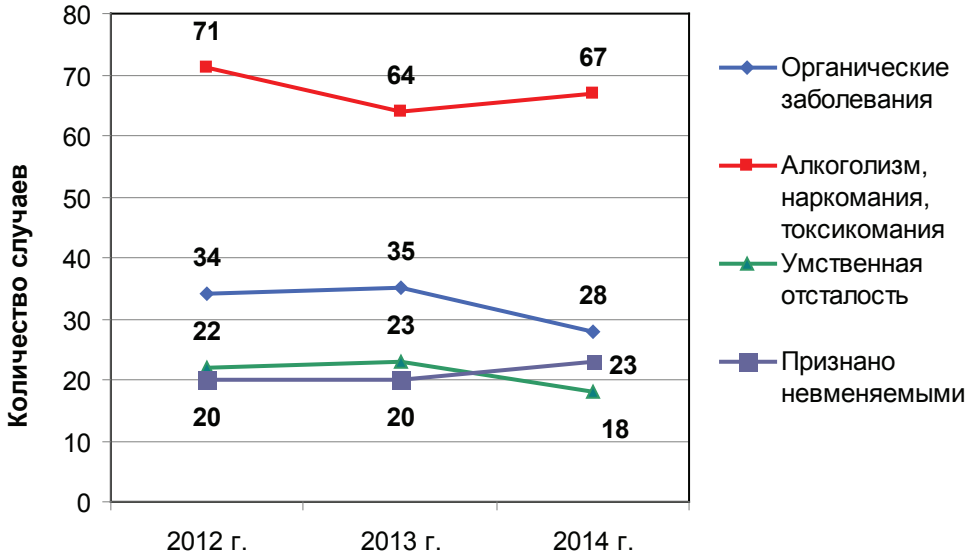


Рис. 2. Выявленные отклонения в психике

ответственно, в 2012 году 34,7±2,8%, в 2013 году – 34,0±2,8%, в 2014 году – 31,3±2,8%.

Данные, представленные на рис. 1 и 2, позволяют сделать вывод о том, что в течение последних трех лет ситуация как с количеством проводимых экспертиз, так и с количеством случаев выявляемых отклонений в психике обследуемых остается практически неизменной.

Из числа лиц, прошедших экспертизу, были выявлены органические заболевания, включая симптоматические психические расстройства, в абсолютных числах: в 2012 году – 34, в 2013 году – 35, в 2014 году – 28 лиц, что составляло от числа всех лиц, прошедших экспертизу, в 2012 году 11,1±1,8%, в 2013 году – 11,9±1,9%, в 2014 году – 10,1±1,8%, всего за три года – 11,0±1,1%.

За исследуемый период процент от числа признанных психически здоровыми составлял, соответственно, в 2012 году 29,3±2,6%, в 2013 году – 28,9±2,6%, в 2014 году – 26,7±2,7%, за 2012–2014 гг. – 28,3±2,5%.

От числа всех выявленных психических расстройств это составляло в 2012 году 48,6±2,9%, в 2013 году – 36,1±2,8%, в 2014 году – 41,8±3,0%, всего за три года 47,1±1,6%.

Удельный вес по годам в числе всех исследуемых лет составлял в 2012 году 35,0±2,7%, в 2013 году – 36,1±2,8%, в 2014 году – 28,9±2,7%.

На рис. 3 представлены частоты встречаемости лиц с различной степенью вменяемости и психического здоровья, выявленные в результате экспертиз, проведенных в 2014 году.

Можно предположить (рис. 3), что чаще

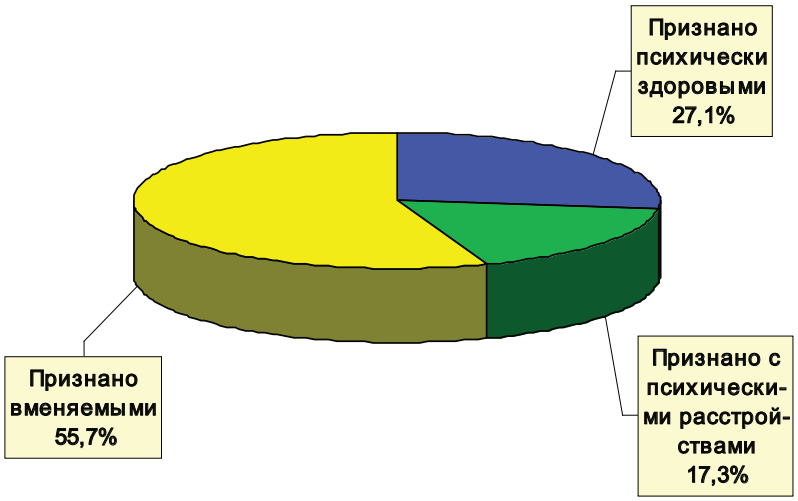


Рис. 3. Частоты встречаемости лиц с различной степенью вменяемости и психического здоровья (по результатам экспертиз 2014 года)

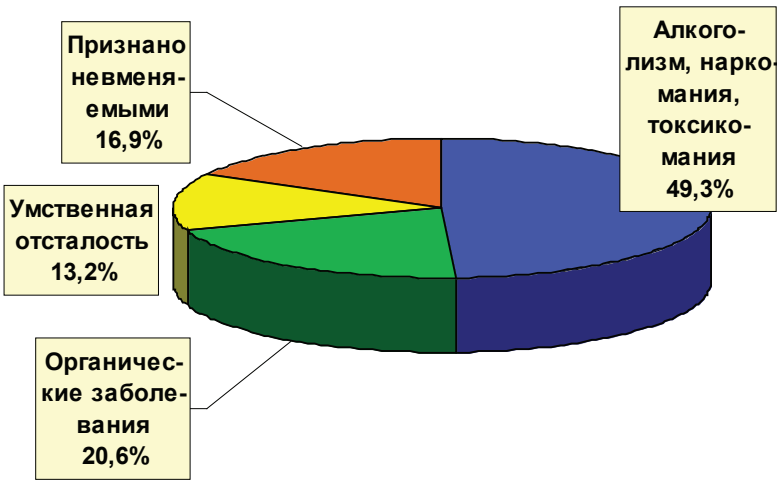


Рис. 4. Встречаемость лиц с различными отклонениями в психике (по результатам экспертиз 2014 года).

всего делалось экспертное заключение о вменяемости обследуемых – 55,7±2,8% случаев. Признано с психическими расстройствами 17,3±2,8% от числа лиц, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу.

Из лиц, прошедших экспертизу, были выявлены больные алкогольными психозами, алкоголизмом, наркоманиями, токсикоманиями в 2012 году – 71, в 2013 году – 64, в 2014 году – 67 освидетельствованных, что составляло от числа всех прошедших экспертизу в 2012 году 23,2±2,4%, в 2013 году – 21,8±2,4%, в 2014 году – 24,1±2,6%, в 2012–2014 гг. – 23,0±2,4%.

От числа признанных психически здоровыми это составляло, соответственно, в 2012 году 61,2±2,8%, в 2013 году – 52,9±2,9%, в 2014 году – 63,8±2,9%, в 2012–2014 годах 59,1±1,7%.

Удельный вес от всех выявленных больных алкогольными психозами, алкоголизмом, наркоманиями, токсикоманиями за исследуемый период при проведении экспертиз составлял в 2012 году 35,1±2,7%, в 2013 году – 31,7±2,7%, в 2014 году – 33,2±2,8%.

Из числа лиц, прошедших экспертизу, была выявлена умственная отсталость в 2012 году у 22 лиц, в 2013 году – 23, в 2014 году – 18, всего за три года – 63.

От числа всех лиц, прошедших экспертизу, это соотношение составляло в 2012 году 7,2±1,5%, в 2013 году – 7,8±2,6%, в 2014 году – 6,5±1,5%, в 2012–2014 гг. – 7,2±0,9%.

От числа лиц, признанных при проведении экспертизы психически здоровыми, это соотношение составляло в 2012 году 19,0±2,2%, в 2013 году – 19,0±2,3%, в 2014 году 17,1±2,3%, в 2012-2014 годах –18,4±2,3%.

Удельный вес лиц с умственной отсталостью составлял в 2012 году 34,9±2,7%, в 2013 году – 36,5±2,8%, в 2014 году – 28,6±2,7%.

Из числа лиц, прошедших экспертизу, было признано невменяемыми в 2012 году 20, в 2013 году – 20, в 2014 году – 23, всего за три года – 63 лица, прошедших экспертизу. Было признано невменяемыми в 2012 году 6,5±2,4%, в 2013 году –6,8±2,5%, в 2014 году – 8,3±2,7%, всего за три года в 2012–2014 годах – 7,2±0,9%.

Соотношение невменяемых и вменяемых в процентном соотношении составляло в 2012 году 8,4±1,6%, в 2013 году – 8,5±1,6%, в 2014 году – 8,3±1,7% и, соответственно, в 2012–2014 гг. – 9,1±1,0%.

Можно видеть (рис. 4), что чаще всего в ходе экспертизы выявлялись больные алкогольными психозами, алкоголизмом, наркоманиями, токсикоманиями – в 49,3% случаев.

Проблема предупреждения преступного поведения лиц с ущербной психикой – одна из актуальнейших в современной криминалистике. Число совершаемых ими убийств, многие из которых отличаются особой жестокостью и исключительно тяжкими последствиями, не снижается, хотя и составляет не более 1,0% от общей массы правонарушений [9; 10].

Действующая Инструкция об организации взаимодействия органов здравоохране-

ния и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами, утвержденная совместным приказом Минздрава и МВД России № 133/256 от 30 апреля 1997 года «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами», определяет, что для включения в группу лиц с психическими расстройствами, склонных к общественно опасным действиям, на основании медицинской документации психиатрических стационаров (данных, полученных врачами психоневрологических диспансеров) на комиссию врачей психиатров направлялись следующие категории граждан:

1) совершившие в прошлом общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством, с освобождением от уголовной ответственности или наказания и применением к ним принудительных мер медицинского характера (п. 1.3.1);

2) отбывшие наказание за преступления, совершенные до установления у них психического расстройства (п. 1.3.2). В структуру психических расстройств входят симптомы, обусловливающие склонность к совершению общественно опасных действий (императивные галлюцинации, некоторые формы бреда, психопатоподобные состояния с повышенной поведенческой активностью и патологией влечений и т.п.), в том числе приводившие в прошлом к недобровольной госпитализации (п.1.3.3);

3) страдающие пограничными формами психических расстройств, совершившие в прошлом общественно опасные деяния, в отношении которых они признавались невменяемыми в связи с развившимся на этой почве психозом (п. 1.3.4). Все остальное – своевременное их обнаружение.

Заключение: Наиболее внимательному рассмотрению подлежат два формирующих преступные деяния фактора. Один из них социальный (приобретенный), другой фактор биологический (наследственный). Оба фактора неразрывно связаны между собой сложным взаимодействием. На основании вышеизложенного рекомендуем своевременно осуществлять постановку на компьютерный учет в МВД России и на специальный учет в психоневрологические диспансеры потомков преступника для организации, прежде всего, медико-психиатрического наблюдения за ними с учетом возраста, социального поведения и функциональных особенностей проводимой ранее профилактики девиантного поведения детей и подростков.

Подобные мероприятия, санкционированные государством, не должны квалифицироваться как посягательство на конституционные свободы, права и интересы личности, ибо психическое расстройство изменяет отношение человека к жизни, самому себе и обществу, а также отношение общества к человеку. Тем более, что законные права и интересы невменяемого сами по себе представляют интерес и самостоятельную тему для дискуссии, предмет которой изучен недостаточно, чрезвычайно сложен и разнообразен и трудно объясним привычными социальными представлениями, понятиями и научными терминами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березанцев А.Ю. Агрессия, психопатология и социально-психологические механизмы регуляции поведения: (теоретические аспекты) / А. Ю. Березанцев, Н. Г. Батуева // Российский психиатрический журнал. – 2007. – № 6. – С. 22–28.

2. Голенков А. В. Судебно-психиатрический анализ убийств в Чувашии / А. В. Голенков, А. Б. Цымбалова, Е. Л. Николаев // Материалы 13-й научно-практической конференции «Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и медицинской психологии» Каф. психиатрии и медицинской психологии Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, – 2011. – С. 40–46.

3. Дилоян В. В. Сочетания криминогенных факторов у больных шизофренией, совершивших тяжкие ООД против родственников / В. В. Дилоян // Современные тенденции организации психиатрической помощи: клинические и социальные аспекты: материалы Рос. конф. – М.,

2004. – С. 412–413.
4. Калашникова А.С. Роль психических расстройств, не исключающих вменяемости, в формировании разнонаправленной агрессии / А. С. Калашникова, Ф. С. Сафуанов //Российский психиатрический журнал. – 2010. – № 4. – С. 16–22.
5. Котов В. П. Некоторые статистические показатели деятельности по профилактике опасных действий психических больных / В. П. Котов, М. М. Мальцев // Социальная и клиническая психиатрия. – 2012. – № 3. – С. 11–12
6. Петренко Р.А. Биологические и социокультурные факторы агрессии / Р. А. Петренко, И. П. Гетманов, В. Н. Кимстач. – Новочеркасск: Оникс+, 2008. – 91 с.
7. Петрюк А. П. Агрессивное поведение при различных психических расстройствах с учетом качества жизни пациентов / А. П. Петрюк //Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2004. – № 3. – С. 99–102.
8. Ржевская Н. К. Криминальная агрессия психически больных в различные периоды социально-экономического развития России / Н. К. Ржевская, В. А. Руженков // Успехи современного естествознания. – 2007. – №1. – С. 30–35.
9. Хамитов Р. Р. Клинические, социальные и личностные предикторы особо опасного поведения психически больных: автореф. дис. ... докт. мед. наук / Р. Р. Хамитов. – М., 2004. – 40 с.
10. Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И. А. Фурманов. – СПб.: Речь, 2007. – 479 с.

© Зиннуров Ф.К., 2015
© Красильников В.И., 2015
Статья получена: 28.04.2015

УДК 343.19

В.П. Малков

А.А. Хайдаров

МЕЖРАЙОННЫЕ СУДЫ В СИСТЕМЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ – НОВАЯ СУДОУСТРОЙСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье рассматривается такая судоустройственная категория как межрайонные суды. Авторы исследуют вопрос о правовом статусе и юрисдикции межрайонных судов, а также об обоснованности создания постоянных судебных присутствий в составе межрайонных судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: межрайонные суды, реформа системы судов общей юрисдикции, районный суд, постоянное судебное присутствие.

Вопрос об общеправовом, судоустройственном и процессуальном статусе межрайонных судов в настоящее время выдвинулся в число актуальных.

Согласно Федеральному конституционному закону № 1-ФКЗ от 07.02.2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», к районным судам общей юрисдикции отнесены районные суды, городские суды и межрайонные суды (п. «3» ч. 2 ст. 1).

Однако еще в законе РФ № 3132-1 от 26.06.1992 г. (в ред. от 04.06.2014 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» неоднократно употреблялась судоустройственная правовая категория «межрайонные суды» в числе судов районного (городского) уровня.

Указание на наличие такой судоустройственной категории, как межрайонные суды, содержится и в приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 47 от 14.03.2011 г. «Об утверждении Инструкции о порядке обработки и защиты персональных данных судей районных, городских, межрайонных судов, гарнизонных военных судов».

Однако нет упоминаний о межрайонных судах в Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ от 31.12.1996 г. (в ред. от 05.02.2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации».

В связи с этим возникла и до сих пор не устранена рассогласованность между Федеральными конституционными законами № 1-ФКЗ от 07.02.2011 г. и № 1-ФКЗ от 31.12.1996 г. В публикациях на это обращалось внимание еще в 2011 году [1]. Однако попыток исправить это положение дел пока еще не предпринималось.

Законопроектом № 501447-5 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» предлагалось внести изменения в абзац третий части 3 статьи 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»: слова «районные суды» заменить словами «районные, городские, межрайонные суды (далее – районные суды)». Однако в связи с принятием пакета законопроектов, направленных на реформирование судебной системы, этот законопроект утратил свою актуальность.

В иных федеральных законах упоминаний о межрайонных судах больше не встречается.

Обращаясь к истории создания межрайонных судов в России, следует упомянуть наличие межмуниципальных народных судов в советский период, юрисдикция ко-

торых распространялась на несколько муниципальных районов. После реформы системы судов межмуниципальные народные суды стали именоваться районными судами, однако их межрайонный статус сохранился.

Начиная с 1998 года, в России было упразднено более 350 районных судов с образованием вместо них 50 межрайонных судов [2], которые на сегодняшний день действуют в статусе районных судов.

Таким образом, в настоящее время на территории Российской Федерации действуют районные (городские) суды, которые распространяют свою юрисдикцию на несколько районов субъектов Российской Федерации и районов городов.

Так, в соответствии с законом № 88-ФЗ от 02.07.2003 (в ред. от 07.02.2011 г.) «О создании и об упразднении районных судов города Москвы и о внесении изменений в статью 21 Закона РСФСР "О судоустройстве РСФСР» относящиеся к ведению Измайловского межмуниципального (районного) народного суда Восточного административного округа города Москвы вопросы осуществления правосудия на территориях районов Восточный, Восточное Измайлово, Измайлово, Северное Измайлово и Соколиная Гора переданы в юрисдикцию Измайловского районного суда города Москвы, а на части территории района Ивановское – в юрисдикцию Перовского районного суда города Москвы. Однако Измайловский районный суд г. Москвы до сих пор не именуется межрайонным. И в связи с этим возникает вопрос: требуется ли принятие новых федеральных законов, которые бы заменили формулировку «Измайловский районный суд г. Москвы» на «Измайловский межрайонный суд г. Москвы»?

Возникает и другой проблемный вопрос о правомерности существования такой категории судоустройства, как межрайонные суды, при условии, что многие из этих судов продолжают действовать в качестве районных или городских судов общей юрисдикции.

В данном случае речь идет о соответствии наименования «районный суд» его юрисдикции. Не совсем корректно, по нашему мнению, наименование «районный суд», когда его юрисдикция распространяется на несколько административно-территориальных районов субъекта Российской Федерации или районов города областного или федерального уровня.

Следует подчеркнуть, что в судебной практике названиям «районный» и «межрайонный» придается соответствующее юридическое значение. Так, в определении судьи Никулинского районного суда г. Москвы по административному делу № 5-110/2014 [3] от 2 апреля 2014 г. было указано, что материал по делу об административном правонарушении определением о передаче материалов дела по подведомственности был передан в Никулинский межрайонный суд, тогда как в действительности Никулинский суд г. Москвы является районным. Это явилось одним из оснований возвращения административного дела для устранения нарушений.

Поэтому вопрос о разграничении понятий и правового статуса межрайонных и районных судов, по нашему мнению, требует уточнения в федеральном законодательстве.

2 декабря 2014 года на заседании Совета судей Российской Федерации председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев просил поддержать процесс сокращения малосоставных судов, поскольку еще не в полной мере выполнены планы относительно объединения малосоставных судов в трудоспособные и рабочие межрайонные суды. По мнению Лебедева В.М., это позволит не только соблюсти принцип независимости судей, но и обеспечить оптимизацию нагрузки на суды [2].

Этому заседанию Совета судей РФ предшествовало принятие Федерального закона № 395-ФЗ 01.12.2014 г. «О создании межрайонных судов и об упразднении некоторых районных, городских судов и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых межрайонных судов Республики Башкортостан», в соответствии с которым в названной республике было создано 18 межрайонных судов.

Создание межрайонных судов в Республике Башкортостан вызвано реформой судов общей юрисдикции районного (городского) уровня. Межрайонные суды создаются на территории нескольких районов и городов Республики Башкортостан.

В пояснительной записке к законопроекту № 509135-6 «О создании межрайонных судов и об упразднении некоторых районных, городских судов и образовании постоянных судебных присутствий в составе

некоторых межрайонных судов Республики Башкортостан» указывается, что создание межрайонных судов позволит равномерно распределить нагрузку судей, что в конечном итоге приведет к сокращению сроков рассмотрения судебных дел и повышению качества их рассмотрения.

Создание межрайонных судов в Республике Башкортостан, по мнению авторов законопроекта, позволит соблюсти ст. 47 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Инициаторы законопроекта отмечали, что в Республике Башкортостан работают 25 судов, штат которых состоит из двух судей, что не позволяет исполнять требования Уголовно-процессуального кодекса РФ о рассмотрении ряда категорий уголовных дел коллегией из трех судей [4].

Кроме того, в законопроекте подчеркивалось, что создание более крупных по своему составу межрайонных судов позволит ввести специализацию судей по рассмотрению отдельных категорий дел.

В обосновании законопроекта также обращалось внимание на то, что право граждан на доступ к правосудию ограничено не будет, так как схема размещения судов не изменится, граждане смогут реализовывать право на обращение в суд с учетом места их проживания [5]. Важную роль в этом должны сыграть постоянные судебные присутствия в составе судов районного (городского, межрайонного) уровня.

Из указанного выше можно сделать вывод, что создание постоянных судебных присутствий в составе судов общей юрисдикции районного уровня направлено не на улучшение доступа граждан к правосудию, поскольку они создаются на местах ранее действовавших районных судов, а как мера, способная поддержать реформу создания межрайонных судов на территории субъекта Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 Федерального конституционного закона от № 1-ФКЗ 07.02.2011 г. (в ред. от 12.03.2014 г.) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» постоянные судебные присутствия судов районного уровня создаются *в целях приближения правосудия к месту* нахождения или жительства лиц, участвующих в деле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях. Поэтому возникает вопрос об обоснованности создания постоянных судебных присутствий в составе межрайонных судов в соответствии с указанным выше федеральным законом.

По нашему мнению, реформа системы судов районного уровня в субъектах Российской Федерации выглядит обоснованной, как с точки зрения реализации положений ст. 47 Конституции Российской Федерации, так и вопросов распределения нагрузки судей.

Поэтому положения ч. 3 ст. 24 и ч. 2 ст. 33 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ от 07.02.2011 г. (в ред. от 12.03.2014 г.) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» целесообразно скорректировать, указав, что целью создания постоянных судебных присутствий в составе районных и межрайонных судов общей юрисдикции может быть и необходимость реформирования системы судов общей юрисдикции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городские и межрайонные суды хотят отнести к районным. URL: http://www.garant.ru/news/313729/ (дата обращения: 17.12.2014).

2. Верховный Суд РФ предлагает ввести упрощенный порядок рассмотрения гражданских дел. URL: http://itar-tass.com/obschestvo/1616246 (дата обращения: 17.12.2014).

3. Определение судьи М. Никулинского районного суда г. Москвы по административному делу № 5-110/2014. URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 18.12.2014).

4. Оптимизация дошла и до судов. Башкирия: упраздняются 46 из 71 районного и городского суда. URL: http://maidanrb.blogspot.ru/2014/12/46-71.html (дата обращения: 17.12.2014).

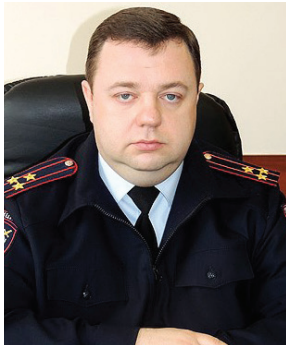
5. Законопроект № 509135-6 «О создании межрайонных судов и об упразднении некоторых районных, городских судов и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых межрайонных судов Республики Башкортостан». URL: http://asozd2c.duma.gov.ru/ (дата обращения: 17.12.2014 г.).

© Малков В.П., 2015

© Хайдаров А.А., 2015

Статья получена: 18.02.2015

УДК 343.357



П.И. Иванов **В.В. Сонин**

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

В настоящей статье авторы рассматривают особенности обеспечения защиты бюджетных средств в сфере реализации целевых программ от преступных посягательств подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции в условиях существенного ограничения бюджетного финансирования. Степень распространенности преступлений экономической и коррупционной направленности, материальный ущерб от них, а также организованный характер совершаемых деяний во многом обусловливают необходимость принятия действенных оперативно-розыскных мер по их своевременному упреждению.

Ключевые слова: защита бюджетных средств от преступных посягательств, оперативно-розыскные меры, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, сфера реализации целевых программ, экономические и коррупционные преступления.

Среди ключевых проблем, обозначенных в Послании Федеральному Собранию Президентом РФ, защите бюджетных средств, выделенных на реализацию целевых программ, отведено не последнее место. В частности, в Послании отмечается, что «как прямой удар по национальной безопасности надо рассматривать нецелевое использование или хищение бюджетных ассигнований на государственный оборонный заказ, и работать по таким фактам так же серьезно и строго, как по пресечению финансирования терроризма» [5]. Здесь по большому счету речь идет об обеспечении защиты бюджетных средств от преступных посягательств (Факты хищений бюджетных средств и их нецелевого использования, а также коррупций при распределении и освоении средств рассматриваются одним из источников угрозы национальной безопасности страны) [2]. Чтобы эти средства не попали в руки криминально активных лиц, дельцов теневой экономики.

Задача, связанная с обеспечением защиты бюджетных средств, в первую очередь адресована правоохранительным органам, а потому она стала для них приоритетной. В успешном ее решении не безучастны и подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК).

В настоящей статье авторы, не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всех проблем, связанных с обеспечением защиты бюджетных средств, выделенных на реализацию целевых программ, от преступных посягательств, предприняли попытку осветить лишь совокупность обстоятельств (Обстоятельства – детерминанты, конкретные факторы, которые порождают явление, обусловливают его. Применительно к преступности – факторы (условия), способствующие совершению преступлений) [10, с. 7], влияющих на принятие подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел (ОВД) оперативно-розыскных мер [7, с. 4] по их защите. (Под оперативно-ро-

зыскными мерами нами понимается способ решения в соответствии с действующим оперативно-розыскным законодательством оперативно-тактических задач, стоящих перед подразделениями ЭБиПК, в пределах их полномочий. Такие меры предполагают применение оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий).

Изучение и анализ правоприменительной практики подразделений ЭБиПК убедительно показывает, что необходимость принятия названными подразделениями таких мер в указанных целях обусловлена целым рядом обстоятельств.

Укажем основные из них.

Во-первых, замедлением темпов экономического роста, которое стало следствием введения Евросоюзом и США в отношении нашей страны санкций, резким снижением на мировом рынке цены на нефть. На этом фоне происходит ощутимое обесценивание отечественной валюты (инфляция), рост цен на товары народного потребления. Системообразующие предприятия и организации оказались в трудном финансовом положении. В связи с принятием Евросоюзом ограничительных мер страна вынуждена была начать процесс импортозамещения. До начала влияния внезапно возникших негативных факторов не удалось снизить до приемлемого уровня безработицу, незаконную миграцию, теневую экономику, отток капитала за рубеж. В условиях «кризиса» эти и другие негативные факторы существенным образом могут сказаться на состоянии бюджета страны. Военные действия на Юге-Востоке Украины, гуманитарная помощь, содержание и трудоустройство беженцев также стали социально-экономической проблемой, стоящей перед Россией.

В целях успешного преодоления названных негативных факторов из федерального бюджета страны выделяются огромные средства. Принимаемые меры по их преодолению, на наш взгляд, легли дополнительной нагрузкой на бюджет страны.

Во-вторых, из-за отсутствия системы защиты выделяемых средств, отвечающей современным реалиям, хищения и иные корыстные преступления получили некоторое распространение. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие данные.

Многолетняя практика показывает, что принимаемые подразделениями ЭБиПК оперативно-розыскные меры в сочетании с иными оказываются наиболее действенными. Как нам представляется, одними лишь административно-правовыми, уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными, криминологическими, криминалистическими мерами не удается переломить сложившуюся криминогенную ситуацию в рассматриваемой нами сфере.

В-третьих, несмотря на введенные некоторые ограничения по расходованию бюджетных средств, принятые федеральные целевые программы государство намерено реализовать без каких-либо сокращений ранее утвержденных объемов финансовых затрат. Жизненно важные отрасли (сферы) экономики без государственной поддержки могут оказаться в упадке, и они вряд ли лишь своими собственными ресурсами могут обеспечить нормальное функционирование на фоне сложившейся на сегодня социально-экономической обстановки в стране.

Чтобы понять, что из себя представляют федеральные целевые программы, обратимся к их определению. Постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 (в ред. от 14 ноября 2009 № 927), утвердившее Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ, федеральные целевые программы и межгосударственные целевые программы определяет как увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации, а также инновационное развитие экономики.

Из приведенного определения видно, насколько чувствительными могут оказаться составные элементы целевой программы в случае вмешательства извне, например, в

виде хищений бюджетных средств, совершаемых в крупном и особо крупном размере. В конечном итоге, на наш взгляд, все это отражается на экономической безопасности сферы реализации целевых программ в целом.

При этом нельзя не учитывать, что целевые программы являются одним из важнейших средств реализации структурной, научно-технической и инновационной политики государства, активного воздействия на его социально-экономическое развитие и сосредоточены на реализации крупномасштабных, наиболее важных для государства инвестиционных, научно-технических и инновационных проектов, направленных на решение системных проблем, входящих в сферу компетенции федеральных органов исполнительной власти.

Следует также отметить, что целевые программы включаются в государственные программы Российской Федерации. В свою очередь сама целевая программа может включать в себя несколько подпрограмм, направленных на решение конкретных задач в рамках целевой программы. Деление целевой программы на подпрограммы осуществляется исходя из масштабности и сложности решаемых проблем, а также необходимости рациональной организации их решения.

В связи со сказанным приведем понятие «государственная программа Российской Федерации». Законодатель в Федеральном законе РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ государственную программу Российской Федерации определяет как документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В настоящее время на стадии реализации находятся 47 федеральных целевых программ (без учета региональных), на это государством выделено около 1 трлн рублей (существуют еще инвестиционные программы, например, восстановления социальных объектов Республики Южная Осетия. Только с 2014 по 2016 гг. запланировано выделение для этого из федерального бюджета средств в объеме 6,9 млрд рублей) [8, с. 90–92].Значительная часть этих средств направляется в приоритетные отрасли (сектора) экономики, в том числе агропромышленный комплекс [4], жилищно-коммунальное хозяйство [2], социальную сферу (сфера расходования материнского (семейного) капитала), строительство, системы образования и здравоохранения. Эти отрасли (сферы) сегодня, как никогда, остро нуждаются в государственной поддержке. Одновременно в условиях ограничения прав контрольно-надзорных органов [5] на проведение гласных проверок бюджетополучателей на предмет в первую очередь целевого расходования ими выделенных средств значительно повышается роль подразделений ЭБиПК в оперативном отслеживании движения бюджетных средств с момента их выделения до непосредственного расходования в рамках заключенных контрактов тем или иным участником целевой программы.

В системе ОВД единственной головной службой по организации ОРД по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями, в том числе в сфере реализации целевых программ, является подразделение ЭБиПК, которое, в пределах своих полномочий, в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] вправе принять оперативно-розыскные меры в сочетании гласных и негласных методов и средств в интересах недопущения фактов противоправного завладения бюджетными средствами, выделенными в рамках реализации целевых программ.

В-четвертых, среди преступлений экономической направленности доминируют те, которые совершаются в сфере реализации целевых программ группой лиц по предварительному сговору, в составе организованной группы либо преступного сообщества. Повышенная их опасность проявляется не только в их организованности, но

и размере причиняемого ими материального ущерба, обеспечить возмещение которого не представляется возможным из-за своевременно не принятых подразделениями ЭБиПК мер на этапе доследственной проверки заявлений и сообщений.

В числе преступлений, совершаемых в сфере реализации целевых программ, преобладают преступления против собственности (95,0% от общего количества выявленных на ее объектах преступлений), причем подавляющая их часть совершена путем мошенничества (80,0%).

Более того, в рассматриваемой сфере наряду с экономическими преступлениями некоторое распространение получили преступления коррупционной направленности. Как показывает выборочное исследование, такие преступления стали проявляться в следующих формах, а именно: хищения бюджетных средств, в том числе с вымогательством денежных средств у добросовестных поставщиков, факты получения должностными лицами незаконного вознаграждения за обеспечение победы в торгах, устранение конкуренции, ограничение количества участников размещения заказа и установление и поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара. Не без помощи коррупционеров денежные средства, в том числе коррупционного происхождения, становятся предметом легализации с дальнейшим выводом их за пределы РФ.

Так, доля преступлений, связанных с освоением бюджетных средств, имеющих коррупционную направленность, в настоящее время составляет более 60,0%. Как показывает правоприменительная практика, это во многом свидетельствует о многочисленных фактах использования должностными лицами своих служебных полномочий.

Наконец, *в-пятых*, хищения и иные корыстные преступления в сфере реализации целевых программ чаще всего (75%) совершаются с использованием замаскированных способов. Сами способы их сокрытия также существенным образом отличаются от ранее встречавшихся на практике деятельности подразделений ЭБиПК. Иными словами, они носят высокоинтеллектуальный характер. На одном из примеров хотим показать, насколько искусно преступниками была выстроена *криминальная схема*, суть которой сводится к следующему: в данном случае ими по существу создана многоуровневая преступная схема, включающая в себя систему взаимосвязанных отношений ряда аффилированных сельскохозяйственных организаций (ООО), в которых организатор хищения имел долю в уставном капитале. Для приобретения сельхозтехники организатор получает в ОАО «Россельхозбанк» целевой кредит, тут же заключает договор покупки техники с аффилированной сельскохозяйственной организацией для имитации расчетов за якобы поставленную сельхозтехнику. С целью сокрытия следов хищения операция, связанная с поступлением сельхозтехники под видом новой от ее поставщика, проводится через дочернюю организацию ОСПК МТС. Фактически техника никому не поставляется, а постоянно находится в пользовании МТС.

Оформленные таким образом документы фиктивных поставок направлялись в региональное Министерство сельского хозяйства и продовольствия, на основании чего ОСПК МТС из бюджета безвозмездно получал субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитному договору.

Посредством тщательного документирования путем разработки комплекса мероприятий сотрудникам подразделений ЭБиПК, несмотря на имевшиеся сложности, удалось распутать хитросплетенную схему хищений бюджетных ассигнований путем имитации расчетов за якобы поставленную сельскохозяйственную технику от контрагентов. Проверяемые в список поставляемой техники, как правило, включают единицы подержанной сельскохозяйственной техники уже находившейся на балансе Обслуживающего сельскохозяйственного производственного кооператива машинно-техническая станция (ОСПК МТС) Подобных примеров в практике деятельности подразделений ЭБиПК предостаточно.

Сложившаяся тревожная ситуация в сфере реализации целевых программ, на наш взгляд, предопределяет необходимость пе-

рестройки деятельности подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне на основе внедрения в их практику передовых форм и методов борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями. На их поиск ориентирует и МВД России, рассматривая важность обеспечения защиты бюджетных средств, направляемых на реализацию целевых программ, от преступных посягательств, задачей первостепенной важности [6].

Как нам представляется, поиск современных форм и методов борьбы с экономическими преступлениями должен вестись по двум направлениям: 1) посредством изучения и внедрения в практику деятельности подразделений ЭБиПК уже имеющегося опыта, прошедшего апробацию и показавшего хорошие конечные результаты (так называемый передовой); 2) путем обобщения и анализа практики борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями в рассматриваемой сфере, разработки на этой основе научно обоснованных предложений и рекомендаций по борьбе с указанными видами преступлений в сфере реализации целевых программ. Оба направления, как нам представляется, тесно связаны между собой и дополняют друг друга.

Что же касается разработки предложений и рекомендаций, то данное направление в свою очередь должно реализовываться посредством разработки и принятия Концепции борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере реализации государственных программ [9, с. 293], представляющая собой систему взглядов на обеспечение защиты бюджетных средств от преступных посягательств как части экономической безопасности. В ней, на наш взгляд, непременно должны быть перечислены основные источники угроз обеспечения защиты бюджетных средств от преступных посягательств, цели, задачи, принципы и основные направления деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций в пределах их полномочий.

При разработке Концепции следует принимать во внимание то обстоятельство, что обеспечение защиты бюджетных средств от преступных посягательств, как нам представляется, многоплановая проблема, требующая системного подхода, который в свою очередь предполагает:

- равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;

- вытеснение из сферы реализации целевых программ противоправно осуществляющих производственную (хозяйственную), предпринимательскую и финансовую деятельность хозяйственных субъектов (бюджетополучателей) независимо от их организационно-правовых форм;

- отстаивание законных экономических интересов добросовестных товаропроизводителей, участвующих в реализации целевых программ;

- своевременное принятие административно-правовых либо уголовно-правовых мер в отношении криминально активных лиц, посягающих на бюджетные средства, предназначенные для воплощения в жизнь принятых целевых программ;

- своевременное реагирование на любые сообщения и заявления о фактах хищений средств и их нецелевого расходования руководителями предприятий-бюджетополучателей.

Разумеется, системный подход охватывает и иные принципиально важные с позиции обеспечения сохранности бюджетных средств положения. В этом плане сам процесс обеспечения их сохранности не ограничивается лишь принятием названной Концепции. Возникает острая потребность во всесторонней проработке вопроса, связанного с созданием механизма практической ее реализации. Применительно к деятельности подразделений ЭБиПК ОВД такой механизм мог бы быть прописан в специально принятой Инструкции о порядке организации ОРД подразделениями ЭБиПК по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в указанной сфере. Со своей стороны хотим предложить такую примерную ее структуру, которая состояла бы из следующих разделов: общие

положения; осуществление в целях получения первичных данных о фактах хищений поисковой работы; оперативно-розыскное предупреждение экономических и коррупционных преступлений в сфере реализации целевых программ; документирование названных видов преступлений с использованием преимущественно специальных сил, средств, методов и оперативно-розыскных мероприятий, наконец, оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства.

Как нам представляется, принятие Концепции и на этой основе Инструкции означает научно обоснованный подход к решению весьма острой на сегодня проблемы, связанной с обеспечением сохранности бюджетных средств. Наличие самой Инструкции позволяет практическим работникам подразделений ЭБиПК ОВД (особенно молодым специалистам) избегать от возможных ошибок.

Таким образом, выбор в определенной совокупности оперативно-розыскных мер, применяемых подразделениями ЭБиПК ОВД в целях защиты бюджетных средств, направляемых на реализацию целевых программ, от преступных посягательств, во многом зависит от обстоятельств, прямо или косвенно влияющих на него. Наличие большого их множества накладывает свой отпечаток и на вариативность комплекса применяемых на практике мер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33, ст. 3349.
2. О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ.
3. О Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20, ст. 2444.
4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 г. : постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 32, ст. 4549.
5. Принять вызов и победить: послание Президента РФ Федеральному Собранию // Рос. газ. 2014. – 5 декабря.
6. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России в 2014 г.: Директива МВД РФ от 12 ноября 2013 г. № 2 дсп.
7. Антонов В. В. К вопросу о сущности и содержании оперативно-розыскных мер / В. В. Антонов // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М., 2001.
8. Земскова Е. Н. О некоторых проблемах международного сотрудничества при расследовании хищений бюджетных средств/ Е. Н. Земскова // Современное состояние, проблемы и перспективы полицейского международного сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступностью: материалы международной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2014. – С. 90–92.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – С. 293.
10. Петров Э. И. Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений / Э. И. Петров, Р. Н. Марченко, Л. В. Баринова. – М., 1995.

© Иванов П.И., 2015
© Сонин В.В., 2015
Статья получена: 06.04.2015

УДК 351.741

Р.Р. Алиуллов

В.Ф. Саетгараев

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ

В статье раскрываются сущность и основные принципы взаимодействия подразделений полиции как важная функция управления органами внутренних дел в сфере реализации оперативно-служебных задач.

Ключевые слова: взаимодействие, функции управления, организация взаимодействия, координация, принципы управления, принципы взаимодействия.

В соответствии со ст. 2 «Основные направления деятельности полиции» Федерального закона Российской Федерации от 7.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции» полиция осуществляет свою деятельность по 12 основным направлениям, которые должны реализовываться на высоком профессиональном, социально-приемлемом уровне. Данные направления многоаспектны, включают в себя разноплановый объем задач и потому обусловливают необходимость привлечения различных сил и средств. Задачи, стоящие перед подразделениями полиции, многообъектны (затрагивают многие сферы жизнедеятельности граждан) и многосубъектны (их реализация не может быть достигнута одним субъектом). Выполнение всех функций полиции обеспечивается слаженной работой всех подразделений – это необходимое, объективно обусловленное основание эффективного функционирования органов внутренних дел Российской Федерации, практическая необходимость повседневной работы сотрудников полиции.

В настоящее время органы внутренних дел находятся на стадии глубокого реформирования. Систематически происходят структурные изменения: создаются новые подразделения, действующие объединяются и переподчиняются. Помимо того, что сегодня приходится оперативно и четко отвечать новым вызовам времени, необходимо создавать условия для создания гибкости правоохранительной системы, способной эффективно отвечать новым вызовам, угрожающим правопорядку, что, несомненно, должно отразиться на законах, регулирующих деятельность органов внутренних дел, структуре, механизмах управления и т.д. Важнейшими задачами на данном этапе являются совершенствование функционирования системы управления органов внутренних дел, организация слаженной работы входящих в них служб и подразделений.

Органы внутренних дел, являясь социальной организацией, имеют сложную структуру с вертикальными и горизонтальными связями. Однако фактор многочисленности личного состава ОВД отражает отсутствие четкого разграничения управленческих и правоохранительных функций, в силу чего развивается бюрократический аппарат. Чем больше управленческих звеньев, тем менее эффективна система. Главным в организации является не набор, количество и качество составляющих ее элементов, а их взаи-

мосвязь, взаимодействие [1].

Решение задач, стоящих перед полицией, регламентированных Федеральным законом «О полиции», возможно только при совместной согласованной деятельности всех сил и средств полиции, то есть при их взаимодействии, чему сегодня пристальное внимание уделяют зарубежные коллеги, которые также сталкиваются с масштабными проблемами современной преступности. Реалии настоящего показывают, что не существует проблем отдельно для каждого государственного органа или его отдельного подразделения, все проблемы решаются совместными усилиями путем взаимодействия. Прямое упоминание о принципе взаимодействия мы найдем в Федеральном законе Российской Федерации № 3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 года: в главе 2 «Принципы деятельности полиции» статьей 10 «Взаимодействие и сотрудничество» взаимодействие закреплено как один из принципов организации деятельности полиции.

Термин **взаимодействие** широко используется в теории и на практике, поскольку объективно отражает характер совместных усилий различных подразделений органов внутренних дел при решении стоящих перед ними задач. Раскрывая понятие этого термина, необходимо учитывать его смысловое значение. В широком смысле взаимодействие выступает как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого [2]. При этом взаимодействие выступает как объективная и универсальная форма движения, развития, определяющая существование и структурную организацию любой социальной системы. Такое определение взаимодействия является всеобъемлющим и применимо для отражения любых процессов и форм проявления сознания.

Применительно к органам внутренних дел Е.Ф. Яськов под **взаимодействием** понимает совместное участие и связь сотрудников, подразделений, организаций, органов в процессе трудовой деятельности, возникающие на основе разделения функций, полномочий, взаимных обязательств [3]. Без систематизации, рационализации целей, задач, принципов, форм и методов взаимодействия подразделений и структуры органов внутренних дел невозможно их эффективное функционирование, а также оценка эффективности их деятельности.

Таким образом, взаимодействие – это объективно-обусловленный факт, направленный на эффективное использование сил и средств для достижения цели. *Взаимодействие* является одной из функций управленческой деятельности, оно обеспечивает разделение труда и согласованность действий, позволяет экономить силы, средства, время. С помощью взаимодействия реализуются задачи, которые невозможно решить разрозненными, разобщенными действиями. Управление взаимодействием в борьбе с преступностью предполагает наличие определенного режима данного взаимодействия; поддержание этого режима в заданном состоянии; постоянное его совершенствование в целях обеспечения все большей эффективности непосредственной правоохранительной деятельности [4].

В философии под функциями понимается внешнее проявление свойств какого-либо объекта в определенной системе отношений. Слово **"функция"** идет от латинского «functio», означающего исполнение, обязанность, круг деятельности. **Функция управления** – объективно необходимая, относительно самостоятельная часть управленческой деятельности, характеризующаяся специфическим содержанием и особой пространственно-временной формой выражения [5, с. 55]. Как часть соотносится с целым, так и взаимодействие соотносится с управлением.

Очень часто параллельно с термином «взаимодействие» используют термин «координация» либо эти понятия подменяют. Считаем целесообразным разобраться и разграничить их. По определению Е.Ф. Яськова, **координация** (от лат. со(п) – с, вместе + ordinatio – расположение в порядке) – одна из подфункций организационной функции управления, заключающаяся в согласовании, упорядочении действий смежных подразделений системы. Координировать может только субъект управления,

наделенный соответствующими административными полномочиями по отношению к координируемым объектам управления. В этом плане координация принципиально отличается от организации взаимодействия, когда любой субъект (а также и объект) управления может выступить инициатором взаимодействия [3, с. 96]. Из данного определения важно выделить, что субъектом взаимодействия является любое должностное лицо органов внутренних дел, но следует подчеркнуть, что инициатором данного процесса субъект может выступить только в целях достижений общих задач.

Взаимодействие, являясь частью управленческого процесса, в качестве функции, наряду с такими, как прогнозирование, планирование, организация, контроль, в своей структуре имеет собственные элементы – цели, задачи, субъекты, принципы, формы и методы, правовые основы. Несмотря на то, что взаимодействие чаще выделяется в качестве подфункции организации, оно имеет право на определение в качестве самостоятельной функции управления. Данное мнение подтверждается тем, что взаимодействие пронизывает весь процесс управления, не являясь определенной его стадией, а оказывая на них свое существенное влияние.

Для эффективной реализации возложенных на полицию задач посредством организации качественного процесса взаимодействия между ее подразделениями необходимо раскрыть основные закономерности, называемые в науке принципами. **Принцип** (от латинского «principium» – первоначало, основа) как понятие теории отражает в системе государственного управления закономерности, отношения, взаимосвязи между ее элементами [6]. Принципы являются основной формой целенаправленного использования объективных законов в практике управления.

Несмотря на общественный интерес к принципам как научной категории, принципы реализации отдельных функций управления в науке ранее не рассматривались. Между тем мы убеждены, что функции реализуются в соответствии с определенными принципами.

По мнению Р.Р. Алиуллова, под принципами управления принято понимать объективно обусловленные, являющиеся отражением законов и закономерностей управления и закрепленные в нормативных правовых актах руководящие правила и нормы поведения, в соответствии с которыми должен формироваться и развиваться механизм управления [7]. Принципы управления – основные правила, которые должны соблюдаться субъектами управления при принятии различного рода управленческих решений. Принципы являются основной формой целенаправленного использования объективных законов в практике управления.

Р.Р. Алиуллов предлагает классификацию принципов управления по двум основным группам:

- функциональные принципы, т.е. принципы, формирующие основы функционирования механизма управления (законность, разграничение полномочий, баланс прав и обязанностей субъектов управления, ответственность субъектов за принятое решение или за неприятие должного решения, соответствие занимаемой должности и т.д.);

- структурные принципы, т.е. принципы, определяющие организационно-структурное построение аппарата управления (приоритетность функции при формировании органа управления, основного исполнительного звена, формирование органа в пределах его компетенции и т.д.) [8].

Подобным образом строится и классификация принципов взаимодействия, однако, на наш взгляд, видится целесообразным выделение в самостоятельную группу общих принципов, отражающих основные функции управления. Определив общие принципы управления в любых системах, можно попытаться определить, как должна быть организована система, чтобы она работала наиболее эффективно [9, с. 97]. Далее выделяются так называемые процессуальные принципы: функциональные и структурные принципы взаимодействия, отражающие специфику реализации обозначенных функций.

Таким образом, под принципами взаимодействия как функции управления понимаются основные правила и нормы поведения субъектов взаимодействия в процессе меха-

низма управления, которые подразделяются на три группы:

- общие принципы, характеризующие сущностное предназначение взаимодействия;

-функциональные принципы, отражающие взаимодействие как функцию управления;

- структурные принципы, определяющие организацию процесса взаимодействия.

1. **Общие принципы.** К ним относятся:

принцип законности – взаимодействие основывается на нормах права и состоит в реализации законов, защищает конституционные права и свободы человека и гражданина. Решение задач, использование форм, средств и методов, предусмотренных законом;

принцип комплексности – организация взаимодействия является управленческим воплощением комплексного подхода к использованию сил и средств в целях своевременного и эффективного решения задач, что на данный момент затруднительно в связи со структурной разобщенностью подразделений полиции;

принцип научности – организация и совершенствование взаимодействия основывается на современных достижениях наук и технологий. Обусловливает необходимость использования и умения пользоваться в деятельности возможностями информационно-телекоммуникационных систем, позволяющих действовать быстро, оперативно, с экономией времени и ресурсов;

принцип целевой направленности – субъекты должны четко и ясно знать цель взаимодействия и каждого шага; без намеченной цели все действия будут обречены на провал или бесполезность. Процесс взаимодействия должен быть целенаправленным - это означает его ориентированность на решение конкретных проблем, стоящих в данный момент перед органами внутренних дел. Также следует подчеркнуть обязательное наличие общих целей, задач, направлений деятельности взаимодействующих подразделений полиции.

2. **Функциональные принципы.** К ним относятся:

принцип разграничения компетенции объектов и субъектов – предполагает четкое разделение прав, обязанностей, полномочий, функций и взаимных обязательств между субъектами, осуществление взаимодействия возможно только в пределах предоставленных субъектам полномочий;

принцип персональной ответственности исполнителей – предполагает личную ответственность субъектов в рамках компетенции, направлен на исключение «коллективной безответственности» при выполнении поставленных задач;

принцип полного ресурсного обеспечения возложенных функций – эффективное функционирование подразделений возможно при их достаточном материально-техническом, финансовом, информационном и т.д. обеспечении;

принцип рационального использования сил и средств, эффективности – предполагает распределение целей по функциям субъектов, исключение дублирования и параллелизма в процессе взаимодействия.

3. **Структурные принципы.** К ним относятся:

принцип слаженности ресурсов – все основные направления деятельности должны быть регламентированы по предмету, содержанию, объему и способу осуществления;

принцип непрерывности – процесс взаимодействия должен быть предметным, плановым, постоянным, развиваться и совершенствоваться в формах, методах, правовом регулировании;

принцип оптимизации – минимизация структур при реализации функций;

принцип компетентности и профессионализма – при недостаточности квалифицированных кадров от субъектов взаимодействия требуется владение необходимыми знаниями и навыками на высоком уровне.

Очень важно выявить функциональные и организационные закономерности механизма взаимодействия как функции управления. Данный механизм складывается на основе соответствующих функционально-организационных принципов. Это хорошее знание для практических работников при реализации своих функций. Все принципы взаимосвязаны и взаимообусловлены, общие принципы могут трансформироваться в функциональные или структурные

принципы и наоборот. Например, создание дополнительных подразделений с целью выполнения каких-либо функций является нарушением принципа эффективности, рациональности. Это одновременно структурный и функциональный принцип взаимодействия. Принципы взаимодействия систематизируют цели, задачи и функции. Функции должны быть строго скорреспондированы с задачами и непосредственно направлены на их решение. Принципы взаимодействия определяют выбор форм и методов реализации функций с закреплением полномочий в нормативных правовых актах. Несоблюдение принципов взаимодействия является причиной слабой эффективности функционирования полиции в целом, отражая уровень организации ее управления. Взаимосвязаны методы, средства и принципы, что обеспечивает эффективную реализацию целей управления.

На наш взгляд, перечисленные принципы взаимодействия – это базовые начала повышения эффективности полиции и совершенствования взаимодействия ее подразделений как реализация функции управления. Разные авторы по-своему классифицируют принципы управления, однако все они актуальны при определенных социальных, экономических, политических условиях в разных периодах развития страны и органов внутренних дел. Принципы обладают некоторым периодом «жизнедеятельности», и выделение новых принципов, которые соответствуют данному этапу развития общественных отношений, способствует совершенствованию механизма управления [5, с. 48]. Теорией социального управления подчеркивается важное значение принципов, состоящее в том, что принципы не выбирают – им следуют, в противном случае они просто остаются декларациями. Появление новых принципов – закономерный процесс, идущий «в ногу со временем», отражающий закономерности современности и являющийся вектором совершенствования деятельности. Выявленные и сформулированные в соответствии с уровнем развития науки закономерности становятся принципами и играют определяющую роль в осуществлении деятельности, в том числе оказывают влияние на выбор методов управления [10].

Многие принципы не закреплены в нормативных правовых актах в силу их непознанности. К примеру, мы не находим нормативного отражения принципов разграничения компетенции и ответственности, персональной ответственности, целевой направленности, слаженности ресурсов и др. Отсутствие четко сформулированных принципов взаимодействия – основных правил, которыми руководствуются в деятельности руководители и сотрудники, порождает субъективный подход к организации процесса взаимодействия. Необходимо также отметить игнорирование такого важного принципа, как непрерывность взаимодействия. Зачастую к взаимодействию сформировано отношение как к временному периодическому явлению. На самом деле взаимодействие постоянно во времени и пространстве, структура органов внутренних дел пронизана горизонтальными и вертикальными непрерывающимися связями (коммуникациями), которые полностью подпадают под определение взаимодействия (Е.Ф. Яськова). Для того чтобы процесс взаимодействия протекал нормально, необходимо обеспечение единства прав и ответственности на каждом его этапе. Избыток прав приводит к управленческому произволу, недостаток же парализует деловую активность и инициативу. Кноринг В.И. подчеркивает принципы как фундаментальные основы управления: «дом начинает строится не с крыши, а с его фундамента» [9, с. 105].

Таким образом, наше исследование раскрывает сущностное содержание взаимодействия как функции управления, выделяет основные принципы взаимодействия, подчеркивает их важность и базовое значение для дальнейшего совершенствования данного процесса, поиска путей повышении эффективности деятельности полиции, построении рациональной системы управления, определении путей оптимального реформирования органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходжалекулыев М. Принцип иерархичности в организации систем / М. Ходжалекулыев. – М., 1991. – С. 34; Сетров М. И. Принципы организации социальных систем. Теория и практика / М. И. Сетров. – Киев, 1998. – С. 57; Самоорганизация, организация, управление. – М., 1995. – С. 76; Покровский В. С. Вопросы организации процессов принятия решений / В. С. Покровский. – М., 1975. – С. 61; Мехонцева Д. М. Организация – составляющая часть управления / Д. М. Мехонцева. – Красноярск, 1990. – С. 87; Лютенс Ф. Организационное поведение / Ф. Лютенс. – М., 1999. – С. 53.
2. Философский словарь. – М. : Наука, 1978. – С. 74.
3. Яськов Е. Ф. Теория и практика управления: словарь-справочник / Е. Ф. Яськов. – М., 1997. – С. 31.
4. Вердичевский Ф. Ю. Взаимодействие органов следствия и дознания как организованная система / Ф. Ю. Вердичевский //Советское государство и право. 1977. – № 7. – С. 42–44.
5. Бугель Н. В. Основы управления в органах внутренних дел : учебник / Н. В. Бугель. – СПб.: С.-Петербургский университет МВД России, 2004. – С. 55.
6. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций / Г. В. Атаманчук. – М.: Юр. литература, 1997. – С. 186.
7. Алиуллов Р. Р. Механизм социального управления: монография / Р. Р. Алиуллов. – М., Чебоксары, 2003. – С. 96.
8. Алиуллов Р. Р. Механизм управления органами внутренних дел (вопросы теории, методологии и практики): автореф. дис. … докт. юрид. наук / Р. Р. Алиуллов. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 31–32.
9. Кноринг В. И. Теория, практика и искусство управления: учебник для вузов по специальности «Менеджмент». – 2-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2001. – С. 97.
10. Ольшевский А. В. Механизм совершенствования системы управления органами внутренних дел (организационно-правовые вопросы): автореф. дис. … канд. юрид. наук – М. : Академия управления МВД России, 2004. – С. 20.

© Алиуллов Р.Р., 2015
© Саетгараев В.Ф., 2015
Статья получена: 10.02.2015

УДК 351.741

М.А. Шматов **В.М. Шматов**

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАУКУ

Процесс доказывания при раскрытии и расследовании преступлений является краеугольным камнем любого уголовного дела. На протяжении существования оперативно-розыскной деятельности актуальной проблемой является использование ее результатов в уголовном процессе, вплоть до придания им значения судебных доказательств. Первостепенное значение приобретают вопросы правового обеспечения механизма использования оперативно-розыскной информации в уголовном процессе. Основные задачи оперативно-розыскной деятельности состоят в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, а также установлении лиц, их совершивших.

В этой ситуации одним из решающих условий использования оперативно-розыскной информации в качестве доказательств в уголовном процессе является придание теории оперативно-розыскной деятельности статуса оперативно-розыскной науки. В статье в историко-правовом аспекте раскрываются вопросы развития и трансформации теории оперативно-розыскной деятельности в науку.

Ключевые слова: теория оперативно-розыскной деятельности; оперативно-розыскная наука; оперативная информация; доказательства.

Для всех ученых и практиков, которые занимаются исследованием теории и практики оперативно-розыскной деятельности, бесспорным является тот факт, что в настоящее время она представляет собой отдельную отрасль научного знания, развитие которого происходит путем представления ему статуса самостоятельной науки.

В исследовании процесса развития конкретной науки выделяются три стадии:

1. Фактологическая (собирательная) – установление факта протекания исторического процесса.

2. Теоретическая (объяснительная) – установление причин протекания процесса определенным образом.

3. Прогностическая – предвидение перспектив развития науки – высшая стадия ее развития, на которой в полной мере выявляются возможности самой науки [1].

Историко-правовое развитие оперативно-розыскной деятельности и ее теории состоит из нескольких периодов, из которых мы рассмотрим в данной статье основные, связанные с судебными реформами и принятием нового законодательства.

В связи с судебной реформой 1864 года и принятием судебных уставов на смену инквизиционному розыскному процессу приходит процесс состязательный, а методы сыскной деятельности получают законодательную регламентацию в Уставе уголовного судопроизводства. Данный период характеризуется разработкой научных рекомендаций по отдельным направлениям розыскной деятельности не только в ведомственных нормативных актах и инструкциях, но и в трудах по уголовному процессу и криминалистике, а также в принятом в 1908 году законе «Об организации сыскной части».

В 1962 году А.И. Винберг впервые заявил о существовании научной дисциплины, изучающей оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел. Он считал, что «криминалистика тесно связана с дисциплиной, разрабатывающей комплекс вопросов оперативной работы учреждений внутренних дел. Как известно, в оперативной работе криминалистические и специальные оперативные средства и приемы используются для непроцессуальных действий по предупреждению преступлений, выявлению данных, могущих затем в ходе предварительного следствия быть использованными в качестве доказательств, установлению и розыску преступников» [2].

В 1974 году Р.С. Белкин, говоря о научных основах оперативно-розыскной деятельности, писал: «В последние годы усилиями ряда советских ученых был заложен фундамент теории оперативно-розыскной деятельности и обоснование необходимости формулирования самостоятельного предмета этой науки, отличного от предмета криминалистики, ходя и тесно связанного с последним» [3].

С принятием в 1992 году Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а в 1995 году Федерального закон «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативно-розыскная деятельность получила широкое признание в сфере борьбы с преступностью, что послужило началом разработки теоретических основ ОРД, а также формирования оперативно-розыскного законодательства.

Следовательно можно констатировать, что начался этап формирования методологии общей теории оперативно-розыскной деятельности на основе синтеза научных знаний, дифференционных и интеграционных процессов в системе уголовно-правовых наук.

Следует отметить, что за последнее время в отечественной науке уже имеется значительное количество научных исследований (монографий, докторских и кандидатских диссертаций) по проблемам оперативно-розыскной деятельности. В совокупности указанные теоретические достижения в этой области, несомненно, свидетельствуют о том, что в нашей стране происходит необратимый процесс формирования соответствующей отраслевой юридической оперативно-розыскной науки.

Вместе с тем следует отметить, что указанный процесс еще не всегда происходит на достаточно выверенной методологической основе, что влечет существование тех или иных недостатков в проведении конкретных исследований. Так, в частности, в большинстве случаев исследования в недостаточной степени опираются на специфические эмпирические данные, источниками которых должны быть материалы оперативных разработок и сугубо негласная аналитическая информация. Наблюдается поверхностный подход к определению и изучению объекта и предмета исследования, редко осуществляется апробация весомых научных разработок в базовых органах внутренних дел и почти совсем не используются возможности долгосрочного научно-практического эксперимента.

В связи с этим по поводу формирования основ методологии теории оперативно-розыскной деятельности В.И. Елинский замечает: «В основе любой научной теории лежит эмпирическая база – та совокупность фактов и их зависимостей, которая относится к соответствующей сфере объективной реальности» [4].

Анализ эволюции научных точек зрения объясняется, прежде всего, желанием показать тесную связь научных идей и их практической реализации в области борьбы с преступностью. Вместе с этим следует отметить, что до сих пор не все ученые-процессуалисты считают теорию оперативно-розыскной деятельности самостоятельной областью научного знания.

Среди всех ученых, исследующих оперативно-розыскную деятельность как науку, следует выделить профессора А.Ю. Шумилова, который своими научными трудами внес наиболее значительный вклад в ее становление и развитие. Так, еще в 1998 году в монографии «Начала уголовно-розыскного права» он пишет: «… возник довольно-таки объемный комплекс ждущих своего теоретического разрешения проблем. Среди них назовем такие, как : снятие противоречия между наличием конституционной гарантии защиты прав и свобод граждан и необходимостью

в отдельных случаях их ограничения; определение места Оперативно-розыскного закона в системе российского законодательства; научного объяснения характера правоотношений в оперативно-розыскной деятельности и установление оптимальных границ ее правового регулирования и т. п. … Думается, имеются достаточно веские основания для объяснения уголовно-розыскного права по меньшей мере в четырех плоскостях (аспектах): уголовно-розыскное право как отрасль права, как отрасль законодательства, как наука и учебный курс» [5].

На протяжении всего существования оперативно-розыскной деятельности ведутся поиски новых путей и научных методов совершенствования оперативно-розыскного законодательства в борьбе с преступностью. Об этом свидетельствует и тот факт, что в декабре 2000 года была подписана Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Этот международный нормативно-правовой акт обобщил уникальный опыт, накопленный мировым сообществом за долгие годы, и определил перспективы и пути развития международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Ряд положений этого документа, которые регламентируют выявление, изъятие, закрепление и использование доказательств по уголовным делам, имеют самое непосредственное отношение к использованию оперативной информации при расследовании преступлений.

Международная организованная преступность представляет реальную угрозу миру и стабильности, что требует адекватных мер реагирования на растущую угрозу. Все это, в конечном счете, стало причиной того, что впервые в истории на высочайшем международном уровне нормативно закреплены такие специальные меры расследования, как: электронное наблюдение; контролируемая поставка; агентурная операция. Общеизвестно, что перечисленные мероприятия относятся к оперативно-розыскным. Следовательно, в соответствии с положениями Конвенции информация, полученная в результате проведения указанных мероприятий, может быть использована в качестве доказательств.

Кроме изложенного, ст. 19 Конвенции регламентирует проведение расследования двумя или более странами по преступлениям, совершенным транснациональными организованными преступными группами. Реализация указанной нормы невозможна на практике без установления единых принципов и сближения подходов разных стран к вопросам допустимости использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что национальное оперативно-розыскное законодательство, равно как и оперативно-розыскная наука, не могут развиваться и разрабатываться в международном вакууме без использования лучшего опыта, накопленного международным сообществом.

Поэтому вполне очевидно, что сегодня, как никогда ранее, возникает необходимость в разработке единой методологии оперативно-розыскной деятельности, что соответствует и формированию ее единой теории как самостоятельной отрасли юридической науки.

Известно, что современное науковедение выделяет три основных методологических уровня науки:

1. Философский, который базируется на использовании самых общих законов познания объективной действительности природы, общества и мышления. Его основу составляет материалистическая диалектика.

2. Методологические принципы и закономерности познания, лежащие в основе конкретной науки или отрасли научных знаний. В связи с тем, что теория оперативно-розыскной деятельности является междисциплинарной отраслью научного познания, его следует считать комплексной методологией теории оперативно-розыскной деятельности.

3. Методика и техника конкретного исследования. Для теории оперативно-розыскной деятельности это комплекс процедур и рабочего инструментария, который должен обеспечить получение достоверного эмпирического материала, его анализ, систематизацию и интерпретацию, после чего он и может входить в массив имеющегося научного знания.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что первый уровень методологии представляет общую основу научного познания, а второй и третий – дают возможность максимально приблизить исследователя к познанию реальной действительности, изучаемой теорией оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, именно с указанным связаны дальнейшие проблемы определения принципов, объекта, предмета, задач и функций научного познания, что способствует получению новых научных знаний, а в итоге – формированию соответствующей отраслевой науки.

А.Ю. Шумилов, раскрывая понятие теоретико-эмпирической базы формирования современной оперативно-розыскной науки, считает, что «ни одна новая наука не может вырасти и сформироваться из ничего. Для формирования науки как системы знаний необходим теоретический и эмпирический фундамент, некая база или основа. Оперативно-розыскная наука – не исключение». По его представлению, «теоретико-эмпирическая база для формирования современной (единой и общей) оперативно-розыскной науки в Российской Федерации есть совокупность теоретических и прикладных исследований (социологических, статистических, наукометнических и т.д.), в которых сформулированы фундаментальные положения и отражены обобщенные практически значимые данные, позволяющие обосновано определить предмет оперативно-розыскной науки, указать ее место среди других отечественных наук и наметить перспективы развития» [6].

Ознакомление с трудами по теории оперативно-розыскной деятельности свидетельствует о том, что теоретико-эмпирическая база оперативно-розыскной науки сформировалась в трудах таких ученых, как А.Ю. Шумилов (трехтомник «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации», 2013–2014 гг.), В.И. Елинский («Основы методологии оперативно-розыскной деятельности», 2001 г.), М.А. Шматов («Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук», 2001 г.), Н.К. Синилов («История оперативно-розыскной деятельности: от древности до современности», 2010 г.) и многих других.

В то же время следует отметить, что в УПК РФ, принятом в 2001 г., ст. 89 УПК запрещает использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, а ст. 95 УПК в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускает встречу оперативного сотрудника с подозреваемым, содержащимся под стражей, с разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело. Такие противоречия в уголовно-процессуальном законодательстве, не способствуют адекватности и эффективности борьбы с современной транснациональной организованной преступностью.

Этот и другие вопросы могут стать темой дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кедров Б. М. История науки и принципы ее исследования / Б. М. Кедров // Вопросы философии. – 1971. – № 9. – С. 76–89.
2. Винберг А. И. Криминалистика. Раздел 1. Введение в науку / А. И. Винберг. – М., 1962. – С. 40.
3. Белкин Р. С. Криминалистика / Р. С. Белкин. – М., 1974. – С. 14.
4. Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности : монография / В. И. Елинский. – М. : Издатель Шумилова И.И., 2001. – С. 53.
5. Шумилов А. Ю. Начала уголовно-розыскного права: монография / А. Ю. Шумилов. – М.: Издатель Шумилов И.И., 1998. – С. 9, 10.
6. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации / А. Ю. Шумилов. – М., 2013. – С. 213–214.

© Шматов М.А., 2015
© Шматов В.М., 2015
Статья получена: 05.06.2015

УДК 343.1

С.М. Кузнецова

РЕФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируется процессуальный порядок расследования уголовного дела в форме дознания и сокращенного дознания. Делается вывод о необходимости реформирования предварительного расследования и создания единого режима расследования уголовного дела в форме предварительного следствия.

Ключевые слова: форма предварительного расследования, дознание, сокращенное дознание, предварительное следствие.

Вопросы эффективной организации и деятельности органов предварительного расследования на протяжении многих лет остаются в поле зрения законодателя, ученых, практических работников. Свидетельством тому являются многочисленные теоретические обсуждения и законодательные попытки по выработке универсальной модели досудебного производства.

Эффективность вновь вводимых уголовно-процессуальных институтов должна быть решена еще на стадии их разработки – это всем известный постулат. Что же мы видим в действительности? Ответ на поставленный вопрос мы можем получить, проанализировав изменения уголовно-процессуального законодательства последних лет, которые коснулись досудебного производства.

Так, относительно недавно Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ была введена новая форма расследования преступлений – дознание в сокращенной форме.

В основу идеи сокращенного дознания был положен принцип процессуальной экономии, которая определяется с учетом количества затраченных на всех стадиях уголовного судопроизводства материальных средств, человеческой энергии, времени, а также иных показателей.

Экономить в сокращенном дознании законодатель решил за счет упрощения процесса доказывания, а именно: ограничения предмета доказывания (доказательств должно быть достаточно для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, виновности лица в совершении преступления), сокращения следственных и иных процессуальных действий, производимых для доказывания обстоятельств совершенного преступления.

Кроме того, согласно п. 4 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель вправе не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Следует также учитывать, что согласно закону дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Судебное производство по данной категории уголовных дел осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 316 и 317 УПК РФ, то есть постановление приговора осуществляется без проведения судебного разбирательства на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении.

О том, что сокращенное дознание является более экономичным, мы не спорим. Вме-

сте с тем эффективность или полезность уголовно-процессуальных институтов нельзя оценивать только с указанных позиций. Государство посредством правильно выбранной уголовной политики, которую нельзя рассматривать в отрыве от норм уголовно-процессуального законодательства, должно гарантировать справедливое правосудие, что становится возможным только на основе проверки и оценки всех собранных по уголовному делу доказательств.

В указанной же ситуации возникает вопрос: насколько приговор, основанный на доказательствах, полученных дознавателем в стадии возбуждения уголовного дела и не проверенных судом в процедуре полного судебного разбирательства, можно считать законным, обоснованным и справедливым?

Представляется, что не может быть дел значительных, по которым процесс доказывания осуществляется в полном объеме, и незначительных, по которым допустимо ущемление процессуальных прав участников. Процесс доказывания един и не зависит от категории расследуемого преступления, поэтому не может быть различных правил расследования для дознавателей и следователей. Подход к расследованию преступлений не должен зависеть от целесообразности или нецелесообразности проведения полного расследования: чем сильнее упрощена процессуальная форма, тем меньше гарантий правильного установления значимых обстоятельств и обеспечения прав участников она содержит.

Достоверность теоретического исследования нельзя рассматривать в отрыве от практики применения исследуемого уголовно-процессуального института, сказанное обусловливает необходимость анализа статистики его практической востребованности.

Так, в 2013 году только 6 938 уголовных дел расследовано органами внутренних дел в сокращенной форме, что составляет всего лишь 2% от общего количества расследованных в форме дознания и направленных в суд (346 893); органами по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в 2013 году в сокращенной форме дознания расследовано 122 уголовных дела, что также составляет чуть выше 2% от общего количества расследованных в форме дознания и направленных в суд (5680); органами государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы 9 уголовных дел расследовано в сокращенной форме, что составляет лишь 4% от общего количества расследованных в форме дознания и направленных в суд (206); органами федеральной службы безопасности по 21 уголовному делу от общего числа находящихся в производстве уголовных дел (3391) осуществлялось дознание в сокращенной форме, что составляется менее 1% [6].

Таким образом, мы можем констатировать, что сокращенное дознание не получило широкого распространения и на практике.

Спустя всего два года после введения сокращенного дознания был разработан новый проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)», разработчики данного законопроекта также признают, что введение сокращенного дознания не оправдало себя, и предлагают ликвидировать данный процессуальный институт [7].

Полагаю, что приведенные выше доводы позволяют прийти к выводу, что введение сокращенной формы дознания является неудачным опытом реформирования досудебного производства.

Исследование проблем совершенствования досудебного производства было бы неполным без анализа форм предварительного расследования.

Правильное понимание законодательного разделения расследования на дознание и предварительное следствие невозможно без постижения основной идеи, лежащей в основе такого деления.

Изначально дознание задумывалось как ускоренная и упрощенная форма досудебного производства, позволяющая дознавателю расследовать малозначительные преступления, по которым установлено лицо, его совершившее.

В качестве ключевой идеи УПК РФ предусматривал сокращенные сроки производ-

ства дознания, не превышающие 15 суток, последующие изменения закона увеличили его вначале до 20, затем до 25 суток, на сегодняшний день этот срок составляет 30 суток, который может быть продлен еще до 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ), а в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, срок дознания может быть продлен до 12 месяцев (ч. 5 ст. 223 УПК РФ).

Дальнейшее реформирование дознания как формы предварительного расследования направлено на еще большее нивелирование его особенностей. Если первоначально к подследственности органов дознания были отнесены дела, возбуждаемые только в отношении конкретных лиц, то внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ изменения устранили и это различие.

По общему правилу, если уголовное дело расследуется в форме дознания, то постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого не выносится.

Однако и из этого правила, которое является наиболее существенным, когда речь идет о различиях двух форм предварительного расследования, законодатель сделал исключение, указав, что при невозможности составить обвинительный акт в 10-дневный срок подозреваемому предъявляется обвинение, после чего производство дознания продолжается в порядке, предусмотренном гл. 23 УПК РФ.

Окончательно отказ законодателя от ключевой идеи дознания как упрощенной формы досудебного производства произошел с принятием нормы о возможности производства дознания по уголовному делу в случае его сложности или большого объема группой дознавателей.

Анализ изменений, которые были внесены в УПК РФ в последние годы, говорит о тенденции не упрощения, а скорее наоборот – усложнения процедуры дознания.

На проблему сращивания дознания и предварительного следствия обращают внимание в своих исследованиях и другие ученые [1; 8; 9].

Таким образом, дознание, законодательно закрепленное в виде самостоятельной формы предварительного расследования, по своему содержанию при существующем ныне законодательном регулировании не отвечает главной идее, заложенной в его основу, оно не является ни упрощенным, ни сокращенным и мало чем отличается от расследования в форме предварительного следствия. Разделение это является во многом искусственным.

Полагаем, что приведенные выше доводы позволяют прийти к выводу об отсутствии обоснованной перспективной модели построения и совершенствования дознания.

В данном контексте возникает вопрос о целесообразности разграничения форм предварительного расследования.

Решение проблемы нам видится в том, чтобы объединить две формы расследования и создать единый режим расследования преступлений – предварительное следствие. Оставив в компетенции органа дознания проверку сообщения о преступлении, а также возбуждение уголовных дел и проведение неотложных следственных действий в сроки, определенные ч. 1, 3 ст. 144 и ч. 3 ст. 157 УПК РФ, с дальнейшей передачей материалов дела следователю [2; 3 С. 56–59; 4].

Таким образом, в рамках предлагаемой реформы досудебного производства можно предложить следующие шаги:

Уголовные дела по преступлениям, расследование по которым производилось в форме дознания, должны быть переданы в подследственность следователей.

Подразделения дознания необходимо вывести из подчинения начальника органа дознания и передать в подчинение руководителю следственного органа соответствующего уровня.

Следственный аппарат при такой организации должен быть построен на основе специализации, которая будет представлять собой многоуровневую систему.

Первый уровень специализации – следователи, переведенные из наиболее подготовленных дознавателей, а также следователи, имеющие небольшой стаж работы. Следователи данной категории должны будут расследовать уголовные дела, ранее подследственные дознавателям, то есть преступления небольшой и средней тяже-

сти, при этом срок расследования по ним не должен превышать одного месяца.

Второй уровень специализации – следователи, к подследственности которых будет отнесена категория уголовных дел, расследуемых следователями следственных отделов и отделений.

Третий уровень специализации – наиболее подготовленные и опытные следователи, расследующие сложные многоэпизодные уголовные дела, по преступлениям совершенным преступными группами на территориях различных субъектов. Данная категория следователей по организационному уровню должна входить в соответствующие следственные управления и главные управления.

Таким образом, дознание, как самостоятельную форму расследования, необходимо ликвидировать, а предварительное расследование должно осуществляться в единственной форме расследования – предварительном следствии с учетом вышеназванной многоуровневой специализации следователей.

Представляется, что реализация данного предложения позволит в полной мере гарантировать права участников досудебного уголовного судопроизводства, повысить качество предварительного расследования, избежать споров о подследственности между различными органами расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирько С. И. Некоторые проблемы досудебного производства, осуществляемого органами милиции / С. И. Гирько // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 23–28.
2. Диденко Н. С. Тенденции и возможные последствия развития упрощенных производств в российском уголовном судопроизводстве / Н. С. Диденко, С. М. Кузнецова // Юрист-правовед № 2 (63) 2014. – Ростов : Ростовский юридический институт МВД России – С. 75–79.
3. Кузнецова С. М. Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук / С. М. Кузнецова. – Барнаул, 2005. – 205 с.
4. Кузнецова С. М. Проблемы предметной подследственности через призму создания единого Следственного комитета / С. М. Кузнецова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2012. – С. 120–122.
5. Науменко О. А. Проблемы совершенствования дознания как формы предвари-тельного расследования // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 257–262.
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части введения особого порядка досудебного производства)». – Электронный ресурс: Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. – URL: http://regulation.gov.ru/project/22294.html?point=view_project&stage=2&stage_id=16056
7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства) – Электронный ресурс: Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. – URL: http://regulation.gov.ru/project/22294.html?point=view_project&stage=2&stage_id=16056
8. Семенцов В. А. Проблемы совершенствования дознания как формы предвари-тельного расследования / В. А. Семенцов, О. А. Науменко // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 257–262.
9. Супрун С. В. Дознание – сокращенное следствие? / С. В. Супрун// Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 138–142.

© Кузнецова С.М., 2015

Статья получена: 06.04.2015

УДК 343.17

А.А. Хайдаров

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОИЗВОДСТВО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПРИНЯТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается проблема личной ответственности участников уголовного судопроизводства за производство процессуальных действий. Автор настаивает на повышении личной ответственности органа дознания за незаконные действия при задержании лица до возбуждения уголовного дела и доставлении этого лица к следователю.

Ключевые слова: ответственность, процессуальный статус, фактическое задержание, личная ответственность участника уголовного процесса, фальсификация времени задержания.

Вопрос об ответственности должностного лица или органа, осуществляющего процессуальную деятельность в ходе уголовного судопроизводства тесно связан с его процессуальным статусом, а если быть точнее, то ответственность является одной из составляющих его процессуального статуса. Данная точка зрения не оспаривается в литературе [1, с. 6–8]. Наряду с уголовной и дисциплинарной ответственностью должностных лиц (органов) в теории права выделяется уголовно-процессуальная, которая также рассматривается как элемент их процессуального статуса [2, с. 15–16]. Об уголовно-процессуальной ответственности в юридической литературе писали Л.Б. Алексеева, В.М. Ковалев, В.М. Корнуков, З.Ф. Коврига, Я.О. Мотовиловкер, П.С. Элькинд.

За процессуальной деятельностью должностных лиц (органов) и суда (судьи) осуществляется соответствующий контроль и надзор. Так, в случае наличия правовых нарушений суд (судья), руководитель следственного органа, а в отдельных случаях прокурор в установленном законом порядке имеют право отменить незаконные и необоснованные постановления следователя. Однако эти нарушения намеренно либо по недосмотру должны быть совершены подконтрольным субъектом, в данном случае лично следователем.

В теории уголовного права существует принцип личной ответственности, который означает, что лицо, совершившее преступление, отвечает лишь за то, что им совершено лично или охватывалось его умыслом. Принцип личной ответственности вполне применим для дисциплинарной и уголовно-процессуальной ответственности. Действительно, как можно нести ответственность за процессуальные действия, если ты не их совершал и не знал об их производстве другим участником уголовного процесса.

Далее необходимо обратится к тексту УПК РФ и проанализировать ряд его положений на предмет соответствия этим положениям.

Обращает на себя внимание положение п. 11 и п. 15 ст. 5 УПК РФ, где сказано, что задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Моментом фактического задержания является момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В практической деятельности правоохранительных органов (МВД, СК, ФСКН, ФСБ и др.) лицо иногда задерживается до возбуждения уголовного дела в момент совершения преступления либо непосредственно после его совершения. В отдельных случаях может идти речь об уголовной

ответственности за приготовление к совершению преступления (ч. 2 ст. 30 УК РФ), а задержание может быть произведено на этапе приготовления или покушения к совершению преступления.

Пункт 15 ст. 5 УПК нацеливает нас на то, что в случае задержания лица даже до возбуждения уголовного дела процессуальная деятельность по факту совершения преступления началась. Это идет вразрез с устоявшейся точкой зрения о невозможности применения мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела. В теории уголовного процесса различают фактическое и юридическое задержание. Об этой проблеме было сказано достаточно на страницах литературы [3].

Однако мы хотим обратить внимание на другую проблему, когда фактическое задержание и доставление осуществляют органы дознания, а юридическое задержание – следователь (дознаватель). В следственной практике при фактическом задержании органы дознания процессуальных документов не составляют, а ограничиваются передачей задержанного следователю. В отдельных случаях органы дознания составляют рапорт.

Возникает вопрос об отражении времени фактического задержания в протоколе задержания. В практике нередки случаи, когда время фактического задержания, которое сообщается органами дознания следователю и самим задержанным, различается. Возникает процессуальный спор между участниками уголовного судопроизводства, который разрешает следователь, зачастую указывает время и дату, сообщенную органом дознания в устной форме либо переписывает данные из непроцессуальных документов.

Мы не выступаем против института фактического задержания, мы, наоборот, его поддерживаем, поскольку именно он может качественно защитить права и законные интересы подозреваемого, а в данном случае лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Фактическое задержание лица после совершенного им преступления – это такое же процессуальное действие, как и любое другое, которое должно облекаться в форму процессуального документа. Из теории уголовного процесса известно, что любые процессуальные действия участников уголовно-процессуальной деятельности, будучи облеченными в форму процессуального документа, являются уголовно-процессуальными актами [4, с. 7; 5, с. 10–11].

Акт фактического задержания лица органом дознания предполагает наличие у задержанного целого комплекса прав и обязанностей. Странно выглядит ситуация: акт задержания есть, а процессуального документа нет.

Мы допускаем ситуацию, что времени на составление процессуальных документов у органа дознания в момент задержания лица до возбуждения уголовного дела может не быть, но ему ничего не мешает его составить после доставления этого лица к следователю.

Кроме того, нам не совсем понятна ситуация, когда фактическое задержание осуществляется одним участником уголовного судопроизводства, а процессуальные документы составляются другим, в данном случае следователем (дознавателем). Возникает вопрос об ответственности за производство незаконных процессуальных либо иных действий по фактическому задержанию либо сопряженных с ним. Одним из основных спорных вопросов в данном случае является несоответствие времени (даты), указанного в протоколе задержания со слов органа дознания, и времени (даты) его фактического задержания.

В этой ситуации следователь не может и не должен отвечать за недобросовестные действия органа дознания, который сообщил неверные данные о времени и дате задержания лица. Также как и не может следователь (дознаватель) нести ответственность за незаконные действия органа дознания.

Данный вопрос является актуальным и потому, что время фактического задержания должно, вне всяких сомнений, учитываться в общем времени задержания. Однако при опросе следователей на факультете повышения квалификации и выпускников КЮИ МВД России, работающих следователями, нам стало известно, что срок фактического задержания, если оно было произведено до возбуждения уголовного дела, не учитывает-

ся. Следователи отмечают, что время и дату фактического задержания, даже если оно было произведено до возбуждения уголовного дела, они указывают после времени и даты вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Это можно рассматривать как серьезное нарушение прав и законных интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Основной причиной подобных нарушений прав задержанного следователи указывают правило о недопустимости применения мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела. Подобная проблема существует не одно десятилетие, однако напряженность на этапе проверки сообщения о преступлении продолжает нарастать. Эта напряженность касается не только фактического задержания до возбуждения уголовного дела, но и привода участников процесса для дачи объяснений, применения принуждения при производстве следственных действий до возбуждения уголовного дела, принуждение при назначении экспертизы, принуждение при изъятии предметов и документов и т.д.

Намеренно отстраняясь от решения концептуальных проблем стадии возбуждения уголовного дела, мы вернемся к теме исследования, а именно к вопросу о личной ответственности за произведенные процессуальные действия.

В целях предупреждения конфликтов между следователями (дознавателями) и органами дознания и повышения гарантий прав и законных интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности до возбуждения уголовного дела, предлагаем при задержании лица на месте совершения преступления либо непосредственно после его совершения до возбуждения уголовного дела органу дознания составлять протокол доставления, в котором в обязательном порядке должны найти отражение время, место и основания фактического задержания, а задержанный должен расписаться, подтвердив в том числе время своего задержания.

Напомним, что применительно к административному правонарушению подобный протокол существует (ст. 27.2 КоАП РФ). Протокол доставления следует рассматривать в качестве процессуального документа, который может быть составлен как до возбуждения уголовного дела, так и по расследуемому уголовному делу. Фактическое задержание вместе с процессуальным документом, составленным органом дознания, следует рассматривать как уголовно-процессуальный акт.

Процессуальное задержание с моментом фактического задержания до возбуждения уголовного дела в этом случае будет выглядеть как двуединое процессуальное действие, каким оно, по сути, и является, состоящее из двух этапов, с разделением ответственности. Орган дознания будет нести ответственность со времени фактического задержания лица и до момента передачи лица следователю. После передачи задержанного всю полноту ответственности должен нести следователь. Предлагаемая нами модель задержания далека от совершенства как с точки зрения теории уголовного процесса, так и практики, но мы не можем смириться с существующими нарушениями прав и законных интересов подозреваемых.

Мы выступаем за повышение личной ответственности при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений на протяжении всего уголовного судопроизводства. Подчеркиваем особую важность данного правила в случаях серьезного ограничения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В случае производства процессуальных действий (принятия процессуальных решений) тем или иным участником уголовного судопроизводства им должны быть составлены соответствующие процессуальные документы (протокол, постановление и т.д.).

Следователям (дознавателям) в их процессуальной деятельности следует избегать фактов отражения в составленных ими документах процессуальных действий, фактически произведенных другими должными лицами (органами). Мы настаиваем на том, что производство любого процессуального действия должностным лицом либо органом должно облекаться в форму лично составленного процессуального документа с отражением в нем юридически важных

фактов. В ином случае это порождает круговую поруку, преступную замкнутость системы, соблазн фальсификации процессуальных документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дармаева В. Д. Уголовно-процессуальный статус следователя : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Д. Дармаева. – М., 2003. – 24 с.
2. Сулейменова Г. Ж. Уголовно-процессуальная ответственность следователя : автореф. дис. ... канд. юрид.наук / Г. Ж. Сулейменова. – М.,1988. – 28 с.
3. Гайнов И. Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. Д. Гайнов. – М., 2010. – 24 с.
4. Муратова Н. Д. Процессуальные акты органов предварительного расследования. Вопросы теории и практики / Н. Д. Муратова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1989. – 118 с.
5. Хайдаров А. А. Институт судебного поручения в уголовном процессе России / А. А. Хайдаров // Российский следователь. – 2014. – № 12. – С. 10–14.

© Хайдаров А.А., 2015
Статья получена: 13.04.2015

УДК 343.8

А.Е. Шалагин

Е.П. Шляхтин

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье проведен ретроспективный анализ зарождения и развития организованной преступности в России. Дается определение этому общественно опасному явлению, отражены его признаки и формы. Уделено внимание зарубежному законодательству в части ответственности за организацию преступного сообщества. Предложены криминологические, организационно-управленческие и правовые меры предупреждения и борьбы с организованной преступностью.

Ключевые слова: организованная преступность, организованная преступная группа, преступное сообщество, преступная организация, предупреждение, противодействие, противостояние преступности.

Некоторые российские ученые появление организованной преступности связывают с началом массовой экспроприации земли у крестьян, ускоренной национализацией и созданием условий для первоначального накопления капиталов. Этот период (конец XV – начало XVI веков) характеризуется появлением сплоченных преступных групп со своей иерархией, жаргоном, нормами поведения [1, с. 11].

Тысячи крестьян, бежавших от гнета помещиков, становились бродягами и нередко объединялись в сообщества воров и разбойников [2, с. 56]. Ими совершалась основная масса имущественных, насильственных и корыстно-насильственных преступлений. К XIX веку в России сложились криминальные касты со своими обычаями и традициями.

В последующем, в период революционных событий (1917 г.), гражданской войны (1918–1921 г.), страну захлестнул бандитизм. Ядро организованной преступности составляли «урки», «иваны», «блатные». Ими формируются преступные нравы и традиции, они подготавливают и вовлекают в преступную деятельность «молодые кадры», выступают идеологами криминального мира.

Большое количество репрессированных лиц в 30-е годы XX столетия приводит к противостоянию «воров» и осужденных по политическим мотивам. Тюрьмы становятся своего рода «университетами преступности» [3, с. 15]. В период с 1926 по 1940 г. НКВД СССР принимает ряд нормативных документов, которыми регламентируются приемы и способы оперативной разработки преступных групп (банд), уделяется особое внимание работе с кастой «воров в законе», так как именно им принадлежит лидерство в уголовной среде.

Хрущевская «оттепель», либерализация уголовного законодательства, государственные реформы способствовали созданию «теневого» сектора в экономике и совершению значительного количества преступлений экономической направленности [4, с. 12]. В последующем, в 70–80-е годы прошлого столетия, идет активный процесс сращивания теневых дельцов (цеховиков), криминальных авторитетов и коррумпированных чиновников. Перестройка предоставляет возможность владельцам частных

капиталов первыми осваивать новое экономическое пространство и получать баснословную прибыль. При этом уголовный мир не остается в стороне, а предлагает свои услуги по обеспечению безопасности и минимизации рыночных рисков.

Девяностые годы XX века ознаменовались переделом сфер влияния многих преступных группировок, что привело к «бандитским войнам» и «криминальному беспределу». В конце столетия одни представители организованной преступности старались легализоваться (получить свою долю в бизнесе), другие продолжали криминальную активность.

В XXI столетии организованная преступность прочно обосновалась в экономической сфере. Наряду с глобализацией многих процессов появляется транснациональная преступность, использующая благоприятную рыночную конъюнктуру для получения сверхдоходов и сверхприбыли незаконным путем [5, с. 50]. Транснациональные криминальные организации нередко прибегают к помощи высококлассных специалистов, используют новые схемы отмывания денежных средств, полученных преступным путем, задействуют современные информационные и компьютерные технологии при совершении преступлений.

Одновременно с этим в стране произошло укрупнение организованных групп, разделение их по преступной специализации и квалификации, видоизменилась их структура (современное организованное преступное сообщество ориентируется на сетевую модель управления). Организованная преступность вышла на более высокий уровень существования, что позволяет ей нарушать установленные государством запреты (ограничения), маскироваться от общественного контроля [6, с. 50].

По мнению А.И. Гурова, «организованная преступность – это функционирование устойчивых, управляемых групп (сообществ) преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля при помощи коррупции» [7, с. 21]. А.И. Долгова организованную преступность рассматривает как целостное криминальное явление, проявляющее себя в виде сложной системы преступных формирований, с их широкомасштабной преступной деятельностью [8, с. 546]. Е.О. Алауханов предлагает рассматривать организованную преступность как незаконную деятельность трех или более лиц, объединенных в преступную организацию, характеризующуюся устойчивой внутренней структурой, коррумпированными связями, а также использующую методы насилия и запугивания для установления криминального влияния в различных сферах жизнедеятельности людей, в корыстных и антиобщественных целях [9, с. 303].

К основным признакам организованной преступности относятся:

- историческая обусловленность;
- конспиративность (зашифрованность) преступной деятельности;
- иерархическая структура, отделяющая лидеров (преступных авторитетов) от рядовых участников преступного сообщества;
- распределение ролей и функций в преступной организации;
- жесткая дисциплина, основанная на беспрекословном подчинении и системе наказаний (от денежного штрафа до лишения жизни);
- вооруженность (владение различными видами оружия);
- наличие финансово-материальной базы (воровской «общак», квартиры, принадлежащие преступной организации, транспортные средства и т.д.);
- сплоченность и устойчивость преступной группы (сообщества);
- основная цель функционирования преступной организации (получение сверхдоходов и сверхприбыли в короткие сроки);
- установление коррупционных связей (контактов) с представителями власти и правоохранительными органами, лоббирование собственных интересов на государственном, региональном, местном уровнях;
- налаживание системы отмывания денежных средств, полученных преступным путем, и планомерный уход от социального контроля, а также др. [10, с. 634]

Организованные преступные формиро-

вания можно классифицировать по нескольким основаниям.

По территориальному признаку:

а) региональное – осуществляющее преступную деятельность на территории одного субъекта Российской Федерации, как правило, не взаимодействующее с ОПФ, проявляющими себя на территории иных субъектов России, либо на территории иностранных государств;

б) межрегиональное – осуществляющее преступную деятельность на территории двух и более субъектов Российской Федерации, а также пользующееся поддержкой (связями) ОПФ, проявляющими себя в иных субъектах России;

в) международное (трансграничное, транснациональное) – осуществляющее преступную деятельность на территории России и зарубежных государств либо наладившее сотрудничество с ОПФ, образованными (действующими) на территории иностранных государств.

По характеру преступной деятельности они делятся на:

а) ОПФ общеуголовной направленности;

б) ОПФ экономической направленности;

в) ОПФ экологической направленности;

г) ОПФ террористической (экстремистской) направленности;

д) смешанного типа.

Виды террористических и экстремистских ОПФ:

а) сепаратистское;

б) религиозное;

в) националистическое (расовое);

г) политизированное;

д) анархистское (радикалистское);

е) молодежное [11, с. 94–95].

Организованные преступные группы (сообщества) условно можно разделить на три уровня (примитивный, средний, высокий).

I. К *примитивному* относятся: устойчивые **преступные группы (банды)**, имеющие простую структуру организации (главарь – участники). В таких группах каждый знает свою роль, планирование преступной деятельности осуществляется по типичной схеме. Количественный состав группы колеблется от 3 до 10 человек. Основной вид преступного промысла – совершение насильственных, корыстно-насильственных, имущественных преступлений.

II. *Средний уровень* представлен **преступной группировкой (организованным преступным формированием)**. Между главарем и исполнителями существуют промежуточные звенья (например, преступные авторитеты, бригадиры малых преступных групп, активные участники ОПФ). Преступная группировка может достигать нескольких десятков или даже сотен участников. Несмотря на достаточно высокий уровень внутренней организации такая структура, как правило, не обладает устойчивыми коррупционными, межрегиональными и международными (транснациональными) преступными связями, а также не имеет крупных подконтрольных объектов в сфере экономики. В зоне их интересов находятся автомобильные мастерские, станции технического обслуживания, стоянки для авто(мото)транспорта, стихийные (сезонные) продовольственные рынки, частные компании и организации. Представители ОПФ нередко обогащаются за счет продажи наркотиков, организации проституции и азартных игр. У преступных группировок, как правило, имеется значительный арсенал оружия.

III. К *высокому уровню* следует относить **преступные организации (преступные сообщества)**. Они способны оказывать значительное негативное влияние на криминальную, социально-экономическую и общественно-политическую обстановку (ситуацию) на территории одного или нескольких регионов России.

К признакам организованного преступного сообщества относятся:

- разветвленная преступная сеть с широкомасштабной криминальной активностью;
- длительность (системность) осуществления преступной деятельности (от нескольких месяцев до нескольких лет);
- аккумулирование денежных и иных доходов от функционирования ОПС в руках лидера или нескольких преступных авторитетов;
- наличие крупных подконтрольных объектов экономики, стремление расширить и укрепить финансовую и материальную основу;

- хорошее техническое и информационное оснащение;

- стремление к проникновению в органы государственной власти, наличие коррупционных связей в средствах массовой информации и правоохранительных органах;

- совершение тяжких и особо тяжких преступлений, сопряженных с большим общественным резонансом;

- выход на транснациональный уровень преступной деятельности.

К основным направлениям транснациональной преступности относятся:

1) незаконный оборот наркотиков и оружия;

2) организация незаконной миграции, торговля людьми, использование рабского труда, незаконная трансплантация человеческих органов;

3) кражи и контрабанда автомобилей;

4) преступления с использованием компьютерных и нанотехнологий;

5) незаконный ввоз (вывоз) исторических и культурных ценностей;

6) преступления, связанные с незаконной поставкой нефти, газа, леса, драгоценных камней и металлов;

7) легализация доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма, совершение диверсий на территории иностранных государств;

8) преступления в сфере международной экономической деятельности;

9) коррупция (подкуп) высокопоставленных должностных лиц и политических деятелей;

10) захват авиационного, морского, железнодорожного и иного транспорта [12, с. 6–7].

В настоящее время ответственность за создание, руководство и членство в преступной организации предусмотрена уголовным законодательством большинства стран мира. УК Армении, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Эстонии для обозначения наивысшего уровня организованной преступности используют термин «преступное сообщество». Уголовный кодекс Австрии, Албании, Бельгии, Монголии используют термин – «преступная организация». Встречаются и другие обозначения: «ассоциация злоумышленников» (Алжир, Гаити, Доминиканская Республика, Мадагаскар, Франция), «организация мафиозного характера» (КНР), «организация для совершения преступлений» (Италия, Турция).

Признак ***устойчивости*** организованного преступного сообщества предусмотрен большинством стран СНГ, Австрии, Албании, Боливии, Латвии, Литвы, Эстонии. Признак ***сплоченности*** указывается в УК Казахстана и Кыргызстана. ***Структурированность*** преступного объединения означает наличие в нем достаточно сложных организационно-иерархических связей, функционирование нескольких подразделений с единым руководством. Такой признак предусмотрен УК Бельгии, Латвии, Литвы, Монголии, Парагвая, Финляндии, Эстонии. Указание ***на цели*** создания преступного сообщества предусмотрено Уголовным кодексом Армении, Азербайджана, России, Казахстана, Латвии, Монголии, Таджикистана, Туркменистана. Такими целями выступают *совершение одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений либо руководство преступной организацией (сообществом)*.

Сравнение размеров наказаний за создание (руководство) преступной организацией и участие в ее деятельности представляет собой определенную сложность ввиду существенных отличий в конструктивных признаках составов преступлений, закрепленных уголовными кодексами зарубежных стран. Максимальный размер наказания в виде лишения свободы за создание преступной организации составляет: в Испании – 4 года, Боливии – 6 лет, Польше, Португалии – 8 лет, Казахстане, КНР, Франции – 10 лет, Азербайджане, Монголии, Эстонии – 15 лет, Алжире, Таджикистане, Узбекистане – 20 лет, Молдове – 25 лет, Литве – пожизненное лишение свободы.

За членство в преступной организации (сообществе) максимальный размер наказания в виде лишения свободы составляет: в Болгарии, Македонии, Испании – 3 года, Германии, Италии, Судане – 5 лет, Казахстане – 8 лет, Армении, Монголии, Франции – 10 лет, Кыргызстане, Таджикистане, Эстонии – 12 лет, Канаде – 14 лет, Албании – 15

лет [13, с. 295–298].

В криминологической литературе личность преступника рассматривается, как *целостная совокупность взаимосвязанных социально значимых отрицательных свойств (качеств), которые во взаимодействии с внешними условиями, обуславливают совершение преступления* [14, с. 226–227]. Типы личности, входящие в организованные преступные сообщества (организации), можно представить следующим образом:

1. ***Криминально-целеустремленный тип*** (для такого лица совершение преступлений, криминальный образ жизни является привычной формой поведения, тем самым он зарабатывает авторитет и продвигается по «карьерной лестнице»;

2. ***Безнаказанный тип*** (характеризуется активной преступной деятельностью в силу того, что все ему «сходит с рук», ранее к уголовной ответственности не привлекался или был оправдан в силу определенных обстоятельств);

3. ***Ситуативный тип*** (отличается неустойчивым отношением к социальным ценностям, отсутствием прочных нравственных принципов, преобладанием отрицательных качеств над положительными, характер преступной деятельности таких лиц в значительной мере зависит от той криминогенной ситуации, в которой он оказался) [15, с. 73];

4. ***Самоутверждающийся тип*** (для такого лица важно позиционирование себя в преступной группе, к их числу нередко относятся несовершеннолетние, проявляющие свои худшие качества – агрессивность, импульсивность, несдержанность, цинизм и т.п.);

5. ***Конформистский тип*** (не способен противостоять влиянию других лиц, в том числе ранее судимым, имеющим авторитет в преступной среде и др.) [16, с. 465];

6. **Неустойчивый тип** (как правило, слабое звено в группе, такие лица отличаются частичной криминальной зараженностью, в которой сочетаются черты личности преступника и законопослушного гражданина, при своевременном профилактическом (корректирующем) воздействии они способны воздержаться от противоправных поступков).

Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации по ст. 209 УК РФ (бандитизм), ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества), а также число лиц, привлеченных к ответственности за данные уголовно наказуемые деяния в 2010–2014 гг. см. в таб. 1 и 2 [17].

Из приведенных статистических данных

Таблица 1.

год	количество зарегистрированных преступлений по ст. 209 УК РФ (бандитизм)	выявлено лиц, совершивших преступление по ст. 209 УК РФ	выявлено лиц по наиболее тяжкому составу (ч. 2–3 ст. 209 УК РФ)
2010	184	350	264
2011	183	438	269
2012	236	385	255
2013	233	369	260
2014	182	377	245

Таблица 2.

год	количество зарегистрированных преступлений по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества)	выявлено лиц, совершивших преступление по ст. 210 УК РФ	выявлено лиц по наиболее тяжкому составу (ч. 3–4 ст. 210 УК РФ)
2010	172	613	372
2011	172	534	318
2012	202	482	300
2013	251	637	382
2014	255	789	490

видно, что борьба с организованной преступностью в нашей стране строится на системной и плановой основе. Ежегодно в местах лишения свободы оказываются десятки лидеров организованных преступных сообществ и сотни преступных авторитетов, активных участников и лиц, входящих в организованные преступные формирования. Некоторым из них назначается самое строгое наказание (пожизненное лишение свободы).

Противостояние организованной преступности остается важнейшим направлением деятельности МВД по Республике Татарстан. Благодаря целенаправленной работе по разобщению организованных преступных формирований в 2014 году в Татарстане раскрыто 841 преступление, совершенное в составе организованных групп и преступных сообществ. Возбуждено 5 уголовных дел по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества) и 1 уголовное дело по ст. 209 УК РФ (бандитизм). В суд направлено 7 уголовных дел по аналогичным статьям уголовного законодательства [18, с. 20].

В 2013 году вынесены приговоры 52 преступным авторитетам и участникам ОПС «Боксеры» (г. Набережные Челны), членам банды «Топоркова» (ОПФ «56 квартал» г. Казань), ОПС «Фроловские» (г. Казань), ОПФ «Калуга» (г. Казань), «Ново-Татарская слобода» (г. Казань), ОПФ «Поселковские» (Зеленодольский район РТ) и банде «Еналеева» (г. Набережные Челны) [19].

К мерам предупреждения и противодействия организованной преступности следует отнести:

- выявление и постановку на оперативный учет всех членов организованного преступного формирования (от лидера до рядового исполнителя, а также пособников и подстрекателей);

- предотвращение замышляемых ими преступлений на стадиях приготовления или покушения;

- разобщение ОПФ, привлечение к ответственности, прежде всего, лидеров, преступных авторитетов, идеологов криминального мира;

- планирование и осуществление мероприятий по проверке финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц, в отношении которых имеется информация об их связях с организованными преступными группами (сообществами) [20, с. 170];

- подрыв финансово-материальной основы организованных преступных формирований;

- создание заслона проникновению в молодежную среду экстремистских настроений, ксенофобии, правового нигилизма, криминальной субкультуры [21, с. 276];

- изобличение коррумпированных лиц в органах исполнительной власти и местного самоуправления, оказывающим содействие представителям уголовной среды;

- необходим максимальный вывод предпринимателей из сектора теневой экономики, создание им благоприятных условий для ведения бизнеса и установление партнерских отношений с государством, при этом блокирование поступления криминальных инвестиций в легальный и нелегальный бизнес [22, с. 284-285];

- обеспечение надлежащей защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства;

- привлечение к работе по предупреждению организованной преступности общественных объединений правоохранительной направленности, а также граждан (внештатных сотрудников полиции, лиц, входящих в добровольные народные дружины, начальников опорных пунктов полиции и др.).

По нашему мнению, требуют тщательной проработки нормы, регламентирующие порядок освобождения от ответственности лиц, внедренных правоохранительными органами в организованные преступные формирования (сообщества), в случае совершения ими противоправных деяний, связанных с выполнением полученного задания.

Также необходимо внести изменения в часть 3 ст. 56 УПК РФ, дополнив перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей. Мы предлагаем пунктом 6 закрепить, что к их числу относятся: лица, внедренные в организованные преступные группы (штатные негласные сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, и лица, оказывающие им содействие на кон-

фиденциальной основе). Такое нововведение позволит защитить персональные данные лиц, являющихся субъектами оперативно-розыскных мероприятий и комбинаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухин А. А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений / А. А. Мухин. – М., 2003. – 384 с.
2. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров. – М.: Юрид. лит., 1990. – 304 с.
3. Попов В. И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом / В. И. Попов. – М. : Издательство СГУ, 2007. – 581 с.
4. Пономарев А. И. Организованная преступность: особенности противодействия на федеральном и региональном уровнях: монография / А. И. Пономарев ; под ред. Н. А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 184 с.
5. Репецкая А. Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России / А. Л. Репецкая. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 192 с.
6. Ильин А. Е. Истоки современной организованной преступности / А. Е. Ильин, Т. В. Прокофьева // Российский следователь. – 2014. – № 13. – С. 47–51.
7. Гуров А. И. Организованная преступность в России / А. И. Гуров. – М. : БЕК, 2001. – 154 с.
8. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 1008 с.
9. Алауханов Е. О. Криминология : учебник / Е. О. Алауханов. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. – 608 с.
10. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. – в 2-х т. / В. В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2011. – Т. 2. – 872 с.
11. Криминология: Особенная часть : учебник / под ред. Ф. К. Зиннурова. – Казань : КЮИ МВД России, 2011. – 508 с.
12. Шалагин А. Е. Транснациональная преступность как угроза общественной безопасности / А. Е. Шалагин // Транснациональная организованная преступность. Отмывание денег, розыск финансов и изъятие незаконной прибыли : сборник материалов международного научно-практического семинара, г. Казань, 26–27 сентября 2012 года. – Казань: КЮИ МВД России, 2012. – С. 5–9.
13. Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / под ред. С. П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 544 с.
14. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М. : Норма: Инфра-М, 2009. – 800 с.
15. Зотов Е. П. Актуальные проблемы борьбы с рецидивной преступностью : курс лекций / Е. П. Зотов, А. В. Майоров. – М. : ЦОКР МВД России, 2010. – 120 с.
16. Криминология : учебник / под ред. Г. А. Аванесова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 575 с.
17. Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности (архивные данные) [Электронный ресурс]. – URL: https://mvd.ru/reports/item/2994866/
18. Итоги оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Татарстан за 2014 год. – Казань : МВД по РТ, 2015. – 68 с.
19. Министр внутренних дел по Республике Татарстан Артем Хохорин ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс]. – URL: http://mvd.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/239249.htm
20. Христюк А. А. Противодействие организованной преступности на региональном уровне: учебное пособие / А. А. Христюк. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
21. Агапов П. В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности : монография / П. В. Агапов ; под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 312 с.
22. Нафиков И. С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города : монография / И. С. Нафиков ; под ред. В. П. Малкова. – Казань : Познание, 2012. – 379 с.

© Шалагин А.Е., 2015
© Шляхтин Е.П., 2015
Статья получена: 01.06.2015

УДК 378.147

А.А. Илиджев

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В статье представлен общий обзор сформировавшихся взглядов на содержание понятий «компетенция» и «компетентность», выделены два подхода к соотношению этих понятий. В работе раскрывается структура профессиональной компетенции, представленная как сложное образование, включающее три основных компонента: когнитивный, деятельностный и личностный. На основе анализа состава и содержания профессиональных компетенций будущего бакалавра юриспруденции обоснована интегративная сущность профессиональной компетенции.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, состав и структура профессиональных компетенций бакалавра юриспруденции, интеграция, профессиональная ориентация.

В Российской Федерации система высшего образования в вузах таких силовых ведомств, как МВД России, ФСИН России и т.п., на протяжении уже ряда лет работает в рамках новых ФГОС ВПО. Наработан солидный опыт практической деятельности по реализации стандартов, описанный в научно-методических журналах («Высшее образование в России», «Прикладная юридическая психология», «Психопедагогика в правоохранительных органах» и др.). Написана не одна диссертация (О.В. Шемет, Г.Р. Ахметзянова и др.), опубликовано большое число монографий (В.И. Байденко, А.А. Вербицкий, Н.А. Селезнева, и др.) и научных статей по проблемам компетентностного подхода в профессиональном образовании [1-4; 6; 14 и др.]. Но, тем не менее, сегодня еще остаются вопросы, требующие внимания. Прежде всего, это касается понятийно-терминологического обеспечения компетентностного подхода и, в частности, вопроса о содержании и сущности понятий «профессиональные компетенции» и «профессиональная компетентность». Дело в том, что, несмотря на обилие работ, в которых рассматривается вопрос о содержании этих понятий, все еще имеет место некоторая путаница. Одни исследователи [5] считают, что эти понятия идентичны, другие [8; 11 и др.] их разводят. Есть разные подходы к выделению состава и структуры компетенций. Кроме того, нередко предлагаемые исследователями определения данных понятий не имеют должного научного обоснования.

Между тем от степени обоснованности понятий, их содержания и структуры зависит качество любого исследования. Это влияет и на образовательную практику, в основе которой всегда лежит та или иная теория. В связи с этим обратимся еще раз к вопросу о составе, сущности и структуре понятий «профессиональные компетенции» и «профессиональная компетентность».

Большой вклад в выявление сущности и содержания понятий «компетенция» и «компетентность» внесли исследования В.И. Байденко [1], В.А. Болотова [3], А.А. Вербицкого [4], И.А. Зимней [8], А.К. Марковой [11], А.М. Новикова [12], С.Е. Шишова [17] и др. В литературе выделяют два варианта толкования соотношения этих понятий: они либо отождествляются, либо дифференцируются. Первая позиция представлена в Глоссарии терминов ЕФО, где компетенция определяется как: 1. Способность делать что-либо хорошо или эффективно; 2. Соответствие требованиям, предъявляемым при устройстве на работу; 3. Способность выполнять особые трудовые функции. Там же отмечается, что «… термин компетентность

используется в тех же значениях» [5, с. 63]. Большинством исследователей данные понятия трактуются как тесно взаимосвязанные, но не тождественные. Одной из первых эта позиция предложена И.А. Зимней, которая разделяет понятия «компетенция/компетентность» по основанию возможное – актуальное, когнитивное – личностное. Под компетенцией она понимает внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека. А «компетентность» трактуется как «основывающаяся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленная социально-профессиональная черта человека, его личностное качество» [8, с. 10–11].

Анализ этих и других точек зрения [2; 7] на рассматриваемый вопрос позволяет сделать вывод, что «компетенция» – это отчужденное, наперед заданное требование к образовательной подготовке обучающегося, а «компетентность» – результат освоения компетенции личностью, то есть уже состоявшееся его личностное качество, интегральная характеристика личности, в основе которой лежит ряд компетенций. Компетентность – это обладание человеком соответствующей компетенцией и системой компетенций, включающей его личностное отношение к ней и к предмету деятельности; самостоятельно реализуемая способность к практической деятельности, к решению жизненных проблем, основанная на приобретенном обучающимся учебном и жизненном опыте, его ценностях и склонностях. Компетентность является системой и включает основные взаимосвязанные взаимодополняющие компоненты: знания, умения, навыки, способы деятельности, личностные свойства, которые востребованы самой системой. Основополагающим компонентом является практическая сторона: умения, навыки, способы деятельности.

Педагогические понятия «компетенция» и «компетентность» не перекрывают друг друга, а выражают общее и индивидуальное одного и того же явления. Отсюда следует, что профессиональные компетенции – это наперед заданные и представленные во ФГОС ВПО требования к профессиональной подготовке обучающихся. А профессиональная компетентность – обладание выпускником системой профессиональных компетенций, включающее его личностное отношение к ней и к предмету профессиональной деятельности.

Чтобы глубже уяснить сущность понятия «профессиональные компетенции» обратимся к *составу* профессиональных компетенций, предлагаемых во ФГОС ВПО по направлению «Юриспруденция», которые можно распределить по пяти группам, включающим девятнадцать профессиональных компетенций, то есть тех способностей и умений, которыми должен овладеть обучающийся, чтобы успешно выполнять свои функциональные обязанности. Важно подчеркнуть тот факт, что регламентированные профессиональные компетенции очень четко структурированы и обоснованы: они вытекают из основных видов профессиональной деятельности (их пять) и, соответственно, каждому виду деятельности характерны свои компетенции.

Остановимся подробнее на формулировках профессиональных компетенций. Здесь используются следующие глаголы (в скобках указана частота использования): способен (16), готов (2), владеет (1). Как видим, 84% профессиональных компетенций начинаются со слова «способен», 10% – со слова «готов» и 6% – «владеет». Возникает вопрос: имеет ли принципиальное значение, через какой глагол формулируется та или иная профессиональная компетенция? Для ответа проведем анализ соответствующих формулировок. Начнем с наиболее распространенных формулировок со словом «способен». Так, ПК-2 звучит следующим образом: «способен осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры» Что означает данная формулировка? Для выяснения этого необходимо обратиться к слову «способен» и тому содержанию, которое стоит за ним. Когда говорят о том или ином человеке, что

он способен осуществлять ту или иную деятельность, то обычно имеют в виду, что этот человек обладает необходимыми знаниями, умениями, опытом в соответствующей деятельности, которые в совокупности позволяют ему выполнять эту деятельность в соответствии с требованиями к ней.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой читаем: «Способность – 1. Природная одаренность, талантливость; 2. Умение, а также возможность производить какие-либо действия» [13, с. 746]. Как видим, слово «способность» имеет два смысла. Первый смысл связан с природной одаренностью, талантливостью (например, математические, музыкальные и др. способности). Второе значение слова – умение производить какие-либо действия; а также возможность производить действия. В контексте рассматриваемого нами вопроса возьмем за основу трактовку способности как умения производить какие-либо действия. Если исходить из данной трактовки, то профессиональную компетенцию ОК-2 можно понимать как «умение осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры».

Теперь рассмотрим термин «владеет». Читаем в том же словаре: «Владеть – 1.иметь свою собственность; 2. держать в своей власти, подчинять себе; 3.уметь, иметь возможность пользоваться, действовать при помощи чего-либо» [13, с. 82]. Из этих трех толкований для нас представляет интерес третий вариант, согласно которому владеть – это уметь пользоваться, уметь действовать при помощи чего-либо. То есть опять приходим к тому же глаголу «уметь».

Отсюда можно заключить, что использование глаголов «способен», «умеет», «владеет» ничем принципиально не отличается друг от друга. Следовательно, применительно к профессиональным компетенциям можно говорить, что их суть сводится к умениям. Но это не обычные предметные умения, а умения обобщенного характера, своего рода интегративные умения. Возьмем для примера одну из профессиональных компетенций, а именно ПК-3 – «способен обеспечивать соблюдение законодательства субъектами права». Данная компетенция требует от выпускника целой совокупности юридических знаний и умений, но не только. Поскольку здесь имеет место сочетание «способен обеспечивать», то ясно, что эта компетенция предполагает не только умения, но и волевые (настойчивость в обеспечении соблюдения законодательства), ценностно-нравственные (понимание социальной значимости соблюдения законодательства всеми субъектами права) и другие свойства.

Отмеченное позволяет констатировать интегративную сущность профессиональной компетенции, проявляющуюся в том, что ее наличие определяется не объемом усвоенной информации, а системой освоенных и опробованных в действии методов поиска недостающих знаний и умений на основе имеющихся. Та или иная профессиональная компетенция предусматривает способность выпускника комплексно применять знания нескольких дисциплин в профессиональной деятельности, продуктивно действовать в той или иной профессиональной ситуации даже в том случае, когда у него отсутствует конкретное профессиональное умение. В этом случае профессиональная компетенция проявляется как возможность создания новых способов профессионального действия. Именно в этом состоит принципиальное отличие профессиональной компетенции от «обычного» профессионального умения, традиционно понимаемого как владение способом выполнения определенного профессионального действия.

Достоинство конструкта «профессиональная компетенция» с психологической точки зрения в том, что он связывает субъекта с его профессиональной деятельностью, включает в себя в единстве и тесной взаимосвязи когнитивные, деятельностные, ценностные, нравственные и поведенческие составляющие. Такой целостности нет в конструкте «знания, умения, навыки» [16]. В этом контексте профессиональные *компетенции*, как заданные требования к профессиональной образовательной подготовке выпускника, представляют собой

интегративную взаимосвязь смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, опыта деятельности задаваемых по отношению к определенному виду профессиональной деятельности и определяют способность личности интегрировать в своем сознании и деятельности знания из разных научных дисциплин; различные виды опыта, в том числе и личностного опыта, учебное содержание, теорию и практику для решения профессиональных задач определенного класса.

Структура профессиональной компетенции представляет собой сложное образование, включающее три основных компонента: *когнитивный*, связанный со знаниями и способами их получения; *деятельностный*, определяющий процесс становления умений на основе полученных знаний и способов их реализации, а также обеспечивающий «перевод» имеющихся знаний и умений в другие знаковые системы и, таким образом, позволяющий адаптировать их к новым условиям, профессионально действовать в новых ситуациях, и *личностный*, представляющий мотивы и ценностные установки личности, проявляющиеся в процессе реализации ею своих компетенций.

Интегративный характер профессиональных компетенций говорит о том, что их формирование требует интеграции двоякого рода. С одной стороны, речь идет об интеграции в процессе освоения той или иной дисциплины, которая должна выражаться в ориентации учебного процесса на формирование в единстве предметных знаний и умений применять эти знания для решения не только предметных задач, но и комплексных задач, разрешения профессиональных и социальных ситуаций, в которых нужно уметь «увидеть» роль и место предметных знаний и умений. Кроме того, в процессе изучения конкретной дисциплины необходимо иметь в виду цели развития мотивационно-ценностной и нравственной стороны личности, формирования социально-значимого и личностно-ценностного отношения к изучаемым явлениям и процессам.

С другой стороны, интегративность предполагает такую организацию обучения, которое было бы ориентировано на интеграцию, взаимосвязь предметов в рамках как одного, так и разных циклов. Удачной формой реализации такой интеграции является, как показывают исследования [9; 10], концентрированное обучение (его модульный вариант реализации, предполагающий одновременное изучение 3–4 дисциплин, объединенных по принципу привязанности к группе компетенций).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что можно рекомендовать учебно-методическим подразделениям вузов МВД России, ФСИН России и т.п. учи-тывать в процессе проектирования компетентностно-ориентированного образовательного процесса особенности содержания и структуры профессиональных компетенций. Для этого необходимо использовать дидактические и методические средства реализации интегративного потенциала содержания образования (посредством разработки матриц межцикловых, междисциплинарных, межпредметных и внутрипредметных связей; интеграции теории и практики) и организационной структуры обучения (путем перехода на концентрированную форму организации обучения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (К освоению компетентностного подхода) / В. Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 3–13.
2. Баранова И. П. Применение компетентностного подхода в системе высшего образования / И. П. Баранова // Вестник. Педагогика и психология. – 2014. – № 4. – С. 37–42.
3. Болотов В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
4. Вербицкий А. А. Контекстное обучение в компетентностном подходе / А. А. Вербицкий // Высшее образование в России. – 2006. – № 11. – С. 39–46.
5. Глоссарий терминов рынка труда, разработки стандартов образовательных программ и учеб-

ных планов. Европейский фонд образования. ЕФО, 1997.
6. Евтихов О. В. Формирование основ профессионализма и профессиональной компетентности курсантов в вузе правоохранительных органов как педагогическая проблема / О. В. Евтихов, А. Ф. Караваев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1. – С. 128–13.
7. Ерцкина Е. Б. Содержание компетентностной модели выпускника с квалификацией «бакалавр» (на примере направления подготовки 270800 – Строительство) / Е. Б. Ерцкина // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2012. – № 3. – С. 54–59.
8. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 20–26.
9. Ибрагимов Г. И. Процесс обучения в высшей школе в условиях реализации ФГОС: болевые точки / Г. И. Ибрагимов // Alma-mater (Вестник высшей школы). – 2013. – № 8. – С. 6–14.
10. Ибрагимов Г. И. Сущность и ведущие принципы концентрированного обучения / Г. И. Ибрагимов, Е. М. Ибрагимова // Инновации в образовании. – 2013. – № 5. – С. 14–25.
11. Маркова А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М., 1996. – 308 с.
12. Новиков А. М. Основания педагогики: пособие для авторов учебников и преподавателей. – М. : Изд-во «Эгвес», 2010. – 208 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во «Азъ», 1992. – 955 с.
14. Степанов Р. И. Анализ примерных программ в части реализации общекультурных и профессиональных компетенций // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1. – С. 55–59.
15. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению 030900 – Юриспруденция (квалификация (степень «бакалавр») : утвержден приказом МО и Н РФ от 4 мая 2010 г. № 464.
16. Шемет О. В. Дидактические основы компетентностно ориентированного инженерного образования : автореф. дис. … докт. пед. наук / О. В. Шемет. – Калуга, 2010.
17. Шишов С. Е. Мониторинг качества образования в школе / С. Е. Шишов, В. А. Кальней. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 354 с.

© Илиджев А.А., 2015
Статья получена: 24.02.2015

УДК 008:316

Ю.Л. Сироткин

СТИГМАТИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье обосновывается понятие «социокультурная стигматизация». Стигматизация рассматривается как социокультурное явление. Критически оценивается теория стигматизации (этикетирование). Анализируется стигматизация в социокультурном пространстве, ее виды и потенциал. Изложены результаты экспериментального исследования стигматизации в молодежной субкультуре.

Ключевые слова: стигма, стигматизация, норма, девиация, социокультурная стигматизация.

Актуальность проблемы стигматизации обусловлена ходом социокультурной трансформации российского общества, затронувшей в значительной степени преобразования в ценностно-нормативной сфере; многомерностью проявлений стигматизации, в том числе и в социокультурном пространстве; предположением о том, что не только личность, но и социальная общность детерминирует и закрепляет отклонения в декларируемых традицией нормах поведения.

Стигматизация в социальном контексте означает тип отношений между постыдным социальным качеством (стереотипом) и ожидаемым отношением к нему, который задает неспособность к полноценной социальной жизни из-за лишения права на общественное признание (И. Гофман). В отечественной социологии отдельные аспекты проблемы стигматизации в той или иной степени анализируются в работах, посвященных отклоняющемуся поведению как внешнему проявлению деятельности человека в процессе социального взаимодействия [3; 5; 6 и т.д.]. Вместе с тем социокультурный аспект заявленной проблематики не получил отражение в исследовательской практике.

Данная статья исходит из предположения о наличии специфических признаков стигматизации как социокультурного феномена.

Высока степень вероятности того, что стигматизация существовала на протяжении всей истории человечества. Логично предположение о том, что ее проявления в различных цивилизациях и культурах отличны, т.е. имеют свою темпоральную, цивилизационную и культурную специфику. Данное предположение не имеет системного обоснования, но фрагментарно находит свое подтверждение в ряде исследований, в которых отмечается, что стигма оформляется в конкретном социокультурном пространстве [1; 5 и т.д.].

Истоки теоретического осмысления стигматизации как социокультурного феномена можно разглядеть в символическом интеракционизме Дж.Г. Мида, драматургическом подходе Э. Гоффмана, концепции социального обмена Дж. Хоманса и теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лумана. Достаточно указать на весьма примечательный факт: в современный научный оборот понятие «стигма» было введено И. Гоффманом в одноименной работе [4]. Результаты проведенных исследований [2; 7 и т.д.] и их обобщение дают основания для расширения исследовательского пространства стигматизации и дополнения ее психологической природы социокультурной составляющей. Тем самым стигматизацию целесообразно отнести не только к психологическим, но и социокультурным феноменам. Наряду с психологической природой стигмы, негативно воспринимаемыми признаками, качествами, чертами характера и т.д., существуют ее

социокультурные признаки (образ, облик, принадлежность к субкультуре и т.д.), формируемые внешней средой, а не обусловленные внутренними условиями развития.

Не выглядит преувеличением утверждение, что в современном мире социокультурные изменения стремительны и необратимы. Об этом красноречиво свидетельствует новейшая российская история. Изменилась шкала ценностей, культурные предпочтения, представления о возможном и должном. Происходящие изменения рассматриваются как социокультурные явления, основанные на принятии или отвержении соответствующих ценностей, норм и традиций. В целом наблюдаемые изменения укладываются в схему смены социокультурных парадигм, в ходе которой складываются субкультуры.

Представления о стигматизации как социокультурном феномене основываются на исходных положениях теории стигматизации (этикетирования). В интерпретации применительно к анализируемой проблематике данные положения выглядят следующим образом.

Во-первых, научное осмысление стигмы как социокультурного явления связано с изучением отклоняющихся форм поведения. Установка на то, что действия не являются естественно хорошими или плохими, а нормальность и девиация определяются социально; что девиация является не качеством совершаемого личностью действия, а следствием применения других правил и санкций, является общепринятой и рассматривается в качестве исходной, несмотря на ее дискуссионность и откровенное неприятия сторонниками традиционных ценностей. Нормы и отклонения – это отдельные проблемы. Поэтому вопросы «Кто становится клейменным?» и «Кто клеймит?» обретают паритетность. Не менее важна установка на то, что стигматизация закрепляет отклонения и становится ответственной за необычное поведение. Доказано, что характер девиантного поведения зависит от социальной реакции на его носителя, тем более, если оно является следствием стигмы. Таким образом, отклонения от нормы не являются внутренне присущим человеческому поведению свойством, но представляются свойством, обусловленным социальными определениями. Подобное заключение также не может быть принято, так как отделяет действие от его носителя, что совершенно недопустимо в традиционной этике и морали.

Во-вторых, оправдано введение в исследовательский оборот понятия «первичная девиация», квалифицирующая отдельные действия как асоциальные, подлежащие регуляции со стороны моральных норм, но не подпадающие под действие правовых норм.

В-третьих, оценка конкретных действий ставится в зависимость от того, что делают эти люди и как реагируют на них другие и общество в целом, от того, как применяются общепринятые нормы и правила в определенных ситуациях и в отношении каких людей. С господствующих в обществе норм и установлений акцент переносится на социальное окружение и то, клеймит ли оно конкретного субъекта как нарушителя норм или нет (О.А. Кармадонов).

В-четвертых, навешивание ярлыков приводит к вторичной девиации и приобретению девиантным поведением устойчивых форм. Публичное определение становится стереотипом. Ярлык способствует закреплению индивида в статусе аутсайдера («человека не нашего круга»). Нарушители норм воспринимают свой статус как конкретный тип девиантности и формируют на его основе собственную жизнь.

В-пятых, стигма помещает субъекта в условия изоляции и способствует переходу в девиантную субкультуру. Усвоение ее ценностей и норм становится способом, помогающим справиться с критической ситуацией, найти окружение, которое принимает тебя и оказывает эмоциональную поддержку, что приводит к закреплению соответствующих ценностей и норм и обеспечивает статусную определенность.

Следующие обобщения являются значимыми для дальнейшего изложения: 1) девиация определяется не качеством субъективности, актуализирующемся в поведении индивида, а реакцией общества на такое поведение; поведение, отступающее от общепринятых норм, вызывает ответную реакцию в виде санкций; 2) оценка поведе-

ния осуществляется посредством стигмы; происходит согласование действий с ярлыком и вырабатываются самопредставления, которые совпадают с этим ярлыком (Ю.А. Клейберг). В соответствии с исходными положениями теории стигматизации оценочный акцент переносится с индивида и его действий, нарушающих норму, на общепринятые нормативные установки, нуждающиеся в пересмотре и приведении в соответствие с теми действиями, которые оцениваются этими нормами как девиации. В этом заключается серьезная опасность пересмотра нормативных установлений в угоду носителей девиантных субкультур, расширения пространства толерантности и включения в него тех действий, которые нарушают общепринятые правила, что в итоге приводит к установке рассматривать девиацию как норму. Следует также обратить внимание еще, как минимум, на два критических замечания, которые требуют дальнейшей рефлексии. Во-первых, интерпретация понимания нормоотступничества не дает возможности определить исходные факторы, которые вызвали девиантное поведение. Во-вторых, социальные нормы и поведенческие девиации являются понятиями сопряженными и интегрированными. Закрепленные в правоустановлениях, морали и традициях, нормы являются реакцией общества на девиации.

Высказанные критические замечания не отменяют факта объективного присутствия стигматизации в качестве явления социокультурного пространства, а его разносторонний анализ позволит глубже осознать процессы, происходящие в периферийных субкультурах, и выявить потенциал их интеграции в господствующую культуру.

Сложившиеся представления о стигме позволяют говорить о трех ее видах: позитивном, утверждающим достоинство человека и фиксирующим заслуги субкультуры, к которой он принадлежит либо причисляется; нейтральном и негативном, когда стигма становится основным средством лишения достоинств и заслуг. Стигматизация первого вида основана на признании заслуг большинством сообществ и не имеет сталь широкого распространения, как негативный вид. Тем не менее, она имеет оценочный характер и может обладать самомотивирующим потенциалом, направленным на совершенствование, что отличает позитивную стигму от нейтральной, которая лишена оценочных суждений и фиксирует лишь «своеобразие», «уникальность», т.е. консервирует явление в форме маркировки и не вызывает отторжения.

Нейтральная стигма коррелирует с положительной, так как в ней закодировано положительное отношение к своеобразию, которое, однако, не артикулируется. В большинстве случаев стигма носит негативный характер и основывается на неприятии социальной общностью каких – либо более или менее ярко выраженных признаков культуры (субкультуры) или ее носителей. Своеобразие или уникальность могут не представлять опасности для господствующей культуры и ее субъектов. Тем не менее, отмеченное обстоятельство не может служить препятствием для стигматизации, а, следовательно, для отчуждения от ее носителей. Культура в данном случае получает статус периферийной, а ее артефакты становятся раритетами. Лишь отсутствие со стороны ее носителей агрессивности не дает оснований отнести ее к «враждебной» и встроить в систему «господства – подчинения».

Негативная стигматизация одинаково опасна для культур и их субъектов, так как способствует возникновению конфликтов и провоцирует отчуждение. Социальное отчуждение приводит к блокированию возможности для субъекта быть включенным в социокультурные процессы в качестве его полноправного участника. Вслед за негативной стигматизацией следует дискриминация и изоляция, наложенные посредством санкций в форме блокирования культурного диалога, обмена или сотрудничества. Отмеченная стигматизация может приобрести экспансионистский характер.

Стигма произвольно сочетается с нормами, ценностями, традициями и т.д. и может выступать условным знаком клеймения (суб)культур, служить показателем определенного места культуры в иерархии культур

и той роли, которую она призвана исполнять. Стигматизация, как правило, определяется оценкой извне, а не содержанием и значимостью культуры для ее носителей. В этом случае велика вероятность ошибочных суждений и оценок, цена которых слишком высока, так как от конкретного ярлыка бывает трудно или невозможно избавиться. В истории нередки случаи преднамеренной ошибки, цена которой – исчезнувшие культуры. Намеренная ошибка приводит к изоляции носителей данной культуры, которые в качестве объектов стигматизации превращаются в изолированных людей. Причем стигматизации могут быть подвержены носители передовых культурных ценностей и инновационных приоритетов. Новое в культуре выступает как отрицание традиции и воспринимается как отклонение от нормы, поэтому нередко квалифицируется как аномалия. История культуры знает множество подобных примеров.

Навешивание ярлыков на субъектов культуры может осуществляться в пределах одной культуры, независимо от ее статуса – господствующей или периферейной. Причины стигматизации могут быть разнообразными. Независимо от разнообразия их основу составляет «инаковость», означающая быть не таким как все ее носители. Подобный процесс может заканчиваться отверженностью субъекта носителями господствующих культурных ценностей либо конфликтом субъекта с культурным сообществом.

Оценивая субъекта культуры как носителя культурных ценностей (образов, кодов и символов), традиций и норм, преобладающих в культуре, доминирующие носители аналогичной культуры, признавая несоответствие, наклеивают на него ярлык инаковости. Так как оценивание осуществляется по шкале соответствия или отклонения от сложившихся представлений, то инаковость интерпретируется как девиантность. Ярлыки выполняют функцию либо позитивного, либо негативного воздействия и приводят к различным последствиям для субъекта и культурной общности.

Этикетирование предполагает смену поведенческих парадигм: субъект либо смиряется с ролью отверженного, соглашаясь с оценкой себя другими, либо активно сопротивляется и пытается избавиться от нее. Вопрос о механизме и причинах такого поведения остается открытым. С большой долей вероятности можно утверждать о зависимости позиции субъекта от его социального статуса и психологических характеристик, в частности, от силы воли.

Не вызывает сомнений, что стигматизация является одним из способов давления на субъекта с целью ограничения свободы выбора ценностных приоритетов. Это давление осуществляется средствами навязывания субъекту определенных стереотипов и угрозами навешивания ярлыка стигматизированного. Итогом стигматизации является выдавливание субъекта за пределы социокультурного пространства, что приводит к враждебному отношению к культурным общностям и провоцирует конфликты. В этом случае целесообразно формировать толерантное отношение общности на принципе мирного сосуществования к инакомыслящим и резистентность субъектов к навязываемым им культурной общностью ценностям.

Социокультурная стигматизация имеет свои виды:

- культурная стигматизация предполагает навешивание ярлыков, укоренившихся в национальной или мировой культуре, субъектам, которые являются носителями той или иной культуры;

- субкультурная стигматизация состоит в навешивании ярлыков определенной культурной общности, выходящей за пределы принятых доминирующей культурой ценностей, норм и традиций;

- субъективная стигматизация выражается в клеймении субъектов (или институтов) культуры, выходящих за пределы культурного пространства, в котором господствует доминирующая культурная общность с общепринятыми ценностями, нормами и традициями;

- индивидуальная (личная) стигматизация выражается в предубеждениях против себя, которые основаны на противоречии норм и культурных ограничений индивидуальным потребностям самоактуализации.

В создании социокультурной стигмы

участвует одно или несколько качеств, которые находятся в сложном соподчинении, выстраиваемом на основе иерархии ценностных предпочтений. Например, «чукчи недогадливы», «русские – алкоголики» и т.д. Разумеется, подобные зависимости уязвимы, потому что являются искусственными. Межнациональные и межкультурные стигмы отличаются предвзятостью, так как основываются на разночтениях культурных различий. В приведенных стигмах речь идет о некотором усредненном представлении об уровне образования и культуре употребления спиртных напитков. Тем не менее, категоричность и откровенный негативизм, заложенный в этих утверждениях, позволяет отнести их к негативной стигматизации.

Предварительное обобщение изложенного позволяет заключить, что стигматизация – это многомерный социокультурный феномен, который возникает на основе ценностно – нормативного взаимодействия представителей различных культур и характеризует самоидентификацию субъекта на основе принятых или усвоенных ценностей, норм и традиций, статуса в культурном сообществе, выделения характеристик, не соответствующих принятым образцам, закрепленным в символической форме и манифестируемой атрибутике величия или ничтожества. Как видим, ценностно – нормативное основание стигматизации оказывается доминирующим, несмотря на то, что основой стигматизации может быть общественное мнение, господствующие стереотипы и т.д. Показателен в этом отношении пример индивидуальной стигматизации. Несмотря на доминирующую роль стереотипов, она формируется в контексте той культуры, в которую субъект оказывается включен. Это всегда результат сложного взаимодействия процессов, протекающих в сообществе и сознании субъектов культуры. В то же время социокультурная стигматизация оказывается управляемым процессом, который можно рассматривать в двух аспектах: во – первых, как деятельность по устранению факторов, детерминирующих негативную стигматизацию в межкультурном пространстве или в пространстве конкретной культуры (субкультуры); во – вторых, как стратегическую деятельность, целью которой является организация культурной жизни сообществ, минимизирующая эффект стигмы. Стигматизация может быть признана в качестве позитивного явления в силу регуляционного потенциала, проявляющегося в отношении субъекта культуры и культурных сообществ в целом. Управленческие возможности стигматизации необходимо использовать в целях нейтрализации ее негативного воздействия на субъектов и культуру. Так как процесс стигматизации непрерывен, то необходимо постоянно отслеживать его тенденции и результаты, выявлять причины возникновения и направления эволюции.

Социокультурную стигматизацию формирует и воспроизводит студенческое сообщество. Базой экспериментального исследования явились КЮИ МВД РФ и Каз-ГУКИ. В проведенном исследовании нашла проявление позитивная стигматизация. В исследовании приняли участие 127 курсантов и студентов. Задачами экспериментального исследования явились: 1) выявить наличие, определить степень интенсивности и особенности проявления феномена стигматизации в молодежной субкультуре; 2) выявить основу стигматизации в студенческой среде; 3) определить способы избавления от стигмы. При проведении исследования использовался метод опроса. Для обеспечения достоверности и надежности итоговых опросных данных применялся метод фокусированного интервью. Дискуссионный анализ опросных листов обеспечивал свободу суждений респондентов.

Проведенное исследование подтвердило факт влияния преподавателей на становление молодежной субкультуры в студенческой среде. Преподаватели как социализирующие взрослые оказывают серьезное влияние на студенческую субкультуру, сохраняя свои представления о ценностях и нормах и пытаясь придать им статус общезначимых и общепринятых. Однако в студенческой среде подобные представления не находят поддержки и девальвируются. Этот процесс приводит студентов к поиску альтернативных ценностей, которые лежат в основе норм современных

отношений. Если студент отклоняется от общепринятых в студенческой среде норм и образцов, он становится объектом стигматизации. Основой стигматизации в студенческой среде являются поведенческие стереотипы. Так считают 61% опрошенных. В качестве критериев стигматизации знания и умения выступают, соответственно, для 22 и 12%. Подобные показатели не являются неожиданными на общем фоне падения престижа знаний и образования в целом. Обнаружилось, что оценка знаний студентов, хотя и способствует их дифференциации на признанных и отверженных, не оказывает сколь – нибудь существенного влияния на их статус. Например, в личных беседах студенты высказывали убеждение, что оценки преподавателей касаются не столько из знаний, сколько поведенческих реакций (дисциплинированности, исполнительности и т.д.). Декларированную значимость самостоятельной работы студента должен подкреплять индивидуальный подход, который, к сожалению, применяется не столь часто и продуктивно, как хотелось бы.

На связь стигматизации с экспансией и различными формами давления указали 79% опрошенных. Четверть опрошенных студентов подвергалась попыткам стигматизации, в то время как социальные ярлыки окружающим навешивала треть опрошенных студентов. Среди качеств, являющихся объектом стигматизации, лидирует лживость (43%). Далее следуют жадность (26%) и неряшливость (19%). Факторов «инаковости» в критериях стигматизации обнаружить не удалось. Это связано с однородностью студенческих коллективов и невыраженностью у студентов признаков принадлежности к иной субкультуре.

Действенными способами избавления от стигмы 42% опрошенных назвали доверительные беседы с близкими и стремление доказать окружающим обратное (33%). Срок клеймения обозначили истечением периода нахождения в образовательном учреждении 47% курсантов и студентов. Бессрочность клеймения отметили 25% опрошенных.

Результаты исследования подтвердили вывод о распространенности социокультурной стигматизации в студенческой среде, что оказывает определенное влияние на статусную характеристику студента и жизнеспособность студенческого сообщества. Фактор стигматизации имеет определенное значение для развития отношений в студенческом коллективе.

Данные социологического исследования в студенческих общностях позволяют утверждать, что: а) процесс стигматизации обусловлен наличием базовой культуры и соответствующих ценностей у студентов; б) социокультурная стигматизация способствует дифференциации внутри студенческих групп. Социокультурная стигматизация как явление присутствует в студенческих коллективах, оказывает влияние на взаимоотношения в студенческих группах, индивидуальное развитие студента и его социальный статус.

Как видим, стигматизация является преимущественно социокультурным процессом. Вероятно, существуют определенные закономерности ее становления и развития с доминантой социокультурного характера. Однако вопрос об их изучении остается открытым.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие обобщения. 1. Социокультурная стигматизация – объективно существующее явление, которое выражается в реакции на любые отклонения от норм доминирующей культуры и последующее закрепление за субъектом отличительных признаков с помощью образов, выраженных в символических формах. Стигматизированное состояние субъекта может быть интериоризировано и принято, но может быть преодолено посредством выхода за пределы субкультурной общности и ценностной переориентации. Стигматизация возникает как реакция господствующего большинства на «инаковость» субъекта культуры и выступает в качестве процедуры изменения его социокультурного статуса на основе отклонений от принятых в данном культурном сообществе ценностей, норм и традиций. 2. Распространение теории стигматизации (этикетирования) в интерпретации ее англоязычных авторов приходится на время поиска новой иерархии ценностей,

когда реализуется стремление начать социокультурное развитие с «чистого листа», игнорируя ценностный и поведенческий опыт морали, в том числе регулятивно – нормативный, и многовековую традицию, сформировавшую поведенческие стереотипы и предпочтения, имеющие регламентирующий характер. Пространство российской культуры многомерно; в нем доминирует традиционно – консервативный тренд. Тем не менее, нет оснований отказываться от ряда положений теории стигматизации, которые ориентируются на инноватику и определение вариантов развития периферийных субкультур. 3. Социокультурная стигматизация находит проявление в студенческой субкультуре, ее основой являются поведенческие стереотипы, доминирующим способом избавления – доверительное общение, а продолжительность определяется временем пребывания в образовательном учреждении.

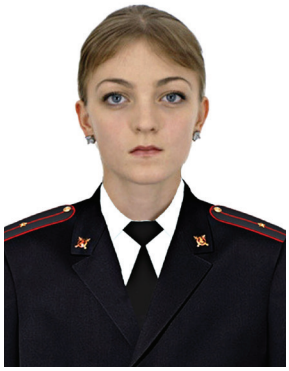
ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов Е. М. Социальный статус и социальные роли личности / Е. М. Бабосов // Социальные личности, стратификации и управления. – Минск : Бел.наука, 2006. – С. 145–160.
2. Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 347 с.
4. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / И. Гофман ; пер. с анг. М. С. Добряковой // Goffman. Stigma: Notes on the Management of SpoiledIdentity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3–6).
5. Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления) / В. Н. Кудрявцев. – М. : РАН ИГ и П, 1992. – 134 с.
6. Позднякова М. Е. Девиантное поведение и интернет (опыт социологического анализа) / М. Е. Позднякова // Сб. науч. тр. / под ред. М. Е. Поздняковой и Л. В. Корнаушенко. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2008. – 184 с.
7. Шнирер Т. От «конкурентного общества» к «обществу переживания»? «Лифт – эффект», субъективная значимость социального неравенства и освобождающая функция изменения ценностей / Т. Шнирер // Социальные и гуманитарные науки. Социология. – 1997. – № 3. – С. 63–71.

© Сироткин Ю.Л., 2015
Статья получена: 01.06.2015

УДК 351.741

А.И. Музеев



М.-В.Е. Толстая

ИЗ ИСТОРИИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проводится краткий анализ развития в России правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: использование результатов оперативно-розыскной деятельности, история оперативно-розыскного права.

С момента формирования оперативно-розыскного (сыскного) права использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) представляло собой юридическую проблему с точки зрения возможности и допустимости их включения в уголовный процесс. Обращаясь к истории российского уголовно-процессуального законодательства, можно отметить, что впервые оперативно-розыскная (сыскная) деятельность как объект правового регулирования была выделена в 1894 г. в Уставе уголовного судопроизводства [1].

В соответствии со ст. 254 Устава полиция получала право на проведение розысков, негласного наблюдения и словесных расспросов. Однако процедура дальнейшего использования полученной при этом информации не находила должного закрепления в нормативных документах.

Вместе с тем в работе полиции придавалось огромное значение фиксации информации до возбуждения уголовного дела. В частности, в Положении о районных охранных отделениях (1906 г.) отмечалась необходимость точной фиксации всех фактов, которые в дальнейшем при формальном расследовании могли бы быть установлены как улики следственными действиями [2]. Таким образом, фактические данные, полученные полицией до возбуждения уголовного дела, могли служить базой для последующего формирования доказательств.

В советский период осуществление ОРМ было предусмотрено в ст. 93 УПК РСФСР 1923 г., которая допускала возможность негласной проверки оперативно-розыскными органами анонимных заявлений о совершенных или готовящихся преступлениях. После проверки объективности и достоверности анонимных сведений они служили поводом к возбуждению уголовного дела. Во всех остальных случаях оперативно-розыскная деятельность признавалась строго секретной и ее результаты не подлежали использованию в расследовании по уголовным делам [3].

В 1958 г. в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик нашла закрепление возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии и расследовании преступлений [4].

В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик эта норма была конкретизирована и включена в число необходимых мер, принимаемых в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. В частности, в ст. 118 УПК РСФСР было указано: на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных

и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлении и лиц, их совершивших». Однако эта норма носила условный характер, поскольку не был определен механизм использования результатов ОРД. Нерегулирован был и порядок доступа следователей, прокуроров к деятельности ОВД и КГБ. Более того, Генеральным прокурором СССР в 1960-е и 1970-е годы издавались ведомственные приказы, в которых запрещалось следователям и прокурорам вмешиваться в деятельность оперативно-розыскных органов. Впоследствии в п. 12 Положения о следственном отделе (управлении), утвержденном приказом МВД СССР от 19 ноября 1973 г. № 325, начальникам следственных отделов было предоставлено право ознакомления с материалами ОРД. Однако подобные ведомственные изменения не решили общей проблемы использования непроцессуальной информации.

Вопрос о придании в уголовном процессе доказательственного значения результатам ОРД продолжительное время оставался дискуссионным. Причиной тому было отсутствие его четкой законодательной регламентации.

Сложившаяся ситуация значительно затрудняла выявление преступлений в стране, особенно их организованных форм. В связи с этим на законодательном уровне предпринимались попытки внести изменения и дополнения в действующие нормативные акты по вопросам использования результатов ОРД. Часть 2 ст. 29 Закона СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» устанавливала возможность осуществления ОРМ с использованием видео- и звукозаписи, киносъемки в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Подчеркнем, что данный нормативный акт предусматривал необходимость допуска результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий в уголовный процесс.

Кроме того, этим законом в Основы уголовного судопроизводства была внесена дополнительная ст. 35-1, в соответствии с которой допускалось прослушивание телефонных и иных переговоров.

Для реализации этого положения закона были разработаны и утверждены Министерством юстиции СССР, Верховным судом СССР, КГБ и МВД СССР «рекомендации по применению средств видео- и звукозаписи, кинофотоаппаратуры, телефонной связи и использованию полученных результатов при раскрытии и расследовании преступлений» от 30 июня 1990 г., согласованные с Генеральным прокурором СССР. В этом межведомственном нормативном акте было предусмотрено применение криминалистических и иных технических средств до возбуждения уголовного дела.

Данный нормативный акт восполнил определенные пробелы в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Однако его отдельные положения, в частности, широкая возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий еще до возбуждения уголовного дела вызывали резкое противодействие со стороны судей и прокуроров, в особенности, когда такие действия выполнялись органами КГБ СССР. В то же время в нем не получили четкого определения предмет и пределы прокурорского надзора и преобразование результатов проведенных ОРМ в доказательства по уголовным делам.

В Законе РФ об ОРД, принятом в 1992 г., в ст. 10 отмечалось: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством».

В новом ФЗ об ОРД 1995 г. в ст. 11 также закреплена возможность использования результатов ОРД. Их использование в качестве поводов, оснований возбуждения уголовного дела и доказываний по уголовным делам

допускается в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующего собирание, проверку и оценку доказательств. Таким образом, принятие открытого нормативного акта, во-первых, законодательно регламентировало всю ОРД, в силу чего материалы, полученные в процессе ее осуществления, потеряли свойство «не подлежащих разглашению данных» или «материалов, добытых негласным путем» и не имеющих доказательственного значения. Напротив, многие из них могут иметь значение «данных, полученных в предусмотренном законом порядке», в связи с чем положительно может решаться вопрос о допустимости их использования по уголовному делу.

Субъектам доказывания, как следует из этого, надлежит самим определять, какие данные, полученные оперативным путем, и в каком количестве использовать.

Пленум Верховного Суда РФ, проанализировав судебную практику в части оценки и использования результатов ОРД при расследовании уголовных дел, констатировал, что результаты ОРМ, связанные с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, предусмотренных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам лишь в том случае, если они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проведены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [5].

В настоящее время значительный объем информации, находящейся в делах оперативного учета и иных формах оперативно-розыскного производства, не используется в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и по причине несовершенства нормативного регулирования. В связи с этим законодательство, регулирующее использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, требует уточнения. При этом существенное значение имеет соотношение норм оперативно-розыскного и уголовно- процессуального законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав уголовного судопроизводства. – Доступ из СПС «Гарант». – URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 14.05.2015).
2. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1970 гг.) / З. И. Перегудова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 397.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3551 (дата обращения: 02.05.2015).
4. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=1654&req=doc (дата обращения: 02.05.2015).
5. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 г. № 8 : в ред. от 03.03.2015 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176027/ (дата обращения: 2.05.2015).

© Музеев А.И., 2015
© Толстая М.-В.Е., 2015
Статья получена: 02.06.2015

УДК 349.4

П.И. Иванов

П.Г. Кузнецов

ОБ ОПЫТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ «ЛЕСОВОЗ – 2014» (ПО МАТЕРИАЛАМ УТ МВД РОССИИ ПО ДФО)

В настоящей статье авторы излагают обобщенный ими опыт проведения УТ МВД России по ДФО оперативно-профилактических мероприятий «Лесовоз-2014».

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, транспортная полиция, лесопромышленный комплекс, оперативно-профилактические мероприятия, незаконный оборот леса и лесоматериалов.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [1] к числу источников угроз отнесены организованная преступность и коррупция, которые, как известно, существенным образом тормозят проведение рыночных реформ в стране.

Анализ многолетней практики убедительно показывает, что бюджетообразующие отрасли экономики, включая лесопромышленный комплекс, на фоне роста влияния криминальных структур и коррупционных проявлений оказались наиболее криминализированными [2]. Что же касается лесопромышленного комплекса, то эта отрасль экономики привлекает внимание не только российской организованной преступности, но и международной. Криминальные структуры в своих корыстных целях пытаются использовать и то обстоятельство, что лесопромышленный комплекс является одной из самых экспортно- ориентированных отраслей экономики России. По объемам экспорта данный комплекс занимает 4-е место среди российских отраслей промышленности, после экспорта газа, нефти, черных и цветных металлов Не случайно еще в 2007 г. МВД России на очередном заседании коллегии специально рассмотрело вопрос «О состоянии борьбы с преступлениями в лесопромышленной отрасли Российской Федерации и мерах по повышению ее эффективности» [3]. По итогам коллегии МВД России была предусмотрена система организационных и практических мер по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов. В 2007 же году Правительством РФ была утверждена Концепция развития лесного хозяйства Российской Федерации до 2010 года [4]. Тогда же была образована межведомственная комиссия по противодействию незаконным заготовкам и обороту древесины [5].

Спустя три года был принят Федеральный закон [6], который предусмотрел несколько иной порядок учета и маркировки древесины, ее транспортировки и учета сделок с ней. Законодательно также была закреплена необходимость создания единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) учета древесины и сделок с ней. В целях реализации норм названного Закона Правительством РФ был принят ряд постановлений [7].

Несмотря на проделанную большую работу, в том числе нормативно-правового плана, не удалось стабилизировать криминогенную ситуацию в лесопромышленном комплексе [8]. Исследователи отмечают, что прогноз экономической и коррупционной преступности в лесопромышленном комплексе в ближайшем будущем неутешителен.

Учитывая данное обстоятельство, мы полагаем полезным распространить положительный опыт, наработанный, в частности, ОВД на транспорте при проведении оперативно-профилактического мероприятия «Лесовоз-2014» (далее – ОПМ «Лесовоз»).

В настоящей статье нами предпринята попытка обобщить опыт организации проведения ОПМ «Лесовоз-2014» в управлении на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу (УТ МВД России по ДФО).

Дальневосточный федеральный округ занимает первое место в России по площади лесов, второе место (после Восточной Сибири) по запасу древесины и третье место по добыче леса. Как видим, все «призовые» места достались регионам, входящим в состав названного округа.

Особо следует отметить, что начиная с середины 90-х годов в Приморье (в частности, в Дальнереченском и Красноармейском районах) стал формироваться отлаженный механизм нелегального лесного бизнеса. По оценкам специалистов, общий объем незаконно заготовленной древесины в крае за год составляет около 1,5 миллиона кубометров. Древесина разворовывается и вывозится в соседние страны, прежде всего, в КНР.

Чтобы понять масштабы хищений леса, приведем лишь две цифры. Если весь бюджет Приморского края равен около 300 млн долларов, то объем незаконно заготовленной древесины и вывезенной в Китай составляет порядка 200 млн долларов.

Вот почему возникла объективная необходимость проведения совместных целевых оперативно-профилактических мероприятий «Лесовоз». Основная их цель: перекрытие каналов транспортировки незаконно заготовленной древесины, выявление и документирование преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота леса и лесопродукции.

Нельзя не отметить правовую основу проводимых мероприятий: это поручение Правительства РФ от 11 марта 2011 г. № ВЗ-П9-1395, план работы межведомственной комиссии по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины на 2014 г. В соответствии с указанными документами в период с 10 февраля по 31 марта 2014 г. в УТ МВД России по ДФО были проведены эти мероприятия.

На территории участка обслуживания ЛО МВД России на ст. Уссурийск, Владивостокского ЛУ МВД на транспорте, Уссурийской, Владивостокской и Хасанской таможни в истекшем году было зарегистрировано 21 сообщение о преступлениях, предусмотренных ст. 260 УК РФ; 193 УК РФ; 194 УК РФ; 226.1 УК РФ; 159 УК РФ; 327 УК РФ. Для сравнения: в 2013 г. всего было зарегистрировано 3 сообщения о преступлениях в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов.

Отсюда следует, что правоохранительными органами на транспорте и в таможенной сфере в прошлом году на 85% больше было выявлено преступлений указанной категории.

Анализ практики показывает, что проводимые оперативно-профилактические мероприятия оказываются наиболее результативными, когда ЛО (ЛУ) МВД России на транспорте разрабатывают и осуществляют их совместными усилиями территориальных отделов полиции, правоохранительных и контролирующих органов. Сами руководители линейных подразделений УТ МВД России по ДФО, начальники отделов ЭБиПК линейных подразделений УТ МВД России по ДФО входят в состав межведомственных рабочих групп и комиссий по противодействию незаконного оборота леса и лесоматериалов. Они принимают также участие в заседаниях координационных советов правоохранительных органов по рассматриваемой тематике при прокуратурах субъектов ДФО. Только в истекшем году по вопросу организации эффективной работы по пресечению незаконной транспортировки леса и лесоматериалов, выяв-

лению смежных составов преступлений, а также определения единого подхода к квалификации противоправных действий было проведено три координационных совещания в Дальневосточной транспортной прокуратуре с участием представителей Дальневосточного следственного управления на транспорте СК РФ и Дальневосточной оперативной таможни.

Следует отметить, что организационной основой межведомственного взаимодействия с таможенными органами является план оперативно-розыскных мероприятий по выявлению преступлений, предусмотренных ст. 194 и 226.1 УК РФ. Проблемные вопросы межведомственного взаимодействия при документировании преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопродукции, а также пути их решения регулярно обсуждались на заседании межведомственной комиссии по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины. Такая комиссия свою работу строит на основе ежегодно принимаемого ею плана.

УТ МВД России по ДФО с целью координации совместных действий и взаимного обмена информацией о лицах, обоснованно подозреваемых в незаконном обороте и транспортировке леса и лесоматериалов, проводит рабочие встречи с представителями правоохранительных и контролирующих органов Дальневосточного региона [9].

Места погрузки и выгрузки лесных грузов на железнодорожном и водном транспорте, складские и терминальные комплексы, подъездные пути и подвижной состав (в том числе по обеспечению миграционного законодательства РФ) как объекты первоочередной оперативной заинтересованности находятся под пристальным вниманием не только подразделений ЭБиПК [10], но и таможенных органов. Для подразделений ЭБиПК и таможенных органов одной из острейших проблем остается выявление и ликвидация фирм-однодневок, которые являются основными нарушителями таможенного законодательства. Среди них немало предприятий со 100% иностранным капиталом, создаваемых ради проведения единственной экспортной операции. После завершения процедуры государственной регистрации предприятия заключается контракт на экспорт древесины. Российский партнер исполняет свои обязательства по поставке леса за границу. Само предприятие прекращает свою финансово-хозяйственную деятельность. Валютная выручка за экспортированный лес в Россию не поступает. Практикуются плановые совместные их проверки.

Материалы проверки по преступлениям, связанным с незаконным оборотом леса и лесопродукции, с целью их своевременной доработки и реализации в период проведения ОПМ заблаговременно согласовываются как со следственными органами, так и органами прокуратуры.

Представляет интерес и тот факт, что в прошлом году в линейные подразделения УТ МВД России по ДФО для изучения и применения на практике были направлены два указания, две методические рекомендации и один обзор положительного опыта по вопросам выявления и пресечения преступлений в сфере незаконного лесоиспользования, переработки нелегально заготовленной древесины и ее вывоза за рубеж. Руководство УТ МВД России по ДФО регулярно ориентирует личный состав на выявление и документирование фактов коррупции при организации транспортировки лесных грузов, фактов выполнения работ и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, незаконной эксплуатации подъездных путей, нелегальной перевозки леса и незаконной порубке леса в зоне оперативной ответственности. Отметим одну особенность: в зоне оперативного обслуживания УТ МВД России по ДФО перемещение лесопродукции осуществляется через два железнодорожных перехода (ст. Гродеково и ст. Хасан) и 14 водных (п. Ванино, п. Советская Гавань, п. Николаевск – на – Амуре, п.п. Де-Кастри, п. Владивосток, п. Восточный, п. Находка, п. Зарубино, п. Ольга, п. Посьет, п. Пластун, п. Славянка, п.п.Рудная пристань, Хабаровский речной порт), которые находятся в оперативном обслуживании Сахалинской, Владивостокской, Хабаровской, Биробиджан-

ской, Гродековской, Хасанской, Ванинской, Амурской таможни. Разумеется, такое перемещение лесопродукции создает значительные сложности в ходе документирования. При необходимости на помощь приходит ГУТ МВД России, которое координирует работу заинтересованных служб и подразделений. Так, сотрудниками ЛО МВД России на ст. Уссурийск совместно с сотрудниками УФСБ России по Приморскому краю в ходе оперативного сопровождения уголовного дела, возбужденного по признакам состава преступления п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, по факту получения взятки сотрудником пограничного таможенного поста Уссурийской таможни в сумме 154 тысяч рублей было установлено, что генеральный директор ООО «Юнь Хай» гражданин «М» инициативно предложил исполнительному директору ООО «Легион» гражданке «К» обеспечить беспрепятственный вывоз из Российской Федерации в КНР от имени ООО «Легион» лесоматериалов, пообещав оказать через своего знакомого сотрудника таможни содействие о неприменении в отношении ООО «Легион» мер таможенного контроля, в обмен на ежемесячное денежное вознаграждение в сумме 3 тысяч рублей за каждый вагон с лесоматериалами. Общая сумма взятки, переданной гражданкой «К» гражданину «М», в качестве оплаты сотруднику пограничного таможенного поста, составила 81 тыс. рублей.

Или другой пример. Сотрудниками отдела ЭБиПК Находкинского ЛО МВД России на транспорте совместно с Находкинской таможней была установлена группа лиц из трех человек, которая осуществила незаконное перемещение через таможенный пост «Морской порт Находка» лесоматериалов на сумму свыше 2 млн рублей. В ходе расследования данного факта в рамках возбужденного уголовного дела по ст. 226.1 УК РФ дополнительно совместной следственно-оперативной группой было установлено еще три аналогичных эпизода преступной деятельности указанной группы.

Нельзя не отметить и то, что после вступления в силу Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были снижены количественные показатели по выявлению преступлений в рассматриваемой отрасли в УТ МВД России по ДФО. Как известно, в соответствии с названным Законом утратила силу ст. 188 УК РФ «Контрабанда», и дела оперативного учета по данной линии были окончены производством и больше не заводились.В настоящее время прямой контрабанды почти нет. Однако большое распространение получили такие способы, как необоснованное применение преференций, занижение таможенной стоимости товаров и ресурсов, фальсификация кодов товарной номенклатуры и стран производителей товаров, а также фиктивные сделки. К их числу следует отнести создание и регистрацию новых юридических лиц и реквизитов «дочерних» организаций, что обеспечивает получение новых лицензий таможенных перевозчиков и возобновление противоправной деятельности.

Преступления, связанные с незаконным перемещением через государственную границу Российской Федерации стратегически важных товаров и ресурсов [13], продолжают совершаться в сфере внешнеэкономической деятельности. Однако результаты их выявления и раскрытия во многом свидетельствуют о недостаточности принимаемых мер на территории участка обслуживания ЛО МВД России на ст. Уссурийск, Владивостокского ЛУ МВД России на транспорте. Всего в прошлом году было выявлено 5 преступлений по ст. 226.1 УК РФ, связанных с незаконным экспортом леса и лесоматериалов.

Подавляющее большинство преступлений данной категории выявляется посредством проведения встречных проверок документов, подаваемых в ходе декларирования экспортируемого леса и лесоматериалов. Тем самым сотрудники транспортной полиции иным путем (помимо получаемой информации из таможенных органов) мало что могут сделать в части изучения внешнеэкономических операций (сделок), связанных с незаконным перемещением через государ-

ственную границу Российской Федерации стратегически важных товаров и ресурсов. Информационное взаимодействие с таможенными органами, как правило, происходит уже по случившимся фактам либо возбужденным уголовным делам, а не по конкретным оперативным материалам, находящимся в производстве сотрудников таможни, по которым возможно совместное проведение оперативно-розыскных и технических мероприятий с привлечением сил и технических средств транспортной полиции.

В заключение считаем возможным отметить следующее.

Во-первых, в настоящей статье, из-за ограниченности ее объема, нам не удалось осветить всю проводимую работу в рамках ОПМ «Лесовоз – 2014». Мы сфокусировали свое внимание лишь на наиболее значимой ее части.

Во-вторых, обобщение положительного опыта – не самоцель. Мы перед собой ставим задачу его распространения, с тем, чтобы без проб и ошибок практические подразделения могли бы применять в своей деятельности, связанной с разработкой и проведением ОПМ «Лесовоз».

Наконец, *в-третьих*, любой опыт предполагает учет местных условий, как организационно-штатных, так и социально-экономических применительно к лесопромышленному комплексу.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20, ст. 2444.
2. Такая криминогенная ситуация, в частности, в лесопромышленном комплексе, сложилась давно. Об этом см.: Сафиюлина П.Р. Факторы, обусловливающие необходимость защиты лесопромышленного комплекса от преступных посягательств / П. Р. Сафиюлина // Оперативник (сыщик). – 2008. – № 2 (15). – С. 41–42; Иванов П. И. К вопросу о сращивании российской организованной преступности с транснациональной преступностью в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов / П. И. Иванов, Р. Ш. Шегабудинов, П. Р. Сафиюлина // Сборник научных трудов по проблемам транснациональной преступности. – М.: ЦОКР МВД России. – 2009. – С. 40–49.
3. Приказ МВД России № 1169. – 2007 г.
4. Об утверждении Концепции развития лесного хозяйства Российской Федерации до 2010 года : распоряжение Правительства РФ от 28 сентября 2007 г. № 1305 – р // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41, ст. 4919.
5. Об образовании межведомственной комиссии по противодействию незаконным заготовкам и обороту древесины : приказ Министерства природных ресурсов РФ, МВД РФ № 238/802 от 12 сентября 2007 г.
6. О внесении изменений в Лесной кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях : Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 415-ФЗ.
7. Об утверждении Правил учета древесины : постановление Правительства РФ от 26 декабря 2016 г. № 1525; Об утверждении Перечня информации о маркировке древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень), предоставляемой в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней : распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2014 г. № 2582-р; Об утверждении Правил представления информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней : постановление Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1301; О порядке эксплуатации единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней : постановление Правительства РФ от 28 января 2015 г. № 55; О направлении запросов о предоставлении информации, содержащейся в единой государственной автоматизированной информационной системе учета древесины и сделок с ней: постановление Правительства РФ от 3 ноября 2014 г. № 1148.
8. Организационно-экономические и правовые механизмы реализации национальных интере-

сов в лесной сфере : монография. – М.: ОАО «Институт микроэкономики», 2013. – 308 с.
9. На территории ДФО контрольно-надзорные и правоохранительные функции в ЛПК и внешнеэкономической деятельности осуществляют следующие органы власти: Министерство природных ресурсов, Управление охраны окружающей среды, Комитет лесной промышленности, Управление лесами, включая подведомственные лесхозы и лесничества, таможенные органы, налоговые инспекции, Россельхознадзор, МВД России, ФСБ России, прокуратура по субъектам ДФО.
10. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 УК РФ: постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923.

© Иванов П.И., 2015
© Кузнецов П.Г., 2015
Статья получена: 23.05.2015

УДК 343.532

М.А. Ефремова **А.А. Борзиков**

ОБМАН ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются дискуссионные вопросы целесообразности криминализации обмана потребителей как состава преступления и эффективность защиты прав потребителей средствами административно-правового регулирования в настоящий период, анализируются основные подходы к пониманию правовой природы состава указанного правонарушения, актуальная законодательная инициатива о криминализации состава, на предмет обоснованности дополнения уголовного закона новым видом преступления, ранее декриминализованным законодателем.

Ключевые слова: уголовное право, административное право, криминализация составов правонарушений, основания декриминализации, обман потребителей, защита прав потребителей.

Сфера потребления товаров и услуг является одной из важнейших в структуре всей экономической деятельности, так как абсолютно каждый гражданин выступает в качестве потребителя на протяжении всей своей жизни, что предопределяет и логичную необходимость правовой защиты его прав и законных интересов. Именно по этой причине целью настоящей статьи является попытка разобраться в эффективности механизма правовой защиты интересов потребителей и перспективе возвращения уголовной ответственности за обман потребителей при осуществлении предпринимательской деятельности на розничных рынках.

В настоящий момент одним из правовых механизмов защиты интересов потребителей выступает административная ответственность. Так, в соответствии со ст. 14.7 КоАП РФ под обманом потребителя понимается обмеривание, обвешивание, обсчет потребителей при реализации товара (работы, услуги), введение потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств, качества товара (работы, услуги) при производстве товара в целях сбыта либо при реализации товара (работы, услуги) или иной обман потребителей [6]. Необходимо отметить, что квалификация обмана потребителей согласно ст. 14.7 КоАП РФ не зависит от суммы ущерба, нанесенного конкретному потребителю. При этом КоАП РФ под обманом покупателей подразумевает одноразовое противоправное действие виновного лица, то есть не квалифицирует такой обман как длящееся или продолжаемое правонарушение [4, с. 1]. Данное обстоятельство позволяет привлечь лицо к административной ответственности путем составления протокола об административном правонарушении уполномоченным должностным лицом при обнаружении самого факта противоправного деяния, в том числе при проведении проверок по заявле-

нию потерпевшего гражданина. Обращает на себя внимание и субъективная сторона рассматриваемого правонарушения, которая состоит в прямом умысле [5, с. 695–697], что исключает административную ответственность при неосторожных действиях продавца.

Современные предложения по криминализации состава правонарушения

В настоящее время ряд представителей науки уголовного права полагает целесообразным вернуть уголовную ответственность за обман потребителей ввиду широкого распространения этого правонарушения и недостаточности мер административного воздействия. Весьма примечательной является законодательная инициатива депутата В.Ф. Шрейдера, в соответствии с которой за неоднократный обман потребителя предлагается наказывать предпринимателей (в том числе индивидуальных) штрафом до 1 млн рублей или обязательными работами на срок до 240 часов либо исправительными работами от одного года до двух [14]. Разработанный им проект поправок в Уголовный кодекс успешно прошел юридическую экспертизу в правовом управлении Госдумы [12]. Основанием уголовной ответственности, таким образом, будет выступать повторное совершение административного правонарушения. Тех же, кто обманул потребителей впервые, предполагается наказывать по действующему Кодексу об административных правонарушениях. Социальная обусловленность возвращения уголовной ответственности за это деяние состоит в том, что после смягчения наказания факты обмана покупателей резко возросли в структуре правонарушений, а выпуск и реализация низкокачественных товаров и фальсифицированной продукции увеличились [13].

Следует отметить, что ранее уголовная ответственность за это общественно опасное деяние в отечественном законодательстве была предусмотрена ст. 200 УК РФ, в соответствии с которой под обманом потребителей понималось обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуги) или иной обман потребителей в организациях, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению, а равно гражданами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей в сфере торговли (услуг), если эти деяния совершены в значительном размере [10]. С учетом того, что состав анализируемого преступления был сконструирован как материальный, для наступления уголовной ответственности требовалось наличие общественно опасных последствий в виде значительного ущерба, под которым в соответствии с примечанием к ст. 200 УК РФ понимался ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда [10].

Однако в соответствии с ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» от 08.12.2003 г. данная статья УК РФ утратила силу [11].

Декриминализация указанной нормы была обусловлена рядом факторов. Одной из главных причин, отмечаемых в науке того времени, являлся низкий уровень общественной опасности указанного деяния, не отвечающей всем признакам преступления. Как отмечает Н.А. Егорова, именно общественно опасные последствия – главное основание криминализации деяния, а размер причиненного ущерба – первостепенный признак, отличающий преступление от проступка. Примечательно, что ни множественность субъектов правонарушения, ни его неоднократность, ни его совершение специальным субъектом в данном случае не "превращают" административный проступок в преступление. Основанием уголовной ответственности за обман потребителей, как известно, считался обман в значительном размере, т.е. причинивший потребителям ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда [3, с. 10–11]. Стоит отметить, что с 1 мая 2002 года (Примеч. авт. – на период решения вопроса о декриминализации указанного состава преступления) минимальный размер оплаты труда составлял 450 рублей в месяц. Следовательно, уголовная ответственность могла наступить для недо-

бросовестного коммерсанта при обмане потребителя на сумму более 45 рублей. Столь небольшие общественно опасные последствия указанного деяния, входящие в явный дисбаланс с другими экономическими преступлениями и даже с преступлениями против собственности, по мнению указанного автора, никак не преодолевают "планку" общественной опасности административного проступка [3, с. 11]. В качестве одного из возможных вариантов сохранения указанного преступления была также разработка состава торгового мошенничества как специфического вида хищения, однако, в силу специфики состава, весьма затруднительным было выделить основной объект преступного посягательства – сфера товаров и услуг или право собственности граждан, в связи с чем эта идея не нашла законодательной поддержки. В качестве оснований декриминализации выступали также интересы экономического развития – необходимость либерализации рынка, развитие малого и среднего предпринимательства, в том числе и в сфере услуг, а подобный «рудимент» советского уголовного права вряд ли мог этому способствовать.

Основания и средства криминализации обмана потребителей

Как уже было отмечено, одним из предлагаемых вариантов криминализации обмана потребителей, вместо прежнего указания на существенный ущерб, является введение административной преюдиции, сущность которой состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия [1, с. 48–49]. По мнению ряда исследователей, подобный подход призван решить сразу несколько задач:

- с одной стороны, конструируя составы с административной преюдицией, законодатель тем самым предупреждает и административные деликты, и смежные с ними уголовно наказуемые деяния, исходя из презумпции: превенция проступков есть не что иное, как предупреждение преступлений, равным образом, как и наоборот [1, с. 49–50];

- с другой стороны, административная преюдиция фактически позволяет признать факт повторного совершения административного проступка обстоятельством, свидетельствующим о повышении общественной опасности субъекта, неэффективности мер административного воздействия и тем самым дает возможность привлечь лицо к уголовной ответственности ввиду систематического противоправного деяния и общей распространенности правонарушений в отдельных сферах [2, с. 37].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что далеко не все представители науки уголовного права соглашаются с приведенным выше мнением. В частности, высказывается точка зрения, что повторное совершение административного проступка не может рассматриваться в качестве обстоятельства, резко повышающего общественную опасность лица [3, с. 11]. Следуя такой логике, можно было бы рассматривать как преступление и несколько мелких хищений, систематическое мелкое хулиганство и иное нарушение общественного порядка, которое свидетельствует о неуважении лица к обществу, а равно и систематическое нарушение Правил дорожного движения. Однако указанные обстоятельства в современный период в соответствии с нормами УК РФ уголовной ответственности не влекут и о «превращении» правонарушителя в преступника не свидетельствуют.

Весьма спорной представляется и идея о том, что основанием криминализации деяния может выступать одна лишь только распространенность правонарушения в определенной сфере. Опираясь на фундаментальные труды В.Н. Кудрявцева, стоит отметить, что установление любого уголовного запрета связывается не с одним, а с целой совокупностью факторов, свидетельствующих о том, что деяние представляет общественную опасность. В противном случае возможно возникновение уголовно-правовых новелл на такой основе, выражающей не столько объективную общественную необходимость, сколько пред-

рассудки, состоящие в переоценке социально-регулятивных возможностей уголовной репрессии [7, с. 164–168].

Выводы

Таким образом, наличие только лишь одного факта распространенности указанного явления в структуре правонарушений и фактическая невозможность «материализации» указанного состава преступления, которая была бы обусловлена конкуренцией этой нормы с мошенничеством, посягающим на собственность граждан [9], не позволяет нам говорить о целесообразности возвращения уголовной ответственности за обман потребителя.

Вместе с тем для повышения эффективности правовой защиты населения в сфере нарушения прав потребителей автору настоящей работы видится возможным реформирование состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.7 КоАП РФ. В настоящий момент за совершение противоправных действий, предусмотренных настоящей статьей, применяется административное наказание в виде штрафа, налагаемого на граждан в размере от 3 до 5 тысяч рублей, должностных лиц в размере от 10 до 20 тысяч рублей и юридических лиц в размере от 20 до 40 тысяч рублей [6]. Вместе с тем субъектами указанного правонарушения отдельно в санкции статьи не называются индивидуальные предприниматели, которые во многих составах КоАП РФ фигурируют в качестве самостоятельных субъектов ответственности. В связи с этим индивидуальный предприниматель привлекается к ответственности по этой статье как физическое лицо, что является не совсем логичным ввиду того, что значительная часть административных правонарушений совершается зачастую ИП, реализующими свою продукцию именно на розничном рынке товаров и услуг. Поэтому представляется возможным в качестве самостоятельного субъекта административной ответственности в санкции данной статьи указать лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и установить в этом случае штраф в размере от 15 до 30 тысяч рублей, что, с учетом принудительного характера взыскания штрафа в случае его неуплаты, будет более адекватной мерой ответственности. Ввиду широкого распространения указанного правонарушения и неоднократных фактов обмана розничными сетями целесообразно также пересмотреть размер штрафа для юридических лиц и установить его в размере от 30 до 50 тысяч рублей. Подобные меры будут более эффективными способами защиты прав потребителей, нежели необоснованное возвращение ответственности за ранее декриминализованное преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безверхов А. Г. Возвращение "административной преюдиции" в уголовное законодательство России / А. Г. Безверхов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 48–53.
2. Гущина И. А. Рецидив в случае обмана или злоупотребления доверием на потребительском рынке / И. А. Гущина // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 37 – 38.
3. Егорова Н. А. Уголовная ответственность за обман потребителей / Н. А. Егорова // Российский следователь. – 2003. – № 8. – С. 10 – 12.
4. Ковтун А. Торговое мошенничество / А. Ковтун // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 40. – С. 1–2.
5. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А. Г. Авдейко и др. ; под общ. ред. Н. Г. Салищевой. – 7-е изд. – М.: Проспект, 2011. – 1296 с.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : ред. от 24.11.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 1.
7. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 304 с.

8. Погосян Т. Ю. Уголовно-правовые аспекты защиты потребителя от контрафактной и фальсифицированной продукции / Т. Ю. Погосян // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 141–144.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 21.07.2014 (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 31.10.2002 (недействующая редакция) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954.
11. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ : ред. от 07.12.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50, ст. 4848.
12. URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/
13. URL: http://ppt.ru/news/119274
14. URL: http://izvestia.ru/news/552815

© Ефремова М.А., 2015
© Борзиков А.А., 2015
Статья получена: 26.05.2015

Всероссийская научно-практическая конференция адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов «Юридическая наука и практика: история и современность»

14 мая 2015 года в Казанском юридическом институте МВД России состоялась всероссийская научно-практическая конференция адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов «Юридическая наука и практика: история и современность».

В зале Учёного совета учебного комплекса № 1 (ул. Оренбургский тракт, 128) с 10.00 до 17.00 ч. была организована работа секции «Теория и практика противодействия преступности уголовно-правовыми средствами».

Для участников конференции из Волгограда, Барнаула, Нижнего Новгорода, Набережных Челнов была проведена экскурсия по музею института.

В начале мероприятия от имени начальника КЮИ МВД России доктора педагогических наук, генерал-майора полиции Ф.К. Зиннурова заместитель начальника института по научной работе полковник полиции С.Н. Миронов поприветствовал участников.

Руководитель работы секции – начальник кафедры уголовного права кандидат юридических наук, доцент полковник полиции М.Р. Гарафутдинов – выступил с приветственным словом, в котором изложил цели и задачи предстоящей работы, подчеркнул, что в рамках секции планируется подведение итогов организованного кафедрой межвузовского конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу курсантов и студентов юридических вузов (факультетов) России.

Многие участники конференции сопровождали свои доклады презентациями, что значительно облегчало восприятие научного текста, инициировало интерес других участников, побуждало их задавать вопросы. Ярким было выступление курсанта Волгоградской академии МВД России Б.В. Муслимова. Интересное сообщение представила курсант Барнаульского юридического института МВД России О.О. Могильницкая. Большое внимание аудитории вызвали тезисы курсанта Нижегородской академии МВД России М.В. Каталевского.

Казанский юридический институт МВД России достойно представили курсанты Толстая М.-В.Е., Поливанова А.О., Гордеева В.С., Ахметшин Р.Р., Лотфуллина Д.Р., Коротина Е.А., Астафьева А.А., Мингатин Р.Р., Абдрахманова Л.Н., Иванов А.С., Райманов А.С. Запоминающимся было выступление адъюнкта кафедры уголовного права капитана юстиции Д.В. Кузнецова. Активное участие в работе секции принял адъюнкт кафедры криминологии старший лейтенант полиции Юнусов А.Л.

На основе предварительного рецензирования 21 научно-исследовательской работы, с учётом обоснованности предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, а также оценки выступлений, умения вести научную дискус-

сию, экспертной комиссией были подведены итоги межвузовского конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу курсантов и студентов юридических вузов (факультетов) России «Теория и практика противодействия преступности уголовно-правовыми средствами».

Победители конкурса были награждены дипломами председателем комиссии начальником кафедры уголовного права Гарафутдиновым М.Р.

Секционные заседания конференции были организованы также по следующим направлениям: «Актуальные проблемы правового регулирования государственных и гражданско-правовых отношений на современном этапе»; «Преступность и ее тенденции в современной России, проблемы общей и специальной превенции преступности»; «Социально-политическое и экономическое положение личности в российском обществе: проблемы девиантного поведения и социального контроля»; «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью»; «Вопросы укрепления правопорядка в современном обществе». Следует отметить, что все участники секционных заседаний подготовили содержательные, научно-обоснованные доклады.

Так, выступления курсанта Волгоградской академии МВД России А.Д. Бирюковой, курсантов Казанского юридического института МВД России И.А. Музафарова, Ж.Е. Валеевой, студентов Набережночелнинского института К(П)ФУ Р.А. Гибадуллиной, А.А. Гавриловой и ряда других вызвали оживленные дискуссии, в ходе которых были высказаны самые разные точки зрения о многих актуальных проблемах юридической науки. По результатам работы секций наиболее активным участникам конференции были вручены дипломы I, II и III степени.

Научная работа с курсантами и слушателями является увлекательным и в то же время сложным направлением работы преподавателей. Приезд представителей других вузов МВД России усилил интерес курсантов нашего института к конференции, позволил обменяться результатами проведенных исследований.

Проведение подобных научных мероприятий, несомненно, способствует развитию качеств, необходимых в работе профессионального юриста: красноречия, способности отстаивать свою точку зрения, уверенности в себе и умения выступать перед большой аудиторией.

Старший преподаватель
кафедры уголовного права
к.ю.н. О.В. Артюшина

Итоговая конференция института «Социально-экономические и правовые аспекты обеспечения правоохранительной деятельности в Российской Федерации»

3 июня в институте состоялась всероссийская научно-практическая конференция «Третьи юридические чтения» Организаторами конференции выступили сотрудники научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, кафедры института.

На пленарном заседании присутствовали заместитель министра внутренних дел по Республике Татарстан генерал-майор внутренней службы Д.Р. Динниулов, помощник Прокурора Республики Татарстан член-корреспондент АН РТ, д.ю.н., профессор Ф.Н. Багаутдинов, сотрудники Омской академии МВД России, ученые Ульяновского государственного университета, члены научно-практической секции МВД по РТ, начальники кафедр, руководители структурных подразделений института, профессорско-преподавательский состав, слушатели, повышающие свою квалификацию на факультете профессионального обучения и дополнительного профессионального образования из регионов Российской Федерации.

На пленарном заседании выступили ведущие ученые института, чьи научные исследования получили широкое распространение в республике и стране в целом. Красной нитью выступлений звучала мысль о том, что вопросы национальной безопасности сегодня особенно актуальны в связи с присоединением Крыма и положением на Украине в целом. Осложнение отношений со странами НАТО, введение санкций против России ставит перед российскими учеными и сотрудниками правоохранительных органов новые задачи, решение которых необходимо в ближайшее время. Сегодня существует широкий спектр внешних и внутренних угроз безопасности страны. Безопасность является многоаспектной категорией, не имеющей линейного разрешения существующих проблем. В целях усиления национальной безопасности Российской Федерации в ближайшие годы необходимо предпринять целый комплекс организационных, социальных и правовых мер, направленных на поднятие степени защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства на принципиально новый уровень.

Доклад заслуженного деятеля науки РФ и Татарской АССР, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры уголовного права КЮИ МВД России В.П. Малкова был посвящен особенностям применения уголовного закона об отягчающих обстоятельствах при назначении наказания.

Доктор социологических наук, профессор начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России Ю.Ю. Комлев сделал доклад на тему «Пост-постмодернистский синтез знаний о причинах преступности – новый вектор в развитии криминологии».

В своем выступлении доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики КЮИ МВД России Г.Н. Хадиуллина рассмотрела актуальные проблемы государственной налоговой политики Российской Федерации.

Доктор юридических наук начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России Р.Р. Алиуллов в своем докладе проанализировал проблемы административного права Российской Федерации.

Работа пленарного заседания конференции показала высокое качество и широкий спектр научных исследований, проводимых в институте. Фактически каждое выступление вызывало вопросы и желание продолжить дискуссию.

Далее состоялись секционные заседания конференции по следующим направлениям: «Социально-экономические, историко-правовые и гражданско-правовые аспекты борьбы с преступностью в российском обществе»; «Актуальные проблемы исследования современной преступности: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты»; «Криминалистические, оперативно-розыскные и административно-правовые проблемы противодействия преступности и административным деликтам»; «Теория и практика совершенствования профессиональной подготовки курсантов вузов МВД России».

Отметим, что проведение подобных конференций способствует межвузовскому и межкафедральному сотрудничеству, позволяет создать площадку для обмена мнениями, вынести для обсуждения научные проблемы, требующие своего разрешения.

Начальник НИиРИО
Д.Э. Кабиров

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Ankudinov A.B., Nugumanova D.R. Formation and application of codes of transparency and quality of corporate governance in Russian companies

Corporate transparency (disclosure of relevant financial and operational information and internal processes of management oversight and control) is traditionally one of the main characteristics of good corporate governance as a factor that largely determines the ability to implement and safeguard the rights of shareholders. In the frames of the research the number of domestic indices of transparency and corporate governance are analyzed, their role in enhancing the investment attractiveness of domestic companies are identified.

Keywords: transparency, the index of transparency, corporate governance, corporate governance, transparency, corporate governance criteria.

Bezrukov A.V. The internal Affairs bodies in the mechanism of law enforcement in the Russian Federation

The article reveals the organizational-legal basis, powers and role of internal Affairs bodies in the mechanism of law enforcement. The author focuses on the effectiveness of law enforcement bodies of internal Affairs in cooperation with public authorities, other law enforcement bodies, public associations. The role of heads of territorial bodies of internal Affairs in ensuring the efficient organization of such interaction, especially in the conduct of public events and election campaigns are described.

Key words: the bodies of internal Affairs, police, law enforcement, interaction, law enforcement agencies, public authorities.

Artushina O.V. Criminological characteristics of violent crime in contemporary Russia

The article reveals the state level (coefficient), the proportion of latency, geography, structure, nature and dynamics of violent crime as of 2014.

Keywords: violent crime, a crime against the person, the crime rate.

Bogatkin R.Sh., Sadykova I.V. Actual problems of investigation of criminal cases involving foreign citizens and persons with diplomatic immunity: Theory and Practice

In this article the problems and specificity of foreign residents and diplomatic representatives as the subjects of criminal proceeding are analyzed. The authors investigate the procedure of questioning, institution of criminal proceeding and control information about the act of crimes with foreign citizens.

Keywords: foreign citizen, diplomatic immunity, questioning as investigative action, institution of criminal proceeding, control the information about the act of crimes.

Demidova-Petrova E.V. Features and indicators of crime of minors in the Republic of Tatarstan

In the present article statistics of crime of minors in Russia and the Republic of Tatarstan are shown. The author specifies that in recent years the Republic of Tatarstan steadily is among the regions of the country which are characterized by a stable social situation that is in many respects caused also by effective work of law-enforcement bodies.

Tables in which the characteristic of the minors who committed crimes in the Russian Federation, dynamics of crime among minors and the punishment measures applied to them in the Republic of Tatarstan, and also the characteristic of the minors condemned in the Republic of Tatarstan is offered are provided in article.

Key words: minor, crime, youth, crime of minors, crime indicators, family, homelessness.

Ephraim M.A. Criminal liability for forgery, manufacture or sale of counterfeit documents, state awards, stamps, seals, letterheads

In the article the provisions of the criminal law provides for liability for counterfeit manufacture or sale of counterfeit documents, state awards, stamps, seals, forms are examined. The author discusses the features of the objects of this crime, possible ways of improving of law.

Keywords: document, official document, certificate forgery, criminal law, criminal liability.

Rogova E.V. Criminological characteristics of persons who are guilty of committing misdemeanors

In the article analyzes the criminological characteristics of persons who are guilty of committing misdemeanors are analyzed, in order to justify the legislative consolidation of categories of criminal offenses. The study of criminological characteristics of these persons is necessary to determine the effectiveness of existing criminal law applied to them. Conducting criminological research in this field depends on the need of improving the criminal law.

Keywords: criminal offense, criminological characteristics of the person, a misdemeanor.

Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Criminal subculture and its prevention

The article gives the definition of a criminal subculture, shows its social danger. The types and elements of criminal subculture are analyzed. Special attention is given to stratification (hierarchy) of criminals, criminal slang, non-verbal methods of communication, prison folklore. The authors pay attention to the confrontation and minimizing the criminal subculture in modern conditions.

Keywords: criminal sub-culture, customs and traditions of the criminal society, criminal status, hierarchy of criminals, criminal slang, criminal folklore, gambling.

Zinnurov F.K., Krasil'nikov V.I. About forensic psychiatric examination for persons committing dangerous public acts

The research was conducted on the basis of the Republican Clinical Hospital of Ministry of Health of the Republic of Tatarstan, as well of autonomous public health care institution «Republican Clinical Psychiatric Hospital named after acad. V.M. Bekhterev». The monitoring of the nature of expert decisions regarding the perpetrators of dangerous public acts (DPA) (Article 105 of the Criminal Code) for the three years 2012–2014 was made.

Keywords: murder, rape, forensic psychiatric examination, dangerous public action, deviances.

Malkov V.P., Khaidarov A.A. Inter-district courts are the system of courts of General jurisdiction - new judicial category

The article deals with such judicial category as inter-district courts. The authors research the question of the legal status and jurisdiction of the inter-district courts, as well as the validity of the establishment of permanent judicial presence the interdistrict courts of general jurisdiction.

Keywords: inter-district courts, reform of the system of courts of general jurisdiction, district court, permanent judicial presence.

Ivanov P.I., Sonin V.V. Securing budgetary resources in the sphere of the implementation of targeted programs from criminal attacks

In this article the authors examine the features of the protection of the budget in the sphere of the implementation of targeted programs from criminal attacks by divisions of economic security and anti-corruption in conditions of an increasingly tight budget financing. The prevalence of economic and corruption crimes, material damage from them, as well as the organized nature of the committed acts, largely determine the need for effective operational-search measures for their timely prevention.

Keywords: defense budget from criminal attacks, operational-search measures, a division of economic security and anti-corruption , the scope of the implementation of targeted programs, economic and corruption crimes.

Aliullov R.R., Saetgaraev V.F. The essence and fundamental principles of cooperation of the police in the implementation of operational and service tasks

The article reveals the essence and the basic principles of interaction of the police as an important management function by internal affairs bodies in the implementation of operational and service tasks.

Keywords: interaction, management, organization of interaction, coordination, management principles, principles of interaction.

Shmatov M.A., Shmatov V.M. Historic-Legal Aspects of Evolvement of Operational-Investigative Theory into Science

The proving process by detection and investigation of crimes is a corner stone in any criminal case. Throughout the history of operational-investigative activity the usage of its outcomes in the penal procedure remains an acute issue up to the moment of attaching the significance of judicial evidence to them through both theoretical and practical implementation. In this respect the legal support issues pertaining to the mechanism of intelligence information usage in penal procedure gain the ultimate significance. It is of utmost relevance because the main tasks of operational-investigative activities are embodied in revelation, prevention, interception and detection of crimes as well as identification of persons who have committed them.

In this situation one of the decisive conditions of intelligence information usage as proofs in penal procedure is attributing the status of 'Operational-investigative science' to the operational-investigative activities. The article discloses the issues of evolvement of operational-investigative theory into science from the historic-legal aspect.

Key words: theory of operational-investigative activity, operational-investigative science, intelligence information, proofs.

Kuznetsova S.M. Reform of the preliminary investigation: prospects of development

The article contains analysis of the procedure of a criminal investigation in the form of inquiry and short inquiry short. The author concludes about the need to reform the preliminary investigation and the establishment of a single mode of a criminal investigation in the form of a preliminary investigation.

Key words: form of a preliminary investigation, inquiry, short inquiry in an abbreviated form, preliminary investigation.

Khaidarov A.A. The problem of personal responsibility for the procedural actions and the adoption of procedural decisions in criminal procedure

In the article the problem of personal responsibility of participants in criminal proceedings for procedural actions is considered. The author insists on the accountability of the body of inquiry for illegal actions during the detention of the person prior to the initiation of criminal proceedings and the bringing of this person to the investigator.

Keywords: responsibility, procedural status, actual detention, personal responsibility of the participant of the criminal process, falsification of time of apprehending.

Shalagin A.E., Shlyakhtin E.P. The Problems of preventing and combating organized crime

In the article a retrospective analysis of the emergence and development of organized crime in Russia is made. The definition of organized crime, its characteristics and forms. Deals with the issues of responsibility for the creation of criminal organizations in foreign countries. The measures to combat organized crime.

Keywords: organized crime, organized criminal group, criminal Association, criminal organization, prevention, counteraction, opposition to crime.

Ilidzhev A.A. The essence and significance of professional competence in «Jurisprudence» in designing competence-oriented educational process in educational organizations of the Interior of Russia

This article is devoted to a review of mature views on the concept of «competency» and «competence» two approaches are emphasized to the correlation of these concepts. The article reveals the structure of professional competence, presented as a complex entity, which includes three main components: a cognitive one, activity and personality ones. Based on the analysis of the composition and content of the professional competencies of the future bachelor of law integrative nature of professional competence is based on.

Keywords: competency, competence, composition and structure of the professional competencies of bachelor of law, integration, professional orientation.

Sirotkin Y.L. The stigmatization as a socio-cultural phenomenon

The article discloses the concept of «socio-cultural stigmatization». The stigmatization is studied as a socio-cultural phenomenon. The theory of stigmatization (ethiketing) is being critically valued. The article analyses the stigmatization in the social and cultural spaces, its forms and potential. The article provides the results of experimental research of stigmatization in the youth's subculture.

Key words: stigma, stigmatization, a norm, deviation, socio-cultural stigma.

Muzeev A.I., Tolstya M.-V.E. The history of regulatory use of results operatively-search activity

In the article the history of the regulatory use of the results of operational-investigative activity is discussed.

Keywords: use the results of investigative activity, the history of operatively-search activity

Ivanov P.I., Kuznetsov P.G. On the experience of carrying out preventive operations «Timber - 2014» (based on the MOI of Russia for the Far Eastern Federal District)

In this paper, the authors describe a generalized experience of the MOI of Russia for the Far Eastern Federal District preventive operations «Timber 2014».

Keywords: Far East Federal District, traffic police, timber industry, operational and preventive measures, illegal timber and wood products.

Efremova M.A., Borzicov A.A. Consumer fraud in the modern criminal and administrative law: prospects and problems of criminalization

The article examines debatable issues of expediency of criminalization of consumer fraud and the efficiency of consumer protection by means of legal administrative regulation, the authors analyze the main approaches to the understanding of the legal nature of this offense and the topical legislative initiative on its criminalization for reasonableness of supplementation of the criminal law with a new type of crime, previously decriminalized by legislator.

Key words: criminal law, administrative law, criminalization of offenses, grounds of decriminalization, consumer fraud, consumer protection.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 905 375 94 95

Анкудинов А.Б. – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры финансов организаций Казанского федерального университета
e-mail: public.mail@kpfu.ru

Артюшина Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 905 375 75 79

Безруков Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России
e-mail: abezrukov@bk.ru

Богаткина Руфия Шафкатовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 917 915 26 12

Борзиков А.А. – студент 4 курса юридического факультета Ульяновского государственного университета
e-mail: andreyab73@mail.ru

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: demidova.liza@gmail.ru

Ефремова Марина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета
e-mail: seamaid63@gmail.com

Зиннуров Фоат Канафиевич – доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент начальник Казанского юридического института МВД России
e-mail: vestnikkui@mail.ru

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации
e-mail: amvd@mail.ru

Илиджев Александр Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, врио начальника кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России
e-mail: ilidsasha@yandex.ru

Красильников Владимир Иванович – доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, главный научный сотрудник Республиканской клинической больницы Минздрава Республики Татарстан
e-mail: vikrasilnikov@mail.ru

Кузнецов П.Г. – адъюнкт Академии управления МВД России, начальник отдела ЭБиПК МУ МВД России «Подольское» ГУ МВД России по Московской области

Кузнецова Светлана Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России
e-mail: s.m.kuznecova@mail.ru

Малков Виктор Павлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Татарской АССР, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: skywriter_al@mail.ru

Музеев Айдар Иршатович – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
e-mail: a_mouzeev@mail.ru

Нугуманова Д.Р. – эксперт отдела аудиторских услуг ООО Эрнст энд Янг
e-mail: www.ey.com

Рогова Евгения Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
e-mail: rev-80@yandex.ru

Садыкова Ирина Владимировна – преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 917 257 71 69

Саетгараев Вильсур Фирдависович – соискатель Казанского юридического института МВД России, заместитель начальника отдела Информационного центра МВД по Республике Татарстан
e-mail: vilson78@list.ru

Сироткин Юрий Львович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 903 387 97 68

Сонин Василий Васильевич – соискатель Академии управления МВД России, начальник межмуниципального управления МВД России «Раменское»
тел.: (496)463 32 02

Толстая Мария-Виктория Евгеньевна – слушатель 5 курса Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 987 224 65 54

Хайдаров Альберт Анварович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail: skywriter_al@mail.ru

Хисамутдинов Фарид Равилевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по учебной работе Казанского юридического института МВД России
тел.: (843) 277 83 82

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
моб. тел.: 8 904 667 52 08

Шляхтин Евгений Павлович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
e-mail: kentavr.kaz@mail.ru

Шматов Виталий Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Шматов Михаил Андреевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, заслуженный юрист РФ
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Казань «___»_____ 201__ г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Зиннурова Фоата Канафиевича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и __ _____,
именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи «_____ _____ _____»,
именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение следующие права:

2.1.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. Право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. Право на использование метаданных (название, имя Автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы;

2.1.4. Право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.5. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

2.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

2.5. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.6. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку: фамилия, имя, отчество; сведения об ученой степени; сведения об ученом звании; сведения о месте работы и занимаемой должности; контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Ответственность Сторон

3.1. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

4. Конфиденциальность

4.1. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае их безрезультатности, указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

5.3. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.4. Расторжение Настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.5. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.6. Во всем, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства Российской Федерации.

5.7. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

ИЗДАТЕЛЬ:	**АВТОР:**
Федеральное государственное	ФИО
казенное образовательное учреждение	_____
высшего профессионального образования	_____
«Казанский юридический институт	Адрес
Министерства внутренних дел	_____
Российской Федерации»	_____
420108, г. Казань, ул.Магистральная, 35	Паспортные данные
ИНН 1659031563, КПП 165901001	_____
в ГРКЦ НБ РТ Банка России г. Казань	_____
р/с 40105810000000010001	_____
л/с 03111517810 в УФК по РТ	Дата рождения _____
тел.: (843) 278-77-28, факс:278-77-58	
_____ **Ф.К. Зиннуров**	_____ (_____)

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
   - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
   - заглавие публикуемого материала;
   - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
   - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. В начале статьи необходимо указать УДК.
6. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
7. Технические требования:
   - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
   - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
   - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
   - сноски концевые.
8. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
9. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю», а также заполненный договор.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).